

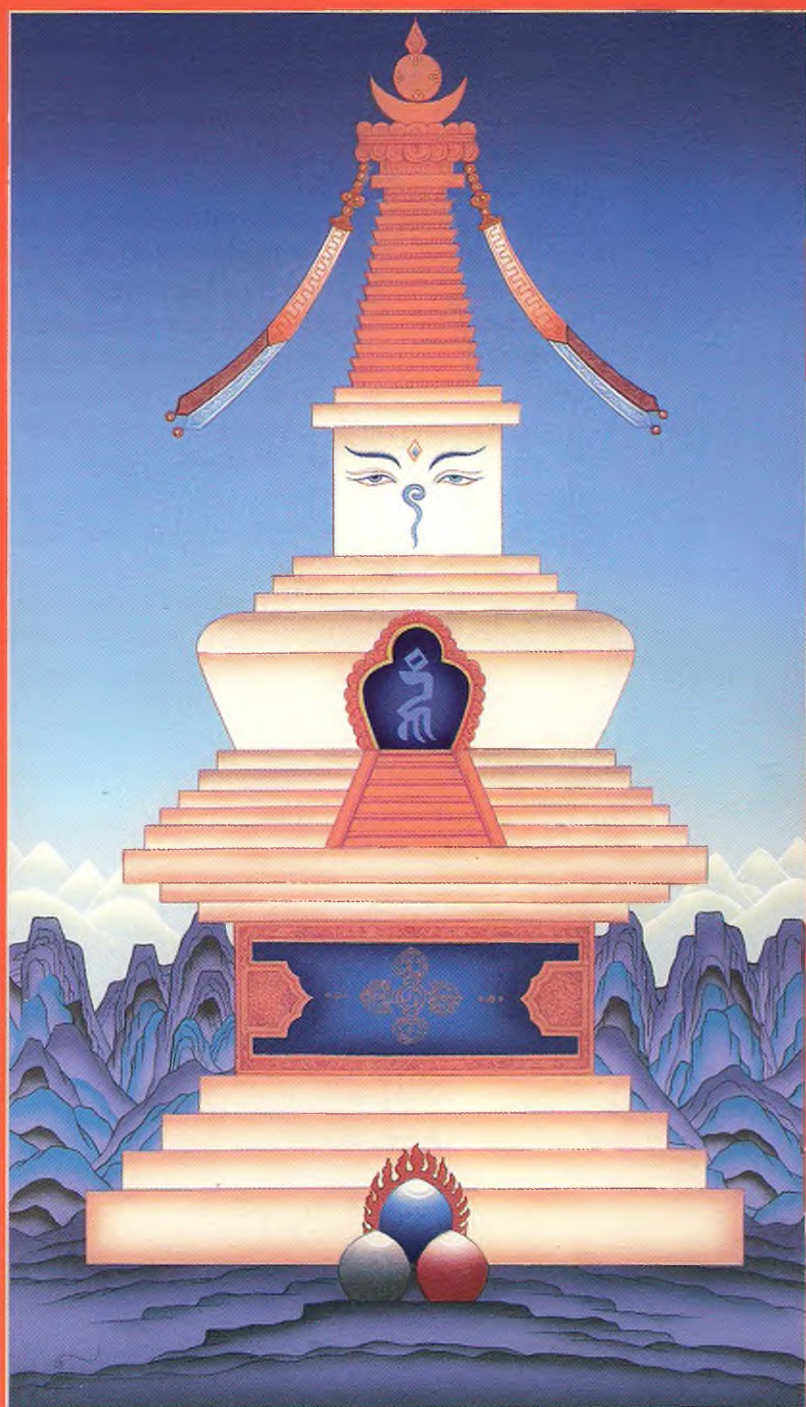
Абхаядатта

БУДДИЙСКИЕ МАСТЕРА–МАГИ

Легенды о махасиддхах

Иллюстрации Роберта Бира

Абхаядатта

БУДДИЙСКИЕ МАСТЕРА–МАГИ

Легенды о махасиддхах

Перевод с английского
Юлии Воротниковой

Иллюстрации Роберта Бира

Москва
ОРИЕНТАЛИЯ
2011

УДК 294.3
ББК 86.35
А 17

By arrangement with Inner Traditions
Rochester, Vermont

Литературно-художественное издание

Абхаядатта
БУДДИЙСКИЕ МАСТЕРА-МАГИ

Перевод с санскрита *Мондуб Шераб*
Перевод с тибетского *Кит Дацман и Бхаг Тулку Пем Тензин*
Перевод с английского *Юлия Воротникова*
Редактор *Алина Абдуллина*
Корректоры *Ольга Сокольникова, Галина Калашишникова*
Оригинал-макет и оформление переплета *Инна Горцевич*

А 17 Абхаядатта Буддийские мастера-маги. Легенды о махасиддхах / Абхаядатта;
Пер. с англ. Ю. Воротниковой. — М.: Ориенталия, 2011. — 208 с. (ил.)

ISBN 978-5-91994-010-4

В книге «Буддийские мастера-маги» собраны 54 из 84 жизнеописаний знаменитых махасиддхов Индии. Авторство легенд приписывается индийскому йогину Абхаядатте (XII в.), который надиктовал их тибетскому переводчику Мондубу Шерабу. Иллюстрации выполнены современным британским художником Робертом Биром.

Издательство «Ориенталия»
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 5
Тел./факс (495) 616-5295. Для писем: orient@orientbook.ru

Формат 84 × 108 ¹/₁₆. Бумага мелованная.
Подписано в печать 20.04.2011. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84
Тираж 2000 экз. Заказ № 5630.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-91994-010-4

© Inner Traditions, 1998
© Ю. Воротникова, перевод, 2011
© ООО Издательство «Ориенталия», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА-ИЛЛЮСТРАТОРА	7
ВСТУПЛЕНИЕ	11
БУДДИЙСКИЕ МАСТЕРА-МАГИ	
МИНАПА • Иона из Бенгалии	32
ЛУИПА • Поедатель рыбьих потрохов	35
ВИРУПА • В совершенстве освоивший практику дакинъ	37
ДОМБИПА • Оседлавший тигра	43
САРАХА • Великий брахман	47
ЛИЛАПА • Король, любивший удовольствия	49
ШАВАРИПА • Охотник	53
ГОРАКША • Бессмертный пастух	55
ТАНТИПА • Дряхлый ткач	59
КХАДГАПА • Великий вор	63
ЧАУРАНГИПА • Лишенный конечностей	65
КАНКАРИПА • Вдовец, страдавший от любви	69
АРЬЯДЭВА • Рожденный в лотосе	71
НАГАРДЖУНА • Философ и алхимик	75
ВИНАПА • Любитель музыки	79
ТАГАНАПА • Мастер обмана	83
ЧАМАРИПА • Великолепный сапожник	85
ШЬЯЛИПА • Йогин-шакал	88
НАРОПА • Неустрашимый ученик	91
ТИЛОПА • Великий отшельник	95
ШАНТИПА • Ученый муж	97
МЕКОПА • Гуру с безумным взором	101
КАМБАЛА • Йогин в черном покрывале	103
ВЬЯЛИПА • Алхимик и куртизанка	108
ТАНТЕПА • Азартный игрок	111
КУККУРИПА • Собачник	113
КАНХАПА • Темнокожий	117
АЧИНТА • Алчный отшельник	121
БХАДРАПА • Сноб	125
КАЛАПА • Прекрасный безумец	127
БХУСУКУ (ШАНТИДЭВА) • Ленивый монах	131
КОТАЛИПА • Гуру-крестьянин	135
ИНДРАБХУТИ • Просветленный король	139

ДЖАЛАНДХАРА • Избранный	141
БХИКСАНАПА • Сиддха с двумя зубами	145
ГХАНТАПА • Монах, давший обет безбрачия	147
ЧАМПАКА • Король цветов	153
КУМБХАРИПА • Гончар	157
ГОДХУРИПА • Ловец птиц	159
КАПАЛАПА • Йогин с черепом	161
ЧАРБАРИПА (ЧАРПАТИ) • Сиддха, превративший людей в камни	163
КАНТАЛИПА • Штопальщик отрепьев	165
ДЖАЯНАНДА • Повелитель ворон	169
ДХИЛИПА • Любитель вкусно поесть	171
ДАРИКАПА • Король, ставший рабом проститутки	175
УДХИЛИПА • Летающий сиддха	179
ЛАКШМИНКАРА • Безумная принцесса	181
НИРГУНАПА • Просветленный болван	187
МЕКХАЛА И КАНАКХАЛА • Обезглавленные сестры	189
КИРАПАЛАПА (КИЛАПА) • Раскаявшийся завоеватель	191
НАГАБОДХИ • Краснорогий вор	195
САРВАБХАКША • Сиддха с пустым желудком	197
МАНИБХАДРА • Примерная жена	201
САРОРУХА • Лotosовое дитя	205
ОТ ИЗДАТЕЛЯ АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ	208

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

художника-иллюстратора

Написать это вступление меня попросили издатели. По их мнению, некоторые подробности моей жизни могут пролить свет на то, как из зрительного восприятия возникает изобразительное искусство. Я согласился написать этот небольшой очерк — хотя, должен признаться, с некоторой неохотой.

Я родился в сентябре 1947 года в Кардиффе, в Западном Уэльсе. В детстве у меня случались несильные приступы эпилепсии, приводившие к моментам полной пустоты в уме и неумной фантазии. Это переживание, возможно, стало первым осознанием того, насколько несопоставимы внешний и внутренний мир человека. Когда мне было тринадцать, от гидроцефалии (водянки головного мозга) умерла моя сестра — ей было всего три года. Меня глубоко потрясло тогда осознание случившегося — того факта, что вот так могло окончиться существование этого всеми любимого, невинного и беспомощного создания. В тот день, когда она умерла, мне приснился чудесный, очень живой сон — мне виделось, как мы летели с ней по небу, и сестра совсем не казалась мертвой. Вершиной жизненного пути является смерть — это открытие заставило меня задуматься над извечными вопросами. Кто я? Откуда мы появляемся и куда уходим? И что такое Бог? Я стал интересоваться космологией, а затем религиями — в особенности индуизмом и буддизмом.

Со временем во мне проявилась неумная тяга к религии и искусству. Я попытался поступить в колледж искусств, но не был принят из-за дальтонизма. В 1966 году я впервые попробовал ЛСД и сразу же обнаружил, как открывается дверь, ведущая в ум. Последующие три года я провел в погоне за психоделическими ощущениями. Каждое путешествие на другую сторону ума превращалось во все более мощное мистическое и религиозное переживание, даря мне проблески понимания природы ума. Мое пылкое пробуждение пришлось на шестидесятые — период острого интереса к Востоку и психоделикам — и на несколько лет мой внешний и внутренний мир обрели гармонию и согласие. В то время, увлеченный исконным символизмом религиозного искусства, я всерьез занялся рисованием. Однако мои психоделические опыты становились все более экстремальными, а основные инстинкты и осознанность, необходимые для выживания, стали давать сбой.

В 1969 году я пережил свое последнее путешествие под ЛСД. Оно не привело меня далеко — нестерпимая боль внезапно словно железным обручем сдавила мне голову, и я потерял сознание. Очнувшись, я понял, что мир уже никогда не будет таким, как прежде. Вокруг больше не было ничего, кроме меня, но это «я» уже не являлось чем-то определенным и ощутимым. Мне буквально «разорвало мозг», и я впал в психоделический психоз, с ужасом осозная, что отныне мне придется жить в этом состоянии.

Это подобное сну ощущение слилось с моим обычным сознанием в невыносимое переживание опустошенности, ни на минуту не покидавшее меня. В голове было такое ощущение, будто череп поджаривают электричеством. В уши словно впивались спицы, а в глазах ощущалось непрерывное давление. Надолго терялась чувствительность в спине и суставах.

Я ощущал, как моя личность все больше и больше распадается на части, мне казалось, что я слаб и уязвим перед духами, страшнее всего казались демоны. Самым ужасающим в моем состоянии было чувствовать, как превращается в небытие

само мое существование, и этой реальности я должен был избежать любой ценой. Если мне удавалось усидеть на одном месте несколько минут, мне казалось, что тело мое растворяется в пространстве, и меня охватывал ужас при мысли о том, что я не смогу больше вернуться в мир формы. Когда я сидел на стуле, мне приходилось постоянно дергаться, чтобы не чувствовать, как исчезают ноги, а позвоночник уходит в бесконечный вакуум. Все, к чему я прикасался, становилось частью меня самого, и я вынужден был отходить в сторону, чтобы отсоединить эти предметы от тела и определить его границы. Объятия с людьми повергали меня в ужас — мне казалось, что два тела буквально соединялись в одно.

Я жил в постоянном страхе умереть в таком состоянии. Моим лекарством стали прогулки, одиночество, занятия музыкой и рисование. Когда я подолгу концентрировался на музыке и рисовании, мне удавалось отвлечься от непрекращающейся погруженности в свое состояние. Так я прожил долгие годы. Поначалу все ощущения были чрезвычайно интенсивными, но со временем они начали терять былую силу, а возможно, я просто немного привык к ним.

В 1970 году я переехал в Индию, где начал упражняться в рисовании тибетских тханок. В этом решении не было академического расчета, оно стало результатом моего интуитивного отождествления с энергиями, представленными в тибетском пантеоне. Как сказал Уильям Блэк, «все божества живут в груди человека». Рисование божеств Тибета как будто стало для меня гармоничным выплеском наружу не поддающейся пониманию бесконечной внутренней сумятицы. Я начал с самостоятельного изучения техники рисования тханок и какое-то время жил в Дхармасале рядом с тибетским художником Джампой. У него самого и его последователей я стал учиться правильному изображению Будда-форм.

Следующие шесть лет я провел в Индии и Непале, посвящая рисованию тханок минимум по двенадцать часов в день. Все это время я пытался найти того, кто сумел бы понять и объяснить природу моего умственного и психического состояния. Однажды мне пришлось принять участие в десятидневном курсе, посвященном медитации випассана, который проводил учитель из Бирмы по имени Гёнка. В разговоре один на один с ним я буквально в слезах описал свое состояние. На мгновение возникла пауза, а затем он просто расхохотался. Но я, конечно же, не мог похвастать таким же юмористическим отношением к своей ситуации. Лама задал мне несколько прямых вопросов, по которым было очевидно, что он полностью понимает мое состояние. Затем он объяснил, каким было мое восприятие реальности; мне следовало научиться не бояться того, как растворяется эго, и не воспринимать себя слишком всерьез. Он рассказал мне о том, как нужно применять техники випассаны, чтобы восстановить телесные ощущения клеточной и молекулярной реальности. Благодаря этому пониманию мое психическое состояние со временем трансформировалось в более «нормальный» уровень восприятия. Однако дверь в эту тюрьму по-прежнему остается открытой — иногда я попадаю внутрь, но теперь я там только гость, а не заключенный.

В течение тех лет, что я провел в Индии и Непале, я продолжал изучать рисование тханок и индийскую музыку. Следуя советам многих художников-тханкописцев и лам, я совершенствовался в этом искусстве. Последний год в Индии я прожил в тибетской ремесленной общине в Ташидзонге. Там я работал над серией тханок

для своего духовного учителя и наставника в искусстве Кхамтрула Ринпоче — великого тибетского ламы, который, помимо прочих его заслуг, считался одним из лучших художников-тханкописцев того времени.

Из Индии я уехал в 1975 году и теперь живу в уединенном местечке в Шотландии с женой и двумя дочерьми. Все это время я продолжаю рисовать, изучать тибетское искусство и практиковать буддизм. За эти годы мною было создано большое количество иллюстраций для книг.

Цветные иллюстрации в этом издании являются репродукциями, они примерно того же размера, что и миниатюры-оригиналы: 165×216 мм (6,5×8,5 дюйма) и 210×273 мм (8,25×10,75 дюйма). В их создании использовалась гуашь; обводка и декоративные детали нарисованы чистым золотом. Оригиналы созданы на бумаге Хаммер и бристолевском картоне. Фоны сильно растушеваны, а сами фигуры и передний план выполнены очень тонкой кисточкой. Для обводки и золотых деталей я использовал кисточку 000 из собожьего волоса, стертую до толщины иглы. В этой технике тханкописи не допускается рисовать поверх уже созданного изображения, поэтому ошибки нелегко исправлять.

В создании черно-белых рисунков я использовал кисть, китайские чернила и бумагу Хаммер. Все эти изображения написаны в одном и том же размере, их ширина 180 мм. Над каждым таким рисунком я работал в среднем по двадцать четыре часа, а над цветными — от восьмидесяти до ста двадцати часов. Таким образом, для выполнения всей графики для этой книги мне понадобилось более четырех тысяч часов.

Меня часто спрашивают, насколько традиционна моя живопись и как много в ней моей собственной фантазии. На этот вопрос ответить трудно — на мой взгляд, в какой-то момент традиция и фантазия должны стать единым целым. Вдохновение в работе над иллюстрациями для этого издания я черпал из разных источников. Около десятка рисунков были созданы на основе великолепных китайских тханок из Государственного этнографического музея Стокгольма, некоторые были срисованы с настенных росписей монастырей в Гьянце (Тибет), а также храма пятого Далай-ламы в Лхасе. Важнейших махасиддхов я рисовал так, как их изображают традиционно, а в рисунках большого числа не столь известных сиддхов можно видеть синтез традиционности и инновации.

В каждой традиции изображения человека или божеств существуют свои истоки и преемственность. В тибетском искусстве можно встретить широкий спектр стилистических влияний Греции, Персии, Центральной Азии, Индии и Китая. В большей мере буддизм Ваджраяны позволил проявиться культурным особенностям тех регионов, где прижились эти учения. Сегодня, когда Ваджраяна все больше укореняется в западном мире XX века, ей безусловно придется претерпеть изменения в стиле и образе. Можно сказать, что родник, вокруг которого построен город, останется неизменным, в то время как здания будут постоянно перестраиваться.

В отличие от Будда-форм, изображения которых подчиняются строгим правилам иконографии, представление махасиддхов как исторических персонажей, подобно их жизненному пути, будет всегда оставаться свободным самовыражением и энергией чистого наслаждения.

ВСТУПЛЕНИЕ

Пожалуй, ничто не может подарить нам такого полного понимания сути тантрического буддизма, как жизнеописания его основателей. К обширному литературному наследию Тибета относится также текст под названием «Легенды о восьмидесяти четырех махасиддхах». Считается, что это уникальное собрание историй о махасиддхах продиктовал тибетскому переводчику Мондубу Шерабу индийский Мастер Абхаядатта Шри. Это произошло в XII веке, незадолго до исчезновения буддизма в Индии. В легендах о махасиддхах отразилась сущность индийской тантрической традиции, а также дух йогов и мастеров тантрической медитации. В то же время пелена мифов, опутывая эти истории, защищает от непосвященных сакральные тайны учения.

В наши дни в передаче универсальных, практических элементов тантрического буддизма с Востока на Запад неясные архаичные аспекты индийской культуры препятствуют его пониманию. Поэтому, адаптируя буквальный тибетский перевод историй о махасиддхах, мы старались в каждом жизнеописании поставить акцент на принципах тантрической практики и на человеческих качествах, проявляющихся на фоне очевидных культурных различий. Таким образом, были опущены повторяющиеся и не относящиеся к теме пассажи, переработаны неясные места в описаниях, а в некоторых легендах слегка видоизменена сюжетная линия. Количество самих историй сокращено с восьмидесяти четырех до пятидесяти четырех, тем не менее строфы, в которых гуру передает ученику тайные поучения, в представленных легендах звучат максимально близко к тибетскому оригиналу. Надеемся, что, опустив неясные моменты в этих историях, мы создали контекст, открывающий доступ к пониманию важнейших аспектов философии сиддхов — философии недвойственности и пустоты.

Традиция сиддхов

VIII век в Индии ознаменовал окончание целой эпохи: великие достижения периода Гупта уже стали историей, наступило временное затишье перед окончательным расцветом индуистской цивилизации. Общество пребывало в тисках жестких правил — в социальном укладе господствовала формальность, подавляя дух и чувства, а в религии доминировали ритуалы. В то время как пандиты великих академий посвящали себя схоластическому буквоедству на мертвом языке, на рыночных площадях святые садху продавали свое благословение. У западных границ Индии сконцентрировались бесчисленные турецкие орды, и угроза их вторжения, грабежей, поджогов и кровавых расправ дамокловым мечом нависла над Индийским полуостровом.

В таких условиях возникла новая форма буддизма, которой предстояло вернуть к жизни задыхающееся общество. Последнему, третьему циклу поучений Будды Шакьямуни было дано название тантрический буддизм, или Ваджраяна. Со временем Тантра стала преобладать в религиозной жизни Индии. Она также распространилась в Центральной Азии, Китае, Японии, а в Тибете стала неотъемлемой частью всех аспектов жизни. До недавнего времени западные исследователи придерживались либо ортодоксального взгляда брахманов на нетрадиционную для них Тантру, либо рассматривали ее с точки зрения ранних буддийских

подходов Хинаяны и Махаяны. Однако последние двадцать лет тибетские ламы, находясь вдали от своей родины, в изгнании, демонстрируют Западу чистую, живую тантрическую традицию. Такая передача привела к переоценке подходов к самой Тантре.

Образчики нового буддизма, высочайшие проповедники Тантры, стали называться сиддхами. Еще на заре распространения Тантры в Индии, в VIII веке, сиддхи стали воплощением неподдельной духовности, поднявшейся с самого дна общества. Отречение, чуждое лишенным жизни нормам социального и религиозного уклада, в котором общество приравнивалось к запутанности, стало главным условием духовного развития. Дух чистого мистицизма сиддхов поставил их вне общественных норм, сделал антиортодоксами и антисхоластиками. Они придерживались простого и свободного образа жизни, не принимая дисциплину, установленную общественными институтами. Восстав против пустых ритуалов, шарлатанства, лживого философствования, кастовой системы и ритуальной чистоты брахманов, сиддхи стали мятежниками, борцами с традиционными предрассудками. Они учили скорее пространственно-временной сопричастности, чем метафизическим спекуляциям. Многие из них были музыкантами и поэтами, их постижение отразилось в чудесных мистических песнях, написанных просторечным языком, использующим такие метафоры, как дом и семья, скотоводство и ремесла, а также любовь и чувственная близость.

В своем радикальном настрое по отношению к ортодоксальному порядку сиддхи не шли на компромисс и любой ценой отстаивали свои идеалы свободы. Поскольку Тантра получала все более широкое признание, ее сторонников все меньше отождествляли со странствующими йогинами, членами тайного культа. В период между IX и XII веками Восточной Индией управляла империя, возглавляемая королевской династией буддистов, которые поддерживали развитие тантрического буддизма. Во времена королей Пала тантрическую революцию приняли в общественном истеблишменте. Несмотря на то что враждебность между общественными институтами и последователями Тантры сохранилась, короли Пала основали Викрамашилу и Одантапури — монашеские академии по изучению тантрической литературы. Именно здесь были составлены многочисленные комментарии к основным тантрическим текстам.

В этот более поздний период эволюции тантрического буддизма сиддхи проявили свою глубокую терпимость и широту взглядов, став неотъемлемой составляющей общества. По происхождению и роду занятий восемьдесят четыре махасиддха представляют всевозможные социальные слои, демонстрируя полный спектр человеческого опыта. Среди них — священники-брахманы, ученые, монахи, короли и министры, купцы и торговцы, охотники и слуги. В числе выдающихся сиддхов встречаются мойщик, пастух, вор, мошенник, азартный игрок и проститутка. Некоторые из сиддхов страдали серьезными заболеваниями. Постижением, обретенным как мужчинами, так и женщинами, последователями Тантры, — независимо от их социального статуса и образа жизни — стало осознание природы Будды во всех живых существах. Благодаря карме все они однажды встретились с гуру, получили посвящение в линию передачи тантрических наставлений, а также в практику тантрической медитации.

Наряду с империей Пала в Бенгалии, ставшей центром власти и влияния в Тантре, другие регионы Индии также внесли свой вклад в традиции сиддхов. В Уддияне на северо-западе, располагавшейся на территории нынешней долины Сват в Пакистане, зародилось несколько важных тантрических линий передачи. На юге Индии главным центром тантрического буддизма стал Канчи — нынешний город Канчи-пурам в штате Тамилнад. Возможно, именно там возникли первые тантрические культы. В легендах о махасиддхах несколько раз упоминается священная гора Шри Парвата (сегодня штат Андхра-Прадеш) — одно из важнейших мест силы периода сиддхов. Этот статус сохранился и по сей день. Из общего числа восьмидесяти четырех махасиддхов с югом Индии связаны имена девяти, с северо-западом — только двоих, а с востоком — сорока семи.

В середине XII века империя Пала была разгромлена индуистской династией Сена, просуществовавшей, впрочем, недолго. В 1199 году, когда армия турок вторглась в Восточную Индию, турецкий генерал разгромил академию Викрамашила как военную крепость, перерезал всех монахов, сжег бесценную библиотеку и уничтожил здание самой академии. В последовавшей за этим яростной расправе со стороны мусульман лишённые какой-либо поддержки буддисты во всей северной части Индии погибали за свою веру, скорее принимали ислам, чем брались за меч, или бежали в Гималаи. В соседние Непал и Тибет хлынули потоки беженцев, что в конечном итоге принесло неизмеримую пользу тантрической традиции этих стран. В самой Индии тантрический буддизм ушел в подполье, а с течением времени и вовсе смешался с более жизнеспособными индуистскими линиями тантрической передачи. Элементы буддийской Тантры можно и теперь различить в традиции йогинов-натхов, а также в суфийской традиции Кабира, великого поэта Средневековья, и даже в произведениях бенгальского поэта Рабиндраната Тагора.

О терминах

Кем же были эти искатели духовных приключений? Чему они учили? Что практиковали? Отвечая на эти вопросы, будет полезно дать определение некоторым словам на санскрите, у которых нет эквивалента в русском языке.

Первым таким словом является «сиддх». Сиддхами называют практикующих Тантру, достигших цели медитации. Такое духовное достижение, или совершенство, называется «сиддхи» и объединяет два значения: магические, «обычные», способности и само Просветление — абсолютную силу. Значение слова «сиддх» можно было бы передать такими словами, как «святой», «маг», «волшебник» или «последователь», но и их было бы недостаточно, поскольку понятие «сиддх» отражает образ жизни, уникальную модель существования и совершенно определенные устремления. Упоминание о связи индусов с сиддхами оказывает на них магическое действие. Йогин или йогиня могут обрести титул «сиддх», если способны проходить через стены, летать, лечить больных, превращать воду в вино или читать мысли. Если же глаза этих практикующих светятся безумным блеском, а в волосах метровой длины находится ваджра, если они посыпают себя пеплом и своим присутствием могут усмирить стаи бродячих псов, если от их песен на глаза наворачиваются слезы, если они способны склонить преданных жен оставить свои семьи, если они едят

из человеческих черепов, разговаривают с птицами, спят с прокаженными, плачут при виде ребенка, страдающего параличом, бесстрашно укоряют власть предержащих в отсутствии морали или совершают любое другое действие, противоречащее общепринятым нормам, демонстрируя «высшую» реальность, — в таком случае они вряд ли являются сиддхами.

Таковы взгляды, распространенные среди тех, кто не имеет представления о духовной цели сиддхов — Махамудре, состоянии Будды. Конечно, сиддхов можно встретить и среди неприметных офисных работников, фермеров или рабочих на фабриках. Сиддх может быть королем, монахом, слугой или продажной женщиной. Приставка «маха» означает «великий», «изумительный», «величайший». Таким образом, махасиддхи — это величайшие из всех реализованных сиддхов.

Слово «садхана» иногда переводят как «духовная дисциплина». Тем не менее оно также означает «психо-экспериментальные техники экстаза и выхода за пределы личности» или «активность тела, речи и ума, мотивированная обетом Бодхисаттвы». В более узком понимании «садхана» указывает на «медитативную практику йоги на или йогини, основанную на поучениях Гуру» или же на «практику основной медитации посвященного».

В жизни тантрика — практикующего Тантру — садхана является центральным аспектом, точнее, она становится всей его жизнью. На самом деле то, насколько жизнь практикующего не интегрирована в садхану, отражает степень неисполнения обещания, данного во время посвящения. Такая клятва — обет, подтверждающий намерение практикующего без остатка посвятить всего себя недвойственному, всепронизывающему опыту Просветления. Садханы махасиддхов могут быть так же разнообразны, как и личности самих махасиддхов, хотя большинство их практик можно отнести к медитативным фазам построения и завершения.

Неизменной целью садханы махасиддхов являются совершенства Махамудры — не что иное, как опыт Просветления, который пережил сам Будда. Используемое повсюду туманное понятие «Просветление» можно определить как непреходящее, абсолютное переживание единства всего, недвойственное постижение окончательной реальности, Ясный свет, всепроникающее осознание или растворение индивидуума во вселенском уме. Просветление Будды описывается как безграничная, сочувственная, самоотверженная чуткость к другим, которую мы называем любовью. Это и есть сиддхи Махамудры.

Сиддхи Махамудры неизменно сопровождаются проявлением «обычных» сил, но не наоборот. «Обычные» совершенства зачастую определяют как обретение восьми великих сил, шести экстрасенсорных способностей и четырех трансформирующих видов действий.

В различных традициях восемь великих сил описываются по-разному. Совершенства, которые обрел Нагабодхи благодаря Нагарджуне, об этом гласит одна из приведенных здесь легенд, заключались в его способности проходить сквозь твердые вещи, владеть магическим мечом мудрости, растворять и создавать предметы, быстро перемещаться в пространстве, отыскивать как материальные, так и метафизические сокровища; он обладал также третьим глазом и способностью создавать пилюли бессмертия. Все описанные здесь сиддхи можно воспринимать буквально или фигурально — в зависимости от понимания и веры ученика. Так,

способность сиддха проходить через стены можно в буквальном смысле объяснить его магическим умением вселять веру в других, а в фигуральном — показывать природу реальности как сон, иллюзию или галлюцинацию, в которых весь мир переживается как пространство и свет.

Любые совершенства нужно понимать в ключе основной концепции — «все является умом». Для сиддха не существует двойственности «тело-ум» или «тело-дух». Присущее им качество использовать особые способности как инструмент в садхане превращает сиддхи в «великие». Шесть экстрасенсорных сил — это ментальные способности того же порядка, что и великие сиддхи: умение читать мысли, память о прошлых жизнях; способность понимать все языки людей, животных и птиц — «божественное ухо»; ясновидение, или «божественный глаз» — астральное видение, в особенности интуитивное знание о страдании других существ; способность проявлять чудеса — управление стихиями, полеты, умение ходить по воде; а также способность останавливать и тушить эмоциональность. Все эти силы махасиддх, являющийся Бодхисаттвой, может применять для себя и других, чтобы развивать до максимума изначальное переживание экстаза. Способность проявлять такие силы вне медитации и по собственной воле является истинным признаком успеха в садхане.

Преобразующие виды активности — успокоение, обогащение, контроль и разрушение — включают восемь великих совершенств и шесть экстрасенсорных сил, а также любые другие искусные методы, которые успокаивают ум, заполняют его качествами, контролируют или управляют им, какой бы ни была цель, или устраняют его. Несмотря на то что эти техники четырех видов изменения сознания обретаются спонтанно, сиддх остается в бездействии до тех пор, пока его не посетит интуитивное видение, что нужно сделать в определенный момент. В этом интуитивном осознании, представленном четырьмя дакинями, находится ключ к видам трансформирующей активности.

Другой термин, который мы часто используем, — «сансара». Существует несколько сжатых выражений, объясняющих это понятие, — «колесо жизни», «круговорот перерождений», «цикл запутанности», «переселение существования». Но ни одно из них не отражает полностью смысл понятия «сансара». С эзотерической точки зрения сансара — это отчаянный круговорот перерождений, определяемых кармой: в мире людей, в раю и аду, в мире духов и животных. В этом смысле сансарой является вихрь ума, направляемый сменяющимися друг друга разнообразными сложными эмоциональными состояниями, которые описываются как шесть миров существования, обусловленных мыслями.

Используя термины психологии, сансарой можно назвать тревогу, которую каждый из нас переживает в той или иной степени. В западной культуре при остром состоянии тревоги обращаются к психиатру или священнику. Психоз, паранойя, призрачная иллюзия великолепия, шизофрения и неврозы — это термины, используемые в описаниях сансарических миров. С буддийской точки зрения все человечество до определенной степени психически нездорово или оторвано от реальности до поры, пока не придет Освобождение. Соотнося существование в сансаре с метемпсихозом, неудовлетворительными условиями жизни человека, тревогой и неврозами, можно утверждать, что сансара — то, чего все люди время от времени,

а некоторые постоянно, пытаются избежать. В буддизме, в основном, уделяется внимание методам, позволяющим перейти из сансары в нирвану. Когда в буддийском контексте используется понятие «Освобождение», под ним всегда понимают освобождение от сансары. Сиддхи развили свои методы Освобождения, которые характеризуются как быстрые, демократичные, трудоемкие и зачастую опасные.

Буквальный перевод слова «тантра» — «нить», «неразрывность», «переплетение волокон» — редко используется в обиходе. Он скорее указывает на единственный неизменный, основополагающий элемент в жизни — пустоту или «таковость» — абсолютную, необусловленную реальность, неотъемлемо присущую обычному сознанию. Мы используем термин «тантра» для описания определенных идеалов и образа жизни, которые определяются практиками, описанными в текстах с тем же названием.

Поскольку широкой аудитории известны только потрясающие воображение элементы Тантры — ритуалы, секс и магия, привычные ассоциации с этим термином вводят в заблуждение. Среди четырех классов буддийской Тантры ее низшие уровни являются преимущественно ритуалистичными и в большой степени направлены на достижение временных целей и обретение магических сил. (Мы не будем затрагивать индуистскую Тантру, в которой есть свои схожести и отличия от буддийской Тантры.) На более высоких уровнях Тантры также встречаются ритуальные медитации. А в высшем классе ануттара-йога-тантры, практика которой ведет к обретению совершенства Махамудры, ритуальность как таковая не приемлема. Восемьдесят четыре вида тантрических практик, описанных в этих легендах, относятся к не-ритуалистичной медитации. Несмотря на отвращение к сексу, которое культивируется в ортодоксальном буддизме, в Тантре его считают инструментом для достижения Махамудры. Ошибочное мнение о том, что тантрическая йога является сексуальной, базируется на частом использовании слова «тантра» в контексте аналогий с сексом, в метафорах и символах, описывающих психические процессы.

Взгляд на Тантру

Для того чтобы понять метафизическое содержание поучений сиддхов, будет полезно обратиться к тантрической литературе. Эти тексты основываются на так называемых коренных тантрах. Каждый из таких текстов посвящен медитативной практике определенного Йидама. Важнейшие Йидамы для сиддхов — это Гухьясамаджа, Чакрасамвара, Хеваджра, Махамая и Ямари. Каждому из них соответствует определенная коренная тантра, в которой описывается мандала этого Йидама, фазы построения и завершения в медитации, соответствующие церемонии (огненные ритуалы, подношения и продолжительные празднества), приводится детальное объяснение используемой символики и составляющих символических подношений, а также других аспектов, характерных для данной тантры. К примеру, в Хеваджра-тантре описывается психологический результат различных способов видения.

На протяжении многих веков тантрические поучения передавались устно, и только в V в. н.э. их стали записывать. Мы можем лишь строить предположения о том, кто основал ранние линии передач и практиковал эти церемонии. Вероятнее всего, Тантра, зародившаяся, возможно, в Индии доарийского периода, являлась

системой ритуальной магии, посвященной богиням плодородия, и стала традицией, которая передавалась среди отверженных кастами. Уже намного позднее в нее могли быть привнесены элементы Патанджали-йоги, ведические боги брахманов и, наконец, системы методов и медитативных техник, ведущих к освобождению от сансары.

Если в коренных тантрах опустить все, что касается ритуалов, то останется небольшое по своему объему, но очень важное метафизическое знание, в центре которого находится «Абсолют». Именно в нем сиддхи черпают свою безграничную духовную энергию, уверенность, силу и постижение. Сиддхи, тем не менее, постоянно заявляли, что не имеют ни концепций относительно Абсолюта, ни каких бы то ни было знаний о нем, поскольку по своей природе Абсолют — за пределами мыслей, а следовательно, не подвластен пониманию обусловленным умом. Абсолют не имеет определения, его невозможно где-либо найти.

Некоторые из многочисленных терминов — «реальность» (санскр. *таттва*, тиб. *de nyid*), «таковость», а также «абсолютная данность», поскольку именно парадокс позволяет лучше всего выразить его смысл. Абсолютной данностью любого переживания, как и полного опыта постижения пространства и времени, является пустота (санскр. *шуньята*, тиб. *stong pa nyid*) и Ясный свет (тиб. *od gsal*). У нее нет ни происхождения, ни корня, поэтому ее считают «нерожденной» или «несозданной». Это и космическая тотальность, и песчинка. Поскольку реальности в принципе невозможно дать определение, то не существует истины в любых представлениях об истине — в процессе концептуального мышления эти понятия могут только растворяться одно за другим, пока совсем не исчезнут.

Мысль и парадокс

Тантра пронизана презрением к концептуальной мысли. В канонических текстах логика занимает далеко не первое место, зато с парадоксами мы встречаемся постоянно. Прекраснейший тантрический парадокс заключен в ответе на концептуальный вопрос, неизменно возникающий при чтении песен сиддхов: «Если все является абсолютной реальностью, пустотой и непрерывным потоком времени и пространства, то как сиддх воспринимает материальную форму?» Ответ звучит так: «Пустота есть форма, форма есть пустота».

Если пустота — это не форма, тогда она является ничем. С другой стороны, форма не исчезает, если рассматривать все как пространственно-временное соотношение. Иначе мы столкнулись бы с противоречием основному послыу в буддизме Махаяны о том, что вне чувственного мира обычного сознания нет существования, но нет и не-существования. Утверждение, что все является пространством и временем, не означает, что перестают работать органы зрения. Скорее понятийное пространственно-временное соотношение воспринимающего отвечает пространственно-временной природе, изначально присущей воспринимаемому объекту. Все явления сравнимы с прозрачной пленкой, покрывающей яйцо, или с голограммой, тогда воспринимающий — «я» и воспринимаемый объект — «нечто другое» становятся единым целым. Такой подход открывает путь к великой тайне Махамудры. Ее помогает постичь соединение двух в одно — юганаддха — когда и целостность,

и двойственность становятся непрекращающимся абсолютным переживанием. Образ двух любовников, переживающих полное слияние в единое целое, несмотря на то что каждый находится в своем теле, является лучшим, если не единственным примером, способным отразить эту парадоксальную загадку.

Переживание единства себя и других в Махамудре означает растворение всех барьеров, отделяющих нас от других людей. Благодаря этому опыту спадают все социальные оковы, поскольку сиддх полон сочувствия ко всем существам без исключения. Непосредственным результатом переживания единения с другими является дар предвидения и умение читать мысли — благодаря этим силам сиддх способен направлять других в практике садханы.

Это высшее мистическое переживание неотделимо от полного сочувствия и сострадания, благодаря которому исполняется обет Бодхисаттвы — обещание без предубеждений делать для других все необходимое. Любящая доброта, сопричастная радость, сочувствие и равностность — эти четыре неограниченных состояния ума составляют подготовительную медитацию, культивирующую ощущение единства со всеми существами. В совершенстве дополняя друг друга, эти состояния приводят к опыту переживания целостности — единства Махамудры. Такой опыт позволяет раскрыться этим качествам, а они, в свою очередь, приводят к ощущению абсолютного единения. Сиддхи, герои наших легенд, были известны своими проявлениями чувств, их сердца глубоко трогали и голодный шенок, и красота женщины. Чарьегити — песни сиддхачарьев — наполнены выражением глубокой любви к женщине.

Искусные методы и совершенное постижение

Двумя элементами единства Махамудры являются мужской аспект искусных методов (санскр. *ynay*, тиб. *thabs*) и женский аспект совершенного постижения (санскр. *праджня*, тиб. *shes rab*). Гуру воплощает искусные методы, необходимые для достижения абсолютного блаженства Просветления, дакия дарит совершенное постижение и мудрость. Таким образом достигается союз чистого осознания и экстаза. В буддийской Тантре — в отличие от индуистской — эти аспекты не характеризуются как активные или пассивные. Пассивность заключается скорее в отчуждении — неспособности распознать единство, в то время как динамичная энергия является результатом единения. В различных садханах эти два аспекта могут объясняться по-разному в зависимости от поставленной цели и уровня прогресса практикующего.

Однако в общем искусные средства характеризуются как сочувствие, а совершенное постижение означает пустоту. В этом контексте сочувствие не стоит путать с жалостью или даже утонченной любовью. Сочувствие — это способность Бодхисаттвы спонтанно реагировать на нужды внешнего мира, а также неограниченный набор искусных методов, которым он владеет.

Такие искусные методы представлены всем пантеоном тантрических Йидамов, в особенности грозными формами, которые символизируют преобразование негативных энергий в эликсир чистого блаженства. На тибетских живописных свитках (тханках) гневные лица этих Защитников — не что иное, как маски, символизирующие отсутствие привязанности к неистовым эмоциям, выраженным на их лицах.

Например, движимый сочувствием Ваджрасиддх может проявиться в свирепой, гневной форме, чтобы уничтожить страх в другом существе, но его не захватит это яростное чувство, поскольку он свободен от привязанности. Мужское сочувствие уравнивается женским аспектом пустоты. Совершенное постижение определяется как «всепронизывающее восприятие природы любых вещей как пустоты». Таким образом, совершенное постижение и пустота становятся отражением неопределимого, чистого, недвойственного осознания. Единение сочувствия и пустоты — это проявление абсолютной данности, пустой и самоосознающей. В этом заключается благословение дакини.

Чистое блаженство

Сиддхи наслаждались садханой. Те, кто искал простой жизни, скорее становились бродягами, чем предавались радикальному аскетизму, приведшему некоторых их современников к телесным и душевным мукам самоотречения (тапас). Безусловно, сиддхи практиковали очищение, но для них чувство вины на корню уничтожалось посвящением. Грехом считалось только отсутствие медитативной практики и склонность принимать крайние взгляды.

Сиддхи воспринимали жизнь как спектакль, полный разнообразных звуков и картин, или как танец мимолетных слияний энергии, который некоторые из них называли Махамайей — женским воплощением завораживающей иллюзии. Их девизом было «жить жизнью ребенка». Сиддхи говорили: «Мир наполнен естественным счастьем. Танцуй, пой, наслаждайся! Получай удовольствие всеми органами чувств». А далее следует важное дополнение, отличающее сиддхов от неврастеничных сластолюбцев: «Но не привязывайся к этим ощущениям. Черпай воду, но сам не промокни!»

К такому умению наслаждаться жизнью сиддхов приводила садхана, а также методы постижения. Для многих из восьмидесяти четырех сиддхов объектом медитации становились источники чувственного наслаждения — цветы, пение птиц, музыка, а также сексуальный союз. Результатом садханы является «чистое» блаженство (санскр. *махасукха*, тиб. *bde ba can*), принципиально отличающееся от сильных чувственных переживаний. Оно сродни опыту Будды, который переживает само существование как пустое пространство. Для нас неизмеримо важно попытаться понять суть этого абсолютного существования и сопоставить его с отнесенными уровнями.

Состояние истины (санскр. *Дхармакайя*, тиб. *chos sku*) — это абсолютный, включающий в себя все уровень опыта. Его описывают как недвойственность за пределами всех понятий, чистое осознание, пустоту, чистое блаженство, всепронизывающее пространство (санскр. *дхату*, тиб. *dbyings*), или Ясный свет. Но эти характеристики являются не более чем попыткой выразить словами то, что не поддается описанию. Относительный уровень зрительного наслаждения (санскр. *Самбхогакайя*, тиб. *longs sku*), а также воплощения в теле (санскр. *Нирманакайя*, тиб. *sprul sku*) — это двойственность, преобразующаяся в единство как состояние Махамудры.

Мужской аспект искусных средств соответствует состоянию зрительного наслаждения и различающему эстетическому блаженству. Здесь во множестве

проявляются высшие архетипы и символические знаки. Истинной природой этого опыта является лучезарный свет.

Уровню воплощения в теле соответствует женский аспект совершенного постижения. Это магический танец дакини, показывающий ее волнующее совершенство. В своей истинной природе она выражает сочувствие.

Эти три уровня существования можно представить как проникающие друг в друга сферы или как центр, радиус и периметр мандалы. В этом заключается доктрина о трех уровнях существования Будды (санскр. *Трикайя*, тиб. *sku gsum*) — центральный аспект, необходимый для понимания философии сиддхов.

Гуру

Структуру каждой из представленных ниже историй можно сравнить с диагностированием, предписанием и лечением. В легендах мы встречаемся с больными, осознающими свой недуг. Им опротивела существующая жизнь, и они готовы предпринять все необходимое, чтобы обрести исцеление. Благодаря такому настрою неизменно появляется Гуру, который по просьбе ученика дает наставления, проводит посвящение и предлагает определенное предписание, обычно содержащееся в инструкциях о фазах построения и завершения в медитации. Выполняя садхану, ученик обретает совершенства Махамудры и таким образом излечивается от своей первоначальной болезни. Сиддхи достигают состояния Будды в течение жизни и, еще находясь в собственном теле, входят в Чистую страну дакинь.

В каждой из этих историй подчеркивается огромное значение Гуру. Его не следует воспринимать как всего лишь неординарного человека, обладающего особыми знаниями, хотя именно такого взгляда придерживаются те, кто обращается к Учителю с просьбами. Неизмеримо важно, чтобы ученик подходил к Гуру как проситель. Говоря о практике тантрических обещаний, мы понимаем: Гуру может дать наставления только тем, кто в подходящее время и при соответствующих условиях с уважением просит его о поучениях.

Посвящение коренным образом меняет отношения Гуру и ученика, разрушая все изначальные концепции последнего. Сердцем посвящения является момент, когда Гуру проявляется как Будда, а ученик полностью отождествляется с ним. Тогда основной практикой ученика станет умение вновь пережить абсолютное единение и полностью включить этот опыт в свою повседневную жизнь. Способность ученика отождествлять себя со всеми людьми и явлениями, свою речь — с речью каждого человека и с любыми звуками, а ум — с всепроникающим, чистым, недвойственным осознанием говорит об истинном отождествлении с Гуру. И хотя ученик всегда будет сохранять уважение к тому, в ком проявился Будда во время посвящения, его видение Гуру постепенно распространится на всех живых существ и на него самого. Именно таким взглядом обладают сиддхи.

Для многих сиддхов учителями становились воплощения дакинь. У некоторых вообще не было Гуру в облике человека. Иногда в мире зрительного наслаждения (Самбхогакайя) йогиноу является дакиня мудрости (тиб. *ye shes mkha' 'gro*), чтобы дать ему посвящение. При достаточно развитой творческой фантазии и стечении благоприятных условий дакиня предстанет перед йогином как видение, или же

он просто услышит ее голос. Иногда дакини проявляются в человеческой форме. Странствующие йогины часто встречают мирских дакинь (тиб. *'jig rten mkha' 'gro*) в образе продажных женщин или танцовщиц.

Любая женщина является дакиней. Такой подход показывает совершенную двойственность Тантры. Даже если у женщины нет достаточного опыта постижения, она все равно является дакиней для тантрика. Для одного сиддха дакиней была его мать, для другого — молодая девушка. В союзе с йогиним дакиня-гуру, безусловно, лучше всего способна посвятить его в практику завершающей стадии медитации, дополняя его искусные методы своим постижением, — с такими примерами мы сталкиваемся довольно часто. Сиддхам также давали посвящения Бодхисаттвы — в частности, Манджушри, Локешвара и Тара, — иногда проявляясь в высших формах в сфере зрительного наслаждения (Самбхогакайя) или принимая перерождения на уровне Нирманакайи.

Кладбище

В легендах о сиддхах ученик обычно встречает Гуру на кладбище. Место сожжения трупов имеет глубокое символическое значение. Прежде всего — это смертное ложе для эго, поэтому кладбище является более чем подходящим местом для встречи Гуру. Для йогина-тантрика это еще и идеальные условия для размышлений о драгоценном человеческом теле, преходящей природе существования, о смерти и кармическом воздаянии, а также о самой пустоте. Кроме того, у погребальных костров можно согреться в холодные зимние ночи.

Итак, Гуру и ученик встречаются благодаря сочувствию. И тогда получивший посвящение умирает для мира запутанности и рождается в мире света. Во мгле слышны завывания шакалов и гиен, в воздухе кружат вороны и грифы в надежде поживиться человеческой плотью. Трещат погребальные костры, их искры взлетают высоко в небо, а дакиня плавит в огне привычное жесткое мышление. Все застывшие представления в головном центре превращаются в эликсир бессмертия и стекают в чашу из черепа в руках дакини. Все, что возникает и проявляется, приобретает неземное свечение. Все живые существа становятся призраками потусторонней сказочной страны, танцующими в блаженном экстазе.

К тому же именно на кладбище посвященный находит все атрибуты йогина — череп, бедренные кости человека, необходимые для изготовления музыкальных рожков, а также другие кости, используемые в коронах, браслетах и поясах. Как скелет является основой тела человека, так пустота пронизывает пространство.

Посвящение и наставления

Совершенно очевидно, что посвящение — не формальный ритуал, указывающий ученику путь и открывающий для него двери «клуба». Посвящение, которое дает право выполнять медитацию, открывает природу Будды — истинную суть ума, неопределимый Абсолют. Кроме того, в нем раскрываются характерные качества того Йидама, в мандалу которого дается посвящение. Получающий посвящение

ученик должен обладать тонким восприятием, а сам мастер — силой, прозорливостью и полным осознанием.

Большинство сиддхов, которые до встречи с Гуру не обладали опытом медитации, пережили тяжелую утрату или находились в состоянии духовного вакуума, причиной которого стала душевная или физическая боль. Они были готовы к радикальным переменам в уме (метанойя). На самом дне ямы сансарических страданий возникает момент, когда человек понимает, что его собственные иллюзии и ограничения настолько неотъемлемы от ума, что их невозможно рассматривать объективно.

Вместе с этим шокирующим пониманием приходит и ощущение свежего потенциала, и новый взгляд на драгоценное человеческое тело, хотя подъем из этой ментальной ямы может начинаться в аду. Задача Гуру здесь — направить это развитие прочь от ловушки перерождений и самого Колеса жизни. В «Тибетской книге мертвых» подобные ловушки описаны как свет разных оттенков, проявляющийся во время перехода от смерти к новому рождению. Он притягивает сознание мертвого в соответствии с ментальными тенденциями последней жизни.

Раскаяние является поворотным пунктом, вслед за раскаянием у ученика возникает желание обрести наставления, а также приходит решение Гуру дать посвящение. Такое покаяние можно сравнить с христианским переживанием «встречи с Христом» и «нового рождения». И чем сильнее ученик ощущает стыд, отвращение к себе, унижение, тем более он восприимчив, тем радикальнее будет «поворот в сидении осознания». Учитель должен всегда появляться в наиболее подходящий момент, и если он на самом деле является Гуру — то так и произойдет.

За посвящением следуют наставления. С происходящим в посвящении они могут быть связаны лишь поверхностно. Тем не менее наставления Гуру — больше, чем просто передача концепций, которые необходимо воплотить в практике. В первом потоке мистического опыта посвящения слова Гуру и соответственно Будды являются, по сути, звучанием пустоты и чистым блаженством. Чистое осознание, появляющееся в этом переживании, — наиболее важный аспект «тайных поучений» (тиб. *man ngag*).

Когда ученик с большой открытостью воспринимает поучения Гуру, обычно появляются новые грани символического значения. На этом уровне наставления прямые и пронизывающие. Опасность, подстерегающая ученика на этом этапе, заключается в том, что его покрытый завесами ум может отфильтровать символический смысл, вместо того чтобы интуитивно мгновенно слиться с ним.

Наконец, ученик получает конкретные инструкции по медитации, которые впоследствии он будет применять в практике садханы. В большинстве историй о сиддхах мы видим, что их медитация состояла из фаз построения и завершения. В то же время одно из определений Тантры — это «путь множества методов», и интерпретация этого понятия может варьироваться.

В широком смысле Тантра, или Ваджраяна, — путь, в котором ваджра (удар молнии) является символом абсолютной пустой сущности. В нее включается практика однонаправленной концентрации Хинаяны (Малого пути) — «шаматха», а также «випашьяна» — охрана чувственных ворот и строгая личная дисциплина. Кроме того, в Тантру, или Ваджраяну, включается и Махаяна — путь Бодхисаттвы, а именно, медитация на пустоту, размышления о четырех неизмеримых состояниях ума

и культивация Бодхичитты (Просветленного настроя) сочувствия. Сюда же относится огромное разнообразие исключительно тантрических практик: визуализация Йидамов, повторение мантр, физическая йога, упражнения с дыханием (прана), сложные алхимические ритуалы, бесформенная медитация и паломничества к святым местам.

Тантру называют «путем множества методов» также и потому, что в ней в качестве основы для медитации задействовано все многообразие человеческой активности. Садханы сиддхов являются тому ярким примером: король, медитирующий на троне; крестьянин в поле; распутник в постели; вдовец на кладбище. Выполняя свою практику, йогин может столкнуться с самым ужасающим неврозом, запутанностью или на удивление извращенными концепциями. Любое состояние ума может стать средством для его же трансформации. Иными словами, многообразие несовершенств человека является одновременно и множеством методов для достижения совершенств Махамудры.

Алхимия и медитация

Йогин является алхимиком, задача которого — трансформировать железо запутанного ума в золото чистого осознания, при этом качество исходного материала не имеет значения. Философский камень, который превращает все вещества в золото, — не что иное, как гомеопатическая доза яда, вызвавшего первоначальную запутанность йогина.

Если доминирующим ядом ума является желание, то медитация на незначительный всплеск вожделения — в свете посвящения и наставлений Гуру — покажет ученику пустоту всех желаний. В понимании абсолютной природы одного аспекта ума зарождается постижение истинной природы целой вселенной. Этот опыт ведет к обретению совершенства Махамудры.

Лекарство от изначального страдания заключено в самой природе невротичной личности. Принципом здесь является «подобное лечится подобным» — аксиома гомеопатии. Применение такой техники, связанной с большим риском, было описано в предсказаниях самого Будды. В них говорится, что его Учение проживет пятьсот лет в чистом виде и еще пятьсот — в измененном. Затем в эпоху борьбы (санскр. *калиюга*) люди не смогут больше придерживаться дисциплины или найти в себе сочувствие, чтобы практиковать путь архатов, Хинаяну, или путь Бодхисаттвы, Махаяну. И тогда откроется путь сиддхов.

Признаком того, что мы живем во времена калиюги, является нетерпеливость учеников. Не желая раз за разом перерождаться в течение целых эпох, йогин стремится обрести результат немедленно. Больше всего времени в Тантре требуется для того, чтобы очистить свой ум, избавиться от пороков и страстей и взрастить добродетель и ясность. Один из основных принципов Тантры в том, что хорошее и плохое, добродетель и порок, удовольствие и боль в равной мере иллюзорны. Нет смысла в цеплянии за хорошее и приятное и в отталкивании порочного и уродливого — ведь все является равноценным сырьем в процессе трансформации ума.

Опасно, если ученик неверно истолковывает такие поучения и приходит к ошибочному заключению, что порок и страсть обладают тем же абсолютным качеством,

что добродетель и ясность. Подобные тенденции удаляются, когда ученик дает клятву повиноваться Гуру и в посвящении принимает на себя определенные обязательства, называемые самайя. Нарушив самайю, практикующий чувствует себя как в аду. Такие опасности пути Тантры оправданы доказанной эффективностью тантрических техник. Достаточным доказательством тому является само существование чистой линии передачи, благодаря которой и в наши дни можно овладеть поучениями, ведущими к преобразованию обычного сознания в осознание сиддха.

Препятствия, с которыми сталкивается ученик в медитативных практиках, в алхимической медитации воспринимаются как друзья и помощники на пути. Неврозы и глубокая неудовлетворенность обыденной жизнью становятся средствами преодоления подобных обстоятельств. Желание, привязанность, обман, влечение и пристрастия являются пищей для медитации. Стать сиддхом йогину помогают незваные гости, внезапные звуки, параноидальные иллюзии и поток мыслей в уме.

Следует заметить, что наиболее прославленные сиддхи стали основателями линий передач тибетского буддизма: это Луипа, Сараха, Тилопа, Наропа, Вирупа и Нагарджуна. В начале своего пути они оставили дома, семьи, дворцы и академии, комфорт и уверенность в завтрашнем дне, отреклись от богатства и славы, для того чтобы, нищенствуя, практиковать садхану. Они практиковали все те же алхимические медитации, однако вначале избавились от принципиальных причин влечения и привязанности — сильнейших влияний, обуславливающих ум и придающих ему структуру.

Фаза построения в медитации

В этой фазе (санскр. *утпатти-крама*, тиб. *skyed rim*) йогин вначале отождествляется с полем пустоты. Из нее возникает семенной слог — квинтэссенция звучания главного Йидама выстраиваемой мандалы. Благодаря творческому воображению из этого слога появляется сам Йидам со своей свитой и партнершами. Мандалу окружает дворец с воротами. Затем эти аспекты оживают при помощи мудры — жеста, несущего в себе символический смысл, — а также повторения мантры Йидама и визуализации соответствующих форм.

В самадхи единения с умом Гуру йогин визуализирует физическую сущность, представленную Йидамами, а также их коронами и другими украшениями. Таким образом, йогин отождествляется с главным Йидамом мандалы. Этот основополагающий процесс можно описать следующим образом: из лба йогина, его горла и сердечного центра излучается свет и входит в соответствующие макрокосмические уровни сущности, представленные Буддой. Затем практикующий визуализирует подношение даров Йидаму, ритуал признания ошибок, восстановление самайи и восхваление. Наконец образ растворяется в пустоте, из которой и появился вначале.

Целью фазы построения в медитации является постижение природы относительной истины (санскр. *самврти-сатья*, тиб. *kun rdzob bden pa*) — «все есть суета». Иными словами — все явления есть иллюзии и всего лишь функции нашего сенсорного аппарата; не существует вечной сущности и души; а вселенная является системой взаимозависимых отношений.

Фаза завершения в медитации

Фаза завершения (санскр. *сампанна-крама* или *ниспанна-крама*, тиб. *rdzogs rim*) включает высшие техники медитации, приводящие к постижению абсолютной истины (санскр. *парамартха-сатья*, тиб. *don dam bden pa*). Как относительная и абсолютная истина являются разными сторонами одной и той же монеты, так и фазы построения и завершения ведут к одной и той же цели.

Медитативные техники, применяемые в фазе завершения, приводят, главным образом, к восприятию пустоты в форме и растворению формы в пустоте. К йогам фазы завершения относятся: йога мистического тепла (туммо), медитация Махамудры, йога иллюзорного тела, практика переноса сознания во время смерти, медитация Ясного света и йога соединения искусных средств и совершенной мудрости для создания семенной сущности чистого блаженства.

В визуализации, применяемой в фазе завершения, используется воображаемое тонкое тело. Оно состоит из физических нервов (санскр. *нади*, тиб. *rtsa*), их главных точек в энергоцентрах (санскр. *чакра*, тиб. *'khor lo*), энергии, протекающей в нервах (санскр. *прана*, тиб. *rlung*) и «семенной сущности» праны (санскр. *бинду*, тиб. *thig le*).

Центральный энергетический канал (санскр. *авадхути*, тиб. *dbu ma*) проходит от полового центра до макушки головы. Мужской канал (санскр. *расана*) проходит справа, а женский (санскр. *лалана*) — параллельно ему слева; оба соединяются с центральным каналом в центре живота. Дополнительные нервы, подобно венам, сходятся из всего тела в центральный ствол в его пяти точках физической энергии: на уровне половых органов, у пупка, на уровне сердца, горла и в головном центре.

Визуализируя эту систему, йогин может манипулировать энергиями различных центров и достигать этим «обычных» целей. Однако главной целью является сосредоточение в центральном канале всех энергопотоков, которые затем направляются вверх — к макушке, ведь именно там достигается абсолютное Освобождение. В этой системе правый, мужской, энергетический канал представляет искусные средства, левый, женский, — совершенную мудрость, а центральный канал — их единство, Махамудру.

Достижение Махамудры

Во многих легендах о сиддхах мы встречаем упоминание о наставлениях гуру, касающихся фаз построения и завершения в медитации. Однако из стихотворных поучений, украшающих, как драгоценные камни, повествовательный ряд, бывает сложно понять, каким образом эти наставления выражают ту или иную медитационную фазу. Столкнувшись с таким затруднением, просто исходите из того, что обе фазы отражают принципы медитации: первая — «пустота есть форма», а вторая — «форма есть пустота». К примеру, чаша из черепа символизирует первый принцип, а его пустотность — второй. Фаза построения задействует экстравертивную энергию желания и относится к Отцовской тантре, в то время как в фазе завершения применяется интровертивная энергия отторжения и желание смерти, поэтому она относится к Материнской тантре. Фаза построения указывает на радиальную энергию, а фаза завершения — на центральную.

Постижение Махамудры приходит благодаря единению обеих фаз, которое в свою очередь достигается медитацией на форму и пустоту, одновременной практикой внутреннего видения и концентрации, соединением центробежной и центростремительных энергий, союзом искусных методов и совершенной мудрости. Таким образом, соединенные фазы построения и завершения сливаются воедино в мужской и женский принцип, которые эти фазы символизируют.

Ловушки неверных взглядов

Примером таких ловушек могут послужить две цитаты:

«Все дозволено — таков должен быть закон».

«Ничто не истинно, поэтому все разрешено».

Первая принадлежит «великому чудовищу» англичанину Алистеру Кроули — выдающемуся практику классической магии XX века. Вторая — Мастеру суфизма Хассану-ибн-Саббаху, основавшему в XI веке в Афганистане орден «хашашинов».

Оба постулата можно отнести и к сиддхам, но с определенными поправками. В их действиях после постижения чистого осознания и пустоты нет никаких барьеров, ибо мистический опыт переживания единства приводит к неограниченному проявлению сочувственной активности. Поэтому любые поступки сиддхов приносят лишь благо всем живым существам. Без понимания такого единения с другими и, как следствие, без сочувствия ко всем существам тезис Кроули легко можно использовать для оправдания эгоизма, амбициозности и стремления к власти.

Поскольку абсолютная реальность не поддается ни описанию, ни осмыслению, невозможно дать определение «реальному» и отделить его от нереального. Результатом деятельности непросветленного ума являются исключительно иллюзии, а поскольку «объективная реальность» — это и есть сама активность ума, отсюда следует, что ум способен лишь ошибочно толковать иллюзии. Ни в чем нельзя найти твердой основы:

*Все наши представления о вещах —
иллюзии,*

*Ибо тот, кто знает, и само знание
не материальны.*

*Каждое мимолетное мгновение обманчиво, поэтому
не существует истины.*

Как мы видим из этого поучения, сиддх соглашается с предпосылкой Хассана-ибн-Саббаха о том, что «ничто не истинно», однако Хассан-ибн-Саббах из этого заключает, что все дозволено. Сиддх же настаивает на той же оговорке, с которой можно принять принцип Кроули: для того чтобы избежать злоупотребления властью, такие представления, как «я» и «мое», сначала должны раствориться в пустоте. Растворение и утрата эго приводит к исчезновению любых амбиций, а вместе с ними и стремления навязывать свою волю и манипулировать другими.

Карма

Возможно, практика полного повиновения, характерная для культа «хашашинов», приводила к результатам, сопоставимым с потерей эго. Однако можно с уверенностью сказать — рано или поздно следовало неотвратимое воздаяние, а с ним и осознание ошибочности изначального суждения Хассана-ибн-Саббаха о том, что все дозволено.

Понимание, что весь мир и все явления в нем — обман, что моральные и общественные ценности — всего лишь производные ума, а вся истина относительна, само по себе не приводит автоматически к освобождению от кармы и ее законов. Такую свободу дает только непрерывный опыт отождествления с пустотой — абсолютной реальностью.

Презирующие моральные устои материалисты, политики, исповедующие макиавеллизм, а также охотники до чувственных утех и даже послушные последователи амбициозных учителей — все люди, не расплатившиеся по кармическим долгам, но живущие по принципу «все дозволено», остаются подвержены неизбежным и зачастую непостижимым превращениям кармы. Сиддхи же способны постоянно покоиться в абсолютном пространстве осознания, действовать спонтанно, без мыслей и усилий, при этом без привязанности наблюдая за течением. Поэтому, образно выражаясь, что бы они ни делали, их действия не образуют зыби. Активность сиддхов — это истинное «не-деяние», поэтому ее невозможно сопоставить с поступками обычного человека, хотя на первый взгляд может показаться, что между ними нет никакой разницы.

Подобно концепции даосов о не-деянии «ву-вэй», активность сиддхов не мотивирована и не направлена на какой-либо объект. Поступки, совершаемые с эгоистичной мотивацией, можно сравнить с попыткой повернуть течение реки вспять для личной или общественной пользы. Подобно камню, брошенному в пруд, такие действия создают один за другим круги причины и следствия, а они, в свою очередь, неотвратимо нахлынут на того, кто побеспокоил глубинные потоки. Так работает карма.

Действия сиддхов — прямая тому противоположность. Все, что бы они ни делали, находится в полной гармонии с вселенским покоем, и может показаться, что через них передается воля вселенной. Сиддхи могут проявлять себя как фокусники, игриво достающие из своих шляп планеты и звезды, или как дирижеры природной симфонии. Именно поэтому непременное, неизбежное и очень характерное не-деяние сиддхов называют «самоотверженной деятельностью на благо всех существ».

Святой безумец

Что же можно сказать о безумии сиддхов, о полном отсутствии у них внутренних запретов и презрения к общественным устоям? Для самих сиддхов все действия обладают равной ценностью. Только предрассудки и ограниченность двойственного ума заставляют воспринимать одни поступки как гармоничные, бескорыстные и «высокие», а другие — как антисоциальные, возмутительные или безумные.

Несмотря на то что не-деяние не ограничено рамками социальных устоев, оно обусловлено подготовительной практикой сиддхов. Именно здесь становится ясна ценность физической, моральной и умственной подготовки до получения посвящения. По достижении Просветления изменить качество того, как проявляется эта реальность, уже невозможно. Нетерпимость общества по отношению к святому безумцу и просветленному клоуну может сковать сиддха, забывшего выполнить свое домашнее задание.

Задача Гуру — убедиться, что ученик не станет темным пятном для линии передачи, прежде чем дать ему посвящение. Гуру должен быть уверен, что сочувствие, которое впитал его подопечный, при достижении Просветления предотвратит демонические проявления со стороны ученика. Гуру должен быть очень внимательным, принимая тех, чье поведение после растворения эго может оказаться опасным для них самих. Не существует даже тонкой грани между блаженным безумием и полным сумасшествием — вопрос только в степени их проявления.

Чистая страна дакинй

Все герои легенд, кто обрел сиддхи Махамудры, в конце достигли абсолютного Освобождения в Чистой стране дакинй. Однако заключительные строки некоторых историй, гласящие о том, что тот или иной сиддх вознесся в Чистую страну, можно толковать по-разному. К примеру, это может означать, что тело сиддха растворилось в свете. Таким образом, его кончина была волшебным восхождением на небеса. С другой стороны, это может служить метафорой, отражающей жизнь сиддхов после достижения Просветления. В этом случае в высшем, абсолютном опыте они достигли Чистой страны, где существование было непрерывным блаженством.

Те сиддхи, которые не достигли Чистой страны дакинй, обрели обычные силы, подарившие им невероятно долгую жизнь или даже бессмертие. Они смогли остаться на земле и служить человечеству. Это так называемые натхи — основатели великой традиции хатха-йоги в Шайвите-тантре. Миллионы современных индуистов верят, что натхи живы и по сей день. Любопытствующих они, скорее всего, направят в гималайские районы Кумаон или Гархвал — согласно их убеждениям, Горакшанатх, Чауранги и другие бессмертные до сих пор медитируют там в потаенных горных пещерах.

Наследие Тантры

Легенды о сиддхах передают колорит Индии VIII–XII веков, а также открывают вневременные идеалы индуистской духовности. Тем не менее психологическое ядро каждой истории понятно любому человеку, поскольку выходит за рамки одной культуры, религии или расы. Аспекты Тантры можно обнаружить в мистических традициях любой культуры, а систематизированная трактовка мистицизма (насколько он вообще поддается рациональному толкованию), которая и является Тантрой, задевает души многих людей в современных западных обществах.

Наиболее восприимчивыми к тантрическим посылам являются те люди Запада, которые ощущают сильное отвращение к материалистическому настрою, карьерной гонке и социальному соперничеству, а также к однообразию ежедневной рутины. Ими могут оказаться страдающие от приступов тревоги, люди на пороге психологического срыва или те, кто планирует пройти курсы психоанализа. Их умы должны быть свободны от эмоциональных и концептуальных ограничений, препятствующих вере в иррациональное и доверию к Гуру. Эти люди должны быть достаточно умны, чтобы понять простые метафизические концепции, а также дисциплинированы для погружения в медитацию. Если они не обладают пониманием священности секса, то, по крайней мере, должны быть свободны от пуританства и сексуальной одержимости. Если эти люди презируют схоластику и педантизм и обладают здоровым неуважением к интеллектуальному анализу, если они могут пренебречь светской властью, общепринятой дисциплиной, социальными устоями и священными коровами — тогда они готовы к посвящению в путь сиддхов.

Ум западного человека обусловлен рациональным, научным образованием, и поэтому главным препятствием на пути сиддхов является привязанность к «закону исключенного третьего». Принимающий только одно из противоположных утверждений в качестве истины, этот закон может иметь чрезвычайное практическое значение в мире технологий, однако для агностического осознания является радикальным барьером. Сиддхи Махамудры можно обрести только тогда, когда над рациональным мышлением превалирует осознание, не воспринимающее реальность как то или иное и не определяющее реальность как синтез того или иного или отсутствие того или иного. Реальность на самом деле и есть «исключенное третье».

Даже если западный человек обладает необходимой восприимчивостью, настроен и опытен, он все равно должен найти Гуру. Из милости своей перед ним может возникнуть Бодхисаттва или дакия. Тем не менее вначале должна быть проделана огромная предварительная работа с умом и установлена сильная связь с подобным высшим посредником — иначе из такого источника можно получить только очень простые поучения.

Главными хранителями традиции сиддхов в наши дни являются тибетские ламы. К счастью, в наше время из-за вторжения красного Китая в Тибет многие из них ищут убежища в гостеприимных странах по всему миру. Идеалы сиддхов, а также передача чистых, хотя и несколько видоизмененных поучений, сохранились в тибетской школе Кагью. К этому направлению относится классический тибетский текст «Песни Миларепы» — в нем воплощены наставления сиддхов, пересказанные Миларепой и его Гуру Марпой, получившим их в XI в. от Наропы.

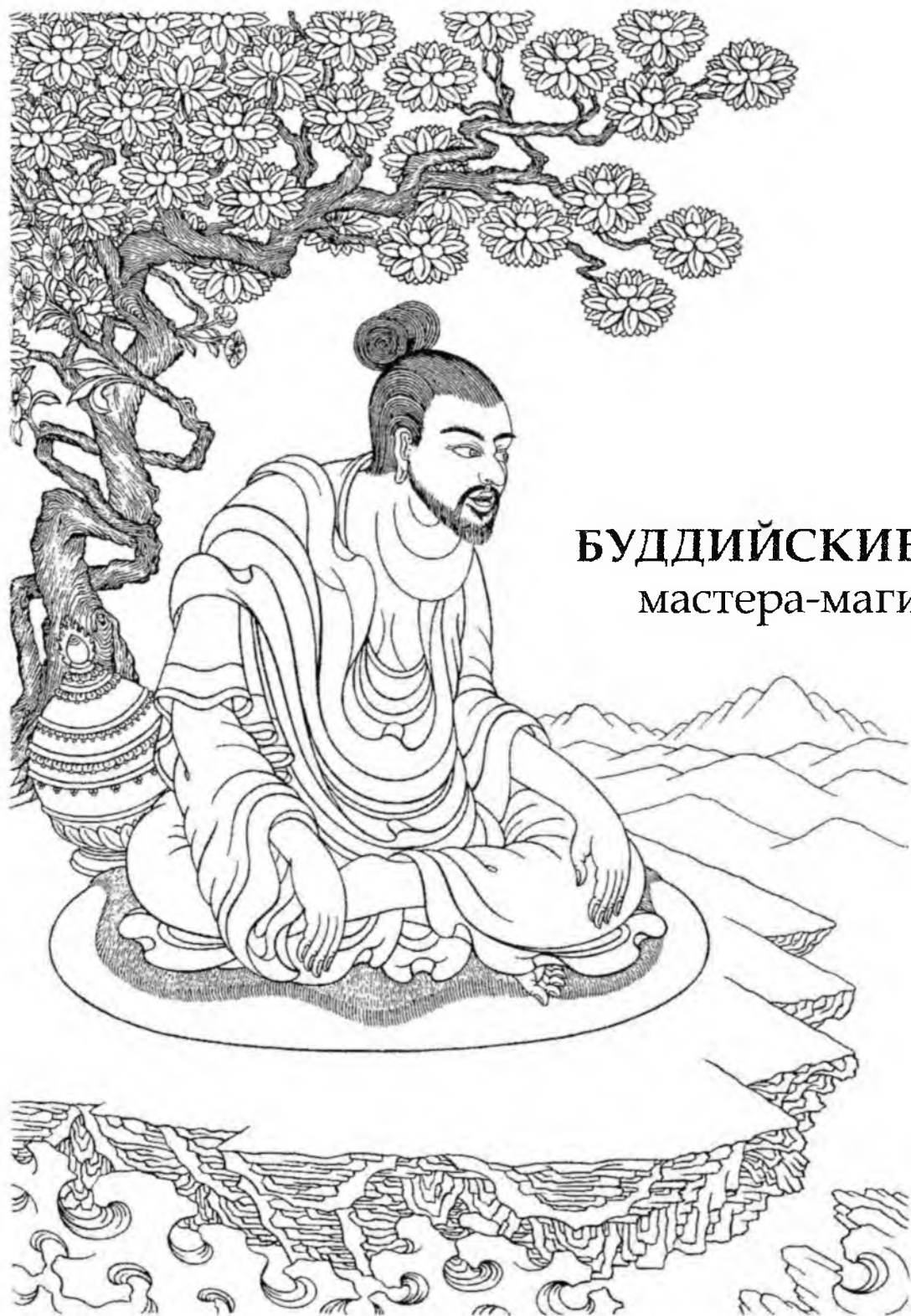
В наше время на Западе можно встретить лам, которые получили передачу традиции Миларепы от предыдущего Гьялвы Кармапы. Школа Сакья хранит поучения о Махамудре, данные Сиддхой Вирупой. Доктрины школы Ньингма основываются на поучениях махасиддха Падмасамбхавы. Едва ли можно назвать хотя бы одну школу тибетского буддизма, уходящую корнями к индийским истокам, в которой не встретилось бы имени одного из восьмидесяти четырех махасиддхов.

Для тибетской традиции характерно крайнее нежелание подвергать сомнению индийские доктрины и устоявшиеся ценности, поэтому отклонения от Тантры

сиддхов, возникшие на протяжении веков, были чрезвычайно незначительными. Сущностные поучения и практики остались неизменными. Главная сложность для западного практикующего заключается в том, что тибетские ламы, обучая садхане, редко спонтанно дадут посвящение и наставления в медитации неподготовленным ученикам. Большинство лам настаивают на длительной подготовке и дисциплине в буддизме Хинаяны и Махаяны, а также на подготовительной практике тантрической медитации.

Тем не менее традиция сиддхов на Западе живет, и следующее поколение, без сомнения, получит плоды работы лам. Поскольку способности учеников, их необходимости и устремления сочетаются с благоприятными условиям, можно со всей уверенностью полагать, что бесчисленные сиддхи из Америки и Европы вскоре проявят себя в полной мере благодаря расцвету тантрической традиции на Западе.

БУДДИЙСКИЕ
мастера-маги

МИНАПА

Иона из Бенгалии

*Я Минапа, упрямый рыбак.
Попав в пучину судьбы,
Практиковал я тайную йогу Умадэви
И выжил в брюхе чудища морского.
И теперь даже скале не выдержать
Тяжести моего совершенства.*

Всю жизнь Минапа удил рыбу в Бенгальском заливе. День за днем насаживал он приманку на крючки, забрасывал в море удочки и ждал, когда же в пучине морской дернет за другой конец лески его добыча. В один прекрасный день Минапа занимался своим привычным промыслом, терпеливо ожидая клева. Вдруг леску потянуло с такой чудовищной силой, что бедный рыбак не удержался в лодке и рухнул в воду. Когда же он увидел, какое чудище попало ему на крючок, Минапа сразу сообразил, что на этот раз сам оказался наживкой. В тот же миг, разинув огромную пасть, морское чудовище целиком проглотило беднягу. Однако Минапе невероятно повезло, да и карма рыбака оказалось настолько благоприятной, что ему удалось выжить в брюхе морского монстра и даже обустроить там себе некое подобие жилища.

А в это время в более утонченных мирах Умадэви — божественная партнерша Шивы Махадэвы — решила овладеть самыми секретными йогическими практиками супруга. День и ночь умоляла она партнера дать ей поучения. Не воспринимая его отговорки, она настаивала на своем и не отступала, пока Махадэве не стало ясно, что не видать ему больше покоя, если только не обучит он Умадэви Дхарме.

До сих пор Махадэва практиковал в одиночестве, и нелегко ему было рассказать о секретных поучениях, несущих в себе великую силу. Он опасался, что его тайные наставления нечаянно коснутся слуха неподготовленного человека, и поэтому согласился поделиться ими с Умадэви только на самом глубоком морском дне.

Умадэви была в восторге. Тут же принялась она сооружать подводную обитель из жемчужин, изысканных раковин и драгоценных кораллов, нанизанных на нити. Вокруг своего морского пристанища она разбила дивный сад из нежных водорослей и редких морских цветов. Стаи чудных пестрых рыб слетелись со всего океана, чтобы разделить с Умадэви ее отшельничество. Увидев эти чудесные приготовления, Махадэва признал, что условия для передачи Дхармы были созданы подходящие, и незамедлительно приступил к драгоценным поучениям.

За косяками удивительных рыб приплыло к обители Умадэви и морское чудище, в чреве которого сидел Минапа. Голос Махадэвы легко проникал сквозь ракушечные стены кельи и плоть огромной рыбы, достигая ушей Минапы. И наш рыбак вскоре стал восторженным и преданным учеником ничего о том не подозревавшего Махадэвы.

К сожалению, этого нельзя было сказать об Умадэви. Тихие подводные течения и мерное качание водорослей на волнах убаюкали ее, и вскоре она задремала. Когда Махадэва спросил, слушает ли она, то услышал в ответ: «Конечно». Правда, прозвучал он из уст не Умадэви, а Минапы.

Дойдя до конца своих поучений, Махадэва смолк. Повисшее молчание пробудило Умадэви, и, чтобы не выдать себя, она произнесла: «Как это восхитительно, мой господин, прошу тебя, продолжай».

«Но я только что сказал, что закончил», — резко ответил Махадэва.

«Возможно, я отвлеклась на одно мгновение», — робко пролепетала Умадэви.

«Кто же тогда ответил «конечно», когда я спросил, слушаешь ли ты меня?»

И тут из глубины донесся приглушенный голос: «Это был я».

Махадэва обладал магической силой видеть сквозь предметы и вскоре разглядел Минапу в чреве огромной рыбыны.

«Ага! — воскликнул он. — Теперь я вижу, кто мой настоящий ученик. Посвящение получит этот узник рыбьего чрева, а не ты, моя дорогая».

Так Минапа принял обет и, не покидая чрева морского чудища, приступил к практике садханы. Прошло еще двенадцать лет. И вот однажды огромное морское создание попало в сети рыболова из Шри-Тапары. Уверенный в том, что рыбаина наверняка проглотила несметное количество золота или серебра и оттого стала такой тяжелой, он с трудом вспорол ей живот.

Но сокровищем, извлеченным на свет, оказался Минапа.

Бедный рыболов пришел в ужас. «Кто ты?» — воскликнул он, отшатнувшись от своей находки.

К тому времени вокруг уже собралась толпа любопытных, и Минапа поведал всем собравшимся историю о том, как попал в чрево огромной рыбы, и о том, как получил посвящение. Он назвал также имя короля, во время правления которого он в последний раз видел дневной свет. У изумленной публики не осталось сомнений в том, что Минапа и вправду прожил в животе огромной рыбы двенадцать долгих лет.

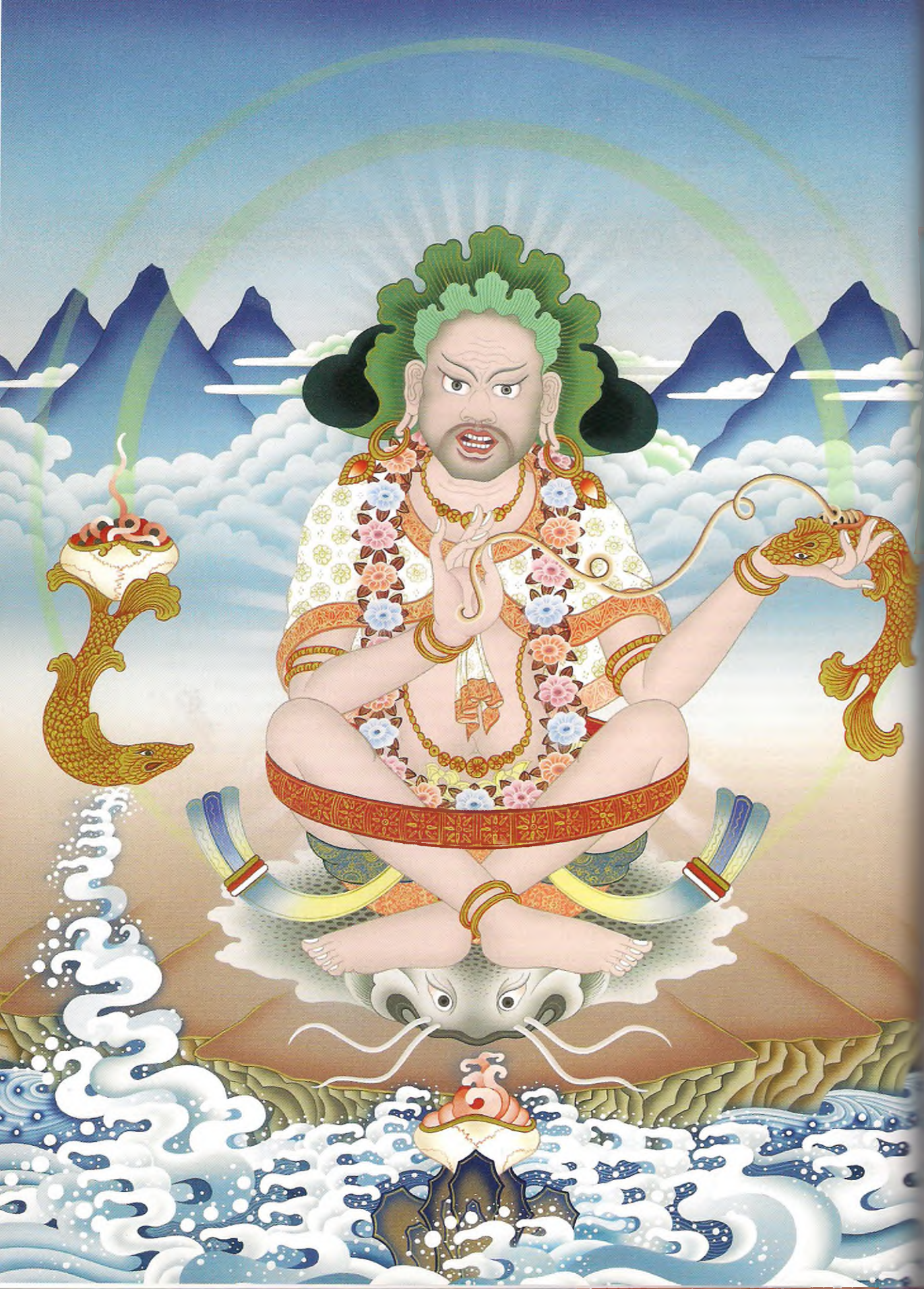
Тогда-то рыбака и прозвали Минапой, что означает Сиддха-рыба. Собравшиеся совершили перед ним простирания, поднесли дары и там же, на берегу моря, где Минапа явился на свет из чрева морского чудища, устроили в его честь шумное торжество.

Ноги Минапы от радости сами собой пустились в пляс, и его ступни, словно в мягком масле, утопали в булыжниках. Камни с отпечатками ног великого сиддха можно увидеть там и по сей день.

Танцуя, он пропел своим восхищенным слушателям:

*Два источника у моей волшебной силы:
Великая удача, проявившаяся
Из заслуги моих прошлых жизней,
И глубокая преданность к поучениям,
Которые мне посчастливилось услышать.
О, друзья мои, как прекрасна эта драгоценность —
Наши ум!*

Достигая все больших результатов на пути, Минапа еще пятьсот лет бескорыстно трудился на благо других. Его волшебные силы преумножились, и со временем его стали называть Ваджрападой и Ачинтапой. Наконец, когда работа его была выполнена, он в своем теле вознесся в Чистую страну дакинью.

Поедатель рыбных потрохов

*Намажь медом нос дикого пса —
И он, безумный, проглотит все, что увидит.
Поведай секрет ламы дураку —
И его ум сгорит, как и линия преемственности.*

*Для чуткого, постигшего нерожденную реальность,
Один проблеск Ясного света, который переживает лама,
Рассекает иллюзию, как безумный слон,
Неистово крушащий ряды врагов мечом, зажатым в хоботе.*

Когда умер старый король Шри-Ланки, придворные астрологи предсказали, что ради блага государства страной должен править второй сын короля. Но молодому принцу меньше всего хотелось занимать трон. Чужды были ему роскошь и великолепие дворца. В глазах принца читалось презрение, когда взгляд его останавливался на стенах королевских покоев, покрытых золотом и серебром и украшенных россыпью драгоценных камней.

Все, что хотел принц, — это стать йогиним, и поэтому он решил бежать из дворца. Но, увы, лицо наследника престола было хорошо знакомо каждому, и беглецу не удалось уйти дальше королевского сада. Придворные схватили его, а родные братья заковали в золотые цепи. Но уже на следующую ночь принц подкупил своих стражников золотом и серебром и, переодетый в лохмотья, в сопровождении одного верного помощника бежал из дворца. Когда им удалось уйти довольно далеко, принц щедро наградил преданного слугу и уже в одиночестве отправился в Рамешварам, где наконец и стал йогиним.

Принц был счастлив обменять золотой трон на подстилку из оленьей шкуры, а свою обитую шелком роскошную кровать — на кучу мусора. Прекрасный собой, он без труда получал подаяния, а его утонченность и королевские манеры внушали трепет, где бы он ни появлялся.

Йогин-принц странствовал по Индии, пока наконец не добрался до Ваджрасаны — священного места, где Будда Шакьямуни достиг Просветления. Там дакини дали ему поучения о различных видах женской мудрости. Спустя какое-то время он отправился в Паталипутру, что на реке Ганг. Там он изучал Тантру, жил на подаяния и спал на кладбище, где сжигали трупы умерших.

Однажды, когда йогин по обыкновению просил милостыню на рынке, непреодолимое чувство заставило его пойти в таверну, которая оказалась еще и борделем. Кармическая судьба привела его к одной из проституток, в которой йогин сразу распознал воплощение дакини. С глубоким почтением склонился перед ней йогин. Некоторое время дакиня в полном молчании всматривалась в его ум, а затем произнесла: «Четыре твоих физических центра и их энергии — чисты. Но в твоём сердце находится узелок надменности размером с горошину». Затем она выплеснула в его миску помой и отправила восвояси.

Покинув публичный дом, йогин вылил несъедобную жижу в канаву. И в это самое время дакиня, тайком наблюдавшая за ним, с усмешкой прокричала ему вслед: «Как может гурман достичь нирваны?»

Йогин остолбенел. Неужели те предрассудки, которые он впитал с благородным воспитанием, все еще были живы в его уме? Может быть, ему до сих пор одни вещи казались более желанными, чем другие? Такие ошибки не позволят достичь Просветления!

В тот же миг йогин решил полностью избавиться от всех оставшихся предрассудков и на корню пресечь привычный образ мышления. В последующие двенадцать лет он жил на берегах Ганга, питаясь только рыбьими внутренностями, которые рыбаки обычно бросали собакам. За это рыболовы прозвали его Луипой — поедателем рыбьих потрохов. Но для благородного йогина такая пища была нектаром чистого осознания, благодаря которому он постиг, что природой всех вещей является пустота.

Вскоре молва о Луипе разнеслась далеко за пределы берегов Ганга. Поступки Луипы упоминаются и в легенде о Дарикапе.

ВИРУПА

В совершенстве освоивший практику дакинъ

*Живя в спонтанной реальности,
Я завишу лишь от Великого символа.
Существуя в том, что есть, без эго,
Я не думаю и ничего не достигаю.
Истинное самоосознание не дает мне упасть в яму нигилизма.
Абсолютная непривязанность спасает меня от вечного рая.
Я живу в высочайшем чистом блаженстве и совершенном осознании.*

Вирупа родился в Бенгалии, в восточной провинции Трипура во времена правления короля Дэвапалы. Ребенком его отдали в прославленный монашеский университет в Сомапуре. Там, вместе с тысячами других монахов, он прилежно занимался изучением и медитацией, а спустя какое-то время получил посвящение в Ваджраварахи — дакинью с головой свиньи.

В течение двенадцати лет Вирупа усердно произносил мантру, насчитав двадцать миллионов повторений, но ничего так и не происходило. Ни разу за все эти годы ему даже не приснился сон, указывающий на успехи в практике.

Вирупой овладело такое отвращение к себе и своей, по-видимому, бесполезной практике, что он с отчаянием выбросил свои четки в отхожее место. Когда пришло время вечерней молитвы, четок у него, конечно, при себе не оказалось. Вдруг сияющее видение Ваджраварахи предстало перед Вирупой. Протянув ему изумительную по красоте малу, она сказала:

«О, счастливое дитя, что тебя так печалит? Продолжай свою практику, с тобой мое благословение. Если бы ты только мог ясно увидеть, что вещи не являются чем-то, но не являются и чем-то другим! Оставь свои блуждающие мысли, полные критики. Освободи ум от иллюзий!»

Глубоко вдохновленный этим видением, Вирупа еще двенадцать лет выполнял практику духовной дисциплины своей дакини-гуру и обрел высшее постижение Махамудры.

Обретя власть над двойственностью жизни и смерти, Вирупа больше не видел ничего предосудительного в том, чтобы есть мясо и пить алкоголь, хотя это и запрещалось монастырским уставом. Однажды он попросил прислугу приготовить ему пирог с голубятиной. Слуги немедленно поймали нескольких голубей, гнездившихся на карнизе монастырской крыши, свернули им шеи и приготовили к ужину.

Но один из старых монахов заметил исчезновение голубей. С криками: «Пусть покажется тот, кто дерзнул съесть голубей!» он помчался к колоколу, тревожный звон которого призывал немедленно собраться всех обитателей монастыря.

«Никто из нас не отважился бы на такой отвратительный поступок», — шептали в изумлении благочестивые монахи. Тогда настоятель монастыря приказал обыскать весь монастырь. Вскоре они обнаружили Вирупу, сидевшего в своей келье перед накрытым столом со стаканом вина, в предвкушении ужина с голубятиной. Вне себя от гнева, монахи вытолкали Вирупу из его жилища и приказали ему незамедлительно покинуть монастырь.

Вирупа снял с себя монашеские одежды и положил их вместе с миской для подаяний перед изображением Будды, которому поклонялся более четверти века.

С глубоким почтением он совершил простирания перед изображением и направился к монастырским воротам.

Увидев Вирупу, стражник, охранявший вход в монастырь, спросил его, куда он направляется.

«Я больше не могу здесь оставаться, — ответил Вирупа. — Я должен отныне следовать уготовленному мне пути».

За воротами монастыря начиналось лotosовое озеро — такое огромное, что его невозможно было обойти. Собравшиеся к тому времени у ворот монахи с любопытством ожидали, что же Вирупа станет делать.

У кромки воды изгнанник наступил на цветок лотоса и увидел, что тот не утопает под тяжестью его веса. Тогда, с именем Будды на устах, Вирупа чудесным образом стал легко переступать с цветка на цветок, пока не достиг противоположного берега.

Застыв от изумления, наблюдали за этим чудом обитатели монастыря Сомапурри. Наконец придя в себя, они в раскаянии совершили простирания перед Вирупой и со смиренной преданностью стали умолять его вернуться.

«Пожалуйста, объясни, зачем ты убил голубей», — взмолились они.

На что Мастер ответил: «Это была всего лишь иллюзия — как и все преходящее».

Затем он попросил своих слуг принести остатки голубиных крыльев. Соединив перья и кости, он поднял их над головой, щелкнул пальцами, и внезапно ожившие голуби взмыли в небеса — еще прекраснее, чем раньше.

После этого Вирупа навсегда покинул монастырь и стал йогиним. Повсюду, где бы он ни появился, он оставлял после себя истории о совершенных чудесах.

Однажды, остановившись на берегу Ганга, проголодавшийся после долгого пути Вирупа стал вызывать к Ганга Дэви, богине великой реки, с просьбами о еде и питье. Однако та не смилостивилась над Вирупой. Тогда йогин повелел водам Ганга разступиться — так он достиг противоположного берега.

К тому времени, когда Вирупа дошел до ближайшей таверны в городе Канасата, его уже мучил нестерпимый голод. Он с наслаждением осушил принесенный ему кувшин вина и съел тарелку риса. Затем Вирупа потребовал еще вина, а потом еще и еще, пока не прикончил все запасы хозяев. Когда же заподозрившая неладное хозяйка таверны потребовала расплатиться по счету, Вирупа предложил ей в качестве оплаты солнце. В подтверждение своих слов он бросил в небо пурбу (острый кинжал — прим. переводчика), которая вонзилась прямо между светом и тьмой, так что солнце не могло больше продолжать свое движение по небосклону.

Два с половиной дня мучились жители Канасаты от беспрестанного дневного света и нестерпимой жары. Урожай в полях зачах, а река пересыхала на глазах. Зато Вирупа продолжал пить, как ни в чем не бывало — он поглотил к тому времени запасы спиртного, привезенные на пятистах слонах.

И так всех изнурила нестерпимая жара и свет, что даже сам король уже терялся в догадках, не зная, как избавиться от этой напасти. Не ведая о визите Вирупы, он отправил своего министра разобраться, что же стало причиной этого бесконечного, ослепляющего солнечного света. Однако его расследование не принесло никаких результатов, и тогда королю во сне явилась богиня солнца и рассказала о том, что узницей на небе ее сделал долг Вирупы хозяйке таверны. Чтобы избавить

своих подданных от этой беды, королю пришлось заплатить владельце таверны, и тогда Вирупа покинул Канасату, а солнце благополучно продолжило свой путь по небосклону.

Вирупа отправился дальше в страну Индра, которой правили необычайно набожные брахманы. В честь великого бога Шивы брахманы изваяли из камня его двухсотметровую скульптуру. Когда Вирупа подошел поближе к огромному каменному богу, хранители святыни потребовали, чтобы тот поклонился изображению Шивы, на что Вирупа усмехнулся:

«Разве пристало старшему брату кланяться младшему?»

Король Индра, совершавший в это время обряд поклонения каменному изваянию Шивы, услышал этот разговор и недолго думая выдвинул Вирупе ультиматум: «Поклонись или умри!»

Но Вирупа настаивал на своем: «Я согрешу, если поклонюсь этому богу».

«Что же, в таком случае пусть грех ляжет на мои плечи!» — ответил король.

Тогда Вирупа почтительно сложил перед собой руки, и в тот же миг гигантское изваяние расколосось пополам и небеса сотряс громopodobный голос каменного колосса: «Чего изволите, мой господин?»

«Покаляись в верности Будде!» — приказал Вирупа.

«Слушаю и повинуюсь!» — прогремел в ответ голос каменного бога, и в то же мгновение две половины гигантского изваяния вновь соединились воедино.

Дары, в изобилии сложенные у ног Шивы, тут же поднесли Вирупе, а он без промедления поровну разделил их между всеми присутствовавшими последователями Будды. Подношения оказались настолько щедрыми, что их хватило каждому, чтобы в течение долгих-долгих лет противостоять голоду, наводнениям и чуме.

А Вирупа, продолжив свой путь, вскоре оказался неподалеку от города Дэвикотта, что на востоке Индии. Он не знал, что все жители Дэвикотты были вурдалаками-людоедами.

По дороге в город проголодавшийся Вирупа решил разыскать чего-нибудь съестного на завтрак. Вдруг на пути ему встретилась миловидная старушка, которая предложила подкрепиться у нее в доме. Подумав, что она, должно быть, живет неподалеку, Вирупа последовал за женщиной. Свернув с главной дороги, старушка все ускоряла шаг, а тропинка между тем становилась все уже, а заросли все непроходимей. Заподозрив неладное, Вирупа спросил свою спутницу, далеко ли еще идти.

«О, ты уже очень, очень близок к концу своего пути», — зловещим голосом ответила старуха. В следующее мгновение она повернулась к Вирупе, пронзив его налитыми кровью глазами. Колдовские чары оуптали Вирупу, и он застыл на месте, не в силах пошевелить даже пальцем. От зарослей тенистых джунглей вдруг стали бесшумно отделяться бесчисленные фигуры вурдалаков. Подняв окаменевшего Вирупу, они понесли его в заброшенный храм.

Там они и оставили его лежать до поры до времени. Оглядевшись по сторонам, насколько позволяло его застывшее тело, Вирупа увидел рядом с собой мальчика-брахмана. Бедняге не повезло так же, как и йоину, — в поисках пищи он встретил ту же старуху-оборотня, и теперь им обоим предстояло стать жертвами ужасного обряда.

Через какое-то время послышался резкий бой барабанов и кроважадные завывания вурдалаков, кружившихся в смертельной пляске. Охваченный ужасом, мальчик расплакался. Вирупа попытался его успокоить, уверив, что к восходу солнца все снова будет хорошо. Постепенно всхлипывания ребенка затихли, и он уснул, а Вирупа благословил мальчика мощной защитной мантрой.

Когда возшла луна, за юной жертвой пришли два дюжих упыря. Но как они ни пытались, им не удалось поднять спящего ребенка, который словно прирос к земле. Йогин же лежал на дощатом настиле. Едва-едва сумев поднять Вирупу, они отнесли его в круг танцующих вурдалаков.

Барабанный бой разбудил Вирупу, но он все еще не мог двигаться. Йогину приходилось только наблюдать за тем, как вурдалаки в исступлении размахивали острыми ножами, готовые в любой момент принести его в жертву.

Но как только завывания кроважадной нечисти достигли своего апогея, Вирупа вдруг разразился смехом. Удивленные упыри стали было смеяться еще громче, но совсем скоро их ликование перешло в ужас. Смех йогина превратился в громopodobный хохот Херуки, заглушивший дьявольское веселье вурдалаков. Раскаты хохота становились все громче и громче, заставляя оборотней изо всех сил закрывать уши и корчиться от нестерпимой боли. Наконец они взмолились о пощаде, и Вирупа пообещал, что перестанет смеяться, если вурдалаки дадут клятву посвятить себя огненным поучениям Будды. Как только вновь прогремели раскаты душераздирающего хохота, упыри совершили простираания перед Вирупой и поклялись выполнять его приказы.

Тогда Вирупа наконец поднялся, а в руке его словно по волшебству засверкал острый, как бритва, диск. За спиной йогина выросла наводящая ужас гигантская фигура Демона Севера. «Если вы думаете, что можете не сдержать свое обещание, — произнес Мастер со зловещей ухмылкой, — вы расплатитесь чашкой крови за каждый день, в который свернули с пути. А если же вы всецело отвернетесь от закона Будды и станете поклоняться другим богам, этот диск прилетит с небес и отрежет вам головы, а Демон Севера выпьет вашу кровь до последней капли».

Поверженные вурдалаки пали ниц перед Вирупой. Тогда Мастер со всего размаху подкинул острый диск вверх, и тот завис в ночном небе. За ним последовал и демон, и оба превратились в мерцающие созвездия.

А Вирупа продолжил свой путь. Он обошел все Индию, а когда много лет спустя снова вернулся в Дэвикотту, то увидел уже совсем мирный город, населенный верными буддистами. В честь возвращения Вирупы Махадэва — великий бог Шива — и его партнерша Умадэви сотворили для него великолепное видение. Стоя на дороге, Вирупа наблюдал за тем, как город сначала стал вдвое, а затем втрое больше, и вот в нем уже было полмиллиона домов. Все жители Дэвикотты с щедрыми дарами для Вирупы высыпали на улицы, а в это время из тридцати трех чувственных райских миров и изо всех божественных дворцов на городское пиршество нескончаемым потоком полились самые изысканные яства.

И все же Вирупа достиг окончательного Освобождения только по истечении семисот лет. Тогда волшебный диск закружился и унесся в безбрежное пространство, а великий Мастер, выполнив свою работу, возшел в Чистую страну дакин.

ДОМБИПА

Оседлавший тигра

*Философский камень
Превращает простое железо в золото.
В сердце Великого Украшения
Страсть стала чистым осознанием.*

Когда-то Магадхой правил король по имени Домбипа. Еще в юности он получил от Гуру Вирупы посвящение в Хеваджру и благодаря медитации со временем обрел многие чудесные силы, которые, однако, сохранял в тайне от всех.

Домбипа был самым просветленным из всех правителей. Он обращался со своими подданными, как отец с единственным ребенком, но жители королевства все же не подозревали, что Домбипа был посвящен в великие тайны. Для них он был всего лишь честным и справедливым монархом.

Меж тем Магадха очень нуждалась в своем посвященном короле. На государстве лежало тяжелое бремя плохой кармы многих и многих поколений. Люди страдали от бесконечных войн, бедности, преступности, голода и чумы. Исполненный стремления освободить свой народ от бед, король долго размышлял о том, как это осуществить. Зная, что колокольный звон изгоняет демонов и очищает тех, кто его слышит, король приказал отлить из бронзы огромный колокол.

Когда колокол был готов, его торжественно повесили на самой толстой ветви священного дерева в центре столицы королевства. Перед собравшимся народом король приказал своему главному министру каждый раз, когда тот заметит опасность, бедность или болезнь, изо всех сил звонить в колокол.

Верный министр последовал указу короля, и каждый раз, когда раздавался пронзительный колокольный звон, кармические тучи, повисшие над страной, рассеивались все больше и больше. И вот настало время, когда все королевство Магадха и сердце каждого его жителя очистились от плохой кармы. Мир и достаток воцарились в королевстве, и все его подданные стали здоровыми и счастливыми.

Однажды, много лет спустя, в город приехала труппа бродячих затейников — певцов и музыкантов, принадлежавших к одной из низших каст. Услышав о них, король повелел доставить их ко двору, чтобы те показали свое представление. Пока затейники пели и танцевали, король не мог отвести глаз от одной юной музыкантши, обладавшей необычайным очарованием. Светлая кожа, правильные черты лица, юная чистота и невинная манера держаться — все говорило о том, что двенадцатилетняя девочка еще не познала мира. Она воплощала собой все признаки ребенка лотоса, падмини, и король решил сделать из нее свою духовную партнершу.

Девочка оказалась дочерью предводителей бродячих затейников. Призвав к себе ее отца, король попросил отдать ему свою дочь. Не веря своим ушам, музыкант в изумлении застыл на месте. Наконец придя в себя, он произнес: «Ты — великий правитель Магадха, в твоём владении восемьсот тысяч домов. А мы — низкородные бродяги, и союз с тобой просто невозможен. Как тебе только в голову пришла такая мысль?»

Но король был непреклонен и приказал главному министру отсчитать ошеломленному отцу девочки столько золота, сколько весила его дочь.

Несколько лет союз короля с дочерью бродячего музыканта оставался тайной для всех. Но прошло двенадцать лет, и любопытные взгляды, жадные до чужих секретов, разглядели то, что было скрыто все эти годы. Вскоре слухи о том, что король вступил в союз с женщиной низшего происхождения, подобно пожару, охватили всю страну. Из-за разразившегося скандала дела в королевстве пошли на спад. Несмотря на то что все эти годы Домбипа правил по справедливости и был великодушен к своему народу, его подданные не захотели терпеть вопиющего нарушения векового закона о кастах и настаивали на отречении монарха от престола.

Домбипа был вынужден оставить королевство своему сыну и верным министрам и отправиться с подругой в джунгли. Там они и поселились, в блаженном уединении, в тихом лесном жилище, где компанией им были только деревья да всевозможная живность. Так они прожили еще двенадцать лет, полностью посвятив себя практике тантрической йоги.

А в это время дела в королевстве Магадха шли все хуже. В отсутствие мудрости и ясности старого короля вернулись все невзгоды. Великий колокол треснул, и страну вновь охватили голод, эпидемии и войны. Молодой король в отчаянии созвал совет, на котором решили просить Домбипу вернуться и вновь взять правление государством в свои руки. Тут же на поиски прежнего короля снарядили целый отряд.

Неделя за неделей посланники прочесывали джунгли. Они добрались уже до таких отдаленных уголков, где еще никогда не ступала нога человека. Но нигде не было видно и следов старого короля и его спутницы.

Но вот однажды, когда они уже в полном отчаянии готовы были возвратиться домой ни с чем, самый молодой из всех следопытов вдруг заметил нечто необычное. Над джунглями воцарилась полная тишина — не было слышно ни пения птиц, ни шороха листьев. Казалось, весь мир застыл в глубоком молчании.

Вдруг вдали показалось слабое мерцание. Подкравшись поближе, королевские посланники увидели старого монарха, сидевшего под деревом на берегу озера в глубокой медитации. А его возлюбленная парила над поверхностью воды, мягко переступая с одного цветка лотоса на другой. Затем она грациозно наклонилась, ощутив руку в воду, и вдруг из глубины забил фонтан нектара, переливавшийся волшебным светом. Подставив сложенные ладони под струю, она набрала в них нектар и осторожно понесла его своему господину, порхая с одного лепестка на другой.

Преисполненные благоговейного трепета, слуги не посмели нарушить королевское уединение своим появлением. Они поспешили назад, во дворец, где сразу же рассказали обо всем, чему стали свидетелями. Незамедлительно к старому королю был отправлен другой отряд — доброму монарху несли мольбы всех его подданных о возвращении.

Домбипа принял посланников в своем жилище. Глубоко тронутый рассказами о тяжелых бедствиях, постигших его страну, король согласился вернуться и помочь своему страждущему народу. С тем он и отпустил посланников, пообещав вернуться в королевство ровно через четырнадцать дней.

В назначенный час тысячи людей выстроились вдоль дороги, ведущей к дворцу. Каково же было их удивление, когда, как кнутом, размахивая ядовитой змеей, король вместе со своей подругой приехал верхом на беременной тигрице. Толпа

собравшихся упала на колени и, преодолевая страх, умоляла старого короля снова взять в свои руки бразды правления.

«Как же я смею выполнить вашу просьбу? — спросил старый монарх. — Вы сами прогнали меня, потому что я вступил в союз с женщиной низкого происхождения и лишился статуса своей касты. Я изгой, не принадлежащий теперь ни к одной из каст, и поэтому не могу править страной». Когда же люди в отчаянии стали сетовать на свою жестокую судьбу, король сжался над ними и сказал: «Поскольку со смертью заканчиваются все неравенства, сожгите нас вместе на погребальном костре. В нашем перерождении мы обретем Освобождение».

Согласно воле короля, был сооружен погребальный костер из самых ценных и душистых пород сандалового дерева. С полной безмятежностью, ни секунды не раздумывая, король и его супруга взошли на сложенные поленья, и в ту же минуту их подожгли.

Семь дней пылающий костер наполнял своим ароматом воздух. Семь ночей, подобно солнцу, освещал он звездное небо. Внезапно на восьмой день огонь потух сам по себе. Подойдя поближе, люди в изумлении увидели над кучей щепла парящее в воздухе облако в форме цветка лотоса, состоявшее из капелек росы. В середине цветка в обличье Хеваджры сидел король в блаженном союзе со своей возлюбленной.

И тогда последние завесы сомнений пали с умов жителей Магадхи. Они назвали своего короля Домбипа — Повелитель Домби — по имени его низкороденной спутницы.

Тогда Домбипа обратился к своим министрам и к представителям всех четырех каст: «Если в своем сердце вы найдете мужество поступить так же, как я, то я останусь и буду править королевством».

Потрясенный этой просьбой, народ запротестовал: «Но мы ведь не йогины. Как можешь ты просить нас оставить семьи, дома, наш образ жизни? Как ты можешь просить нас стать изгоями?»

Глубоко вздохнув, Домбипа произнес: «Как же бесполезна политическая власть, и как велика расплата за нее. Те, кто обладают ею, зачастую совершают мало добра, но причиняют много вреда».

После этих слов очертания его силуэта стали прозрачными. Напоследок Домбипа сказал: «Мое единственное королевство — это королевство истины». Затем он растворился в совершенном осознании и чистом блаженстве, чтобы навсегда поселиться в Чистой стране дакинь.

САРАХА

Великий брахман

*Помни всегда о сахадже — врожденном Абсолюте,
Но не ищи его нигде, кроме как на устах Гуру.
Пойми, что истинная природа слов Гуру в том,
Чтобы сделать твое тело нестареющим, а ум вечным.*

Брахман Сараха был сыном дакини. Он родился в провинции Роли на востоке Индии, в городе-государстве Раджни. Сараха и сам был даком и обладал многими магическими силами. Днем он соблюдал законы брахманов, а ночью от различных буддийских мастеров получал наставления о тантрических тайнах.

Сараха любил выпить, что, однако, запрещалось законами его касты. Когда об этом узнали брахманы, они пришли в ярость от неслыханного поведения Сарахи. Они отправились к королю Ратнапале с просьбой изгнать Сараху из их касты.

«Ты великий король и обязан поддерживать религиозную чистоту в своих подданных. Как можешь ты позволять Сарахе, владеющему пятнадцатью тысячами домов, употреблять алкоголь и тем самым позорить нашу касту?»

Король, однако, был рассудительным человеком. Он решил разобраться в случившемся и отправился к Сарахе. Когда он упрекнул провинившегося в употреблении спиртного, Сараха ответил: «Я не пью. Если ты мне не веришь, созови брахманов и весь остальной народ, и я докажу это».

Король так и сделал. Перед многочисленной толпой, запрудившей городскую площадь, Сараха заявил: «Если я виновен, пусть моя рука сгорит до кости», — и с этими словами опустил ее в котел с кипящим маслом. К великому удивлению всех собравшихся, когда он вытащил руку из котла, она была совершенно невредима.

«Я убедился в его невиновности, — сказал король и повернулся к брахманам. — А вы довольны?»

Брахманы закричали в ответ: «Шарлатап пьет!»

Тогда Сараха попросил принести ему чашу с расплавленной медью. «Если я виновен, пусть рот мой и горло сгорят!» — и с этими словами он залпом выпил дымящуюся жидкость. Затем он открыл рот, и все увидели, что внутри не было ни малейших признаков ожога.

«Довольно этих фокусов! — кричали брахманы. — Мы знаем, что он пьет!»

Тогда Сараха подвел собравшихся к огромному баку с водой. «Пусть тот, кто уверен в своей чистоте, прыгнет в этот бак со мной. Кто утонет — тот лжец!»

Протиснувшись сквозь толпу, вперед вышел один из самых фанатичных брахманов. Прыгнув в бак вместе с Сарахой, он тут же пошел ко дну.

«Кто теперь осмелится обвинить меня в том, что я пью? — прокричал промокший до нитки Сараха. — Если же сомнения все еще не развеяны, взвесьте этого брахмана и меня. Тот, кто окажется легче, тот и виновен!»

Толпа ахнула, так как брахман был человеком весьма упитанным и, по крайней мере, вдвое превосходил Сараху по размерам. Но когда их взвесили, весы показали, что Сараха оказался намного тяжелее.

И тут вмешался сам король. Указав на Сараху, он сказал: «Если этот почтенный человек пьет, то пусть он продолжает это делать до конца дней». Затем король

совершил перед Сарахой простирая, и его примеру последовали все собравшиеся, включая и брахманов.

Тогда Сараха пропел три цикла песен — для короля, королевы и народа. Получив от Сарахи наставления, брахманы оставили свои традиционные практики и стали буддистами. Спустя какое-то время король с королевой, а также все придворные достигли состояния Будды. Песни Сарахи стали широко известны под названием «Три цикла ваджрных песен доха».

Сам же Сараха взял в духовные подруги пятнадцатилетнюю девушку, и вместе они ушли подальше от тех мест. Девушка просила милостыню, чтобы прокормить обоих, а Сараха в уединении продолжал свою практику садханы.

Однажды Сараха попросил девушку приготовить на ужин карри из редьки. Она принялась готовить карри с сывороткой из бычьего молока, а Сараха тем временем начал медитировать. Он оставался в медитации весь вечер, всю ночь и весь следующий день. Так он промедитировал двенадцать долгих лет.

Вернувшись наконец из долгой медитации в обыденный мир, он прокричал во все горло: «Где же мое карри?»

Супруга-дакиня с удивлением воскликнула: «Ты просидел в самадхи двенадцать лет, и первое, о чем ты теперь спрашиваешь, — это карри?»

Опешивший Сараха решил уйти в горы, чтобы продолжать медитацию как полагается.

«Если ты можешь вернуться из самадхи с неослабевшим желанием съесть карри, то что, по-твоему, даст тебе отшельничество в горах? — ответила на это его партнерша. — Истинное уединение — это уход от предрассудков и жестких идей, от ярлыков и концепций узкого ума».

Сараха внимательно выслушал мудрые слова своей дакини-гуру и с того дня посвятил себя исключительно тому, чтобы освободить ум от концепций и веры в существование объективной реальности. Со временем он стал способен переживать все явления в их истинной чистоте и достиг состояния Махамудры. Остаток своей жизни он полностью посвятил благу других. В момент смерти Сараха и его подруга обрели высшее блаженство Чистой страны дакинь.

ЛИЛАПА

Король, любивший удовольствия

*Непоколебим в Четырех ступенях безграничности,
Царствует король-йогин, благородный снежный лев.
В бирюзовой гриве его пять локонов —
Пять признаков Осознания Будды.
Львиные когти отдирают от костей бычье мясо,
Как десять совершенств йогина отсекают негативные силы.
Этому постижению обязан Лилапа своей вечной свободой.*

Когда-то в южной Индии жил один король, который превыше всего ценил богатство и всевозможные удовольствия. Но так же мог наслаждаться он и хорошей беседой и время от времени приглашал в свои покои гостей, с которыми вел разговоры, возлежа на троне в самых изысканных одеждах.

Однажды в тех краях оказался мудрый йогин, и король пригласил его к себе во дворец. Когда же он увидел обветренное лицо йогина и изодранные в клочья лохмотья, сердце короля наполнилось жалостью.

«Какая тяжелая, должно быть, жизнь у тебя! — промолвил король. — Обездоленный, ты беспрестанно странствуешь по свету...»

«Мне не на что жаловаться, — ответил йогин. — На самом деле жалеть нужно тебя».

«С чего ты так решил?» — поразился такому ответу король.

«У меня есть глаза, — отвечал йогин. — Я вижу, что ты живешь в постоянном страхе перед своими подданными. Но прежде всего ты боишься лишиться трона. А я — я свободен от всяческих страданий. Мне неизвестна боль старости и даже самой смерти. Если меня бросят в костер, я не сгорю. Дадут мне смертельного яда — я не умру».

«Как же это может быть?» — воскликнул король в изумлении.

«Я научился великому мастерству алхимиков, — поведал почтенный йогин. — И обладаю теперь тайной бессмертия».

Слова странствующего йогина так поразили короля, что он сразу же преисполнился к нему доверием. «Я не могу стать бродягой, как ты, — сказал король. — Но я щедро отблагодарю тебя, если ты научишь меня медитировать так, чтобы при этом я мог остаться на троне. Я умоляю тебя провести в моем дворце столько времени, сколько потребуется на поучения». С этими словами смиренной просьбы король простерся перед йогиним.

Йогин выполнил просьбу монарха, посвятив его в практику Хеваджры. Он научил своего благородного ученика безраздельно концентрировать внимание на перстне, который тот носил на правой руке. Со временем король уже мог визуализировать Хеваджру сидящим в окружении дакинь в самом центре драгоценного камня. А когда король обрел способность удерживать это видение, он соединил фазы построения и завершения в медитации, и тогда спонтанно проявилось полное постижение — однонаправленное самадхи.

С тех пор король беспрестанно медитировал. Он обрел силу и постижение Махамудры, а также и другие способности, в том числе экстрасенсорное восприятие.

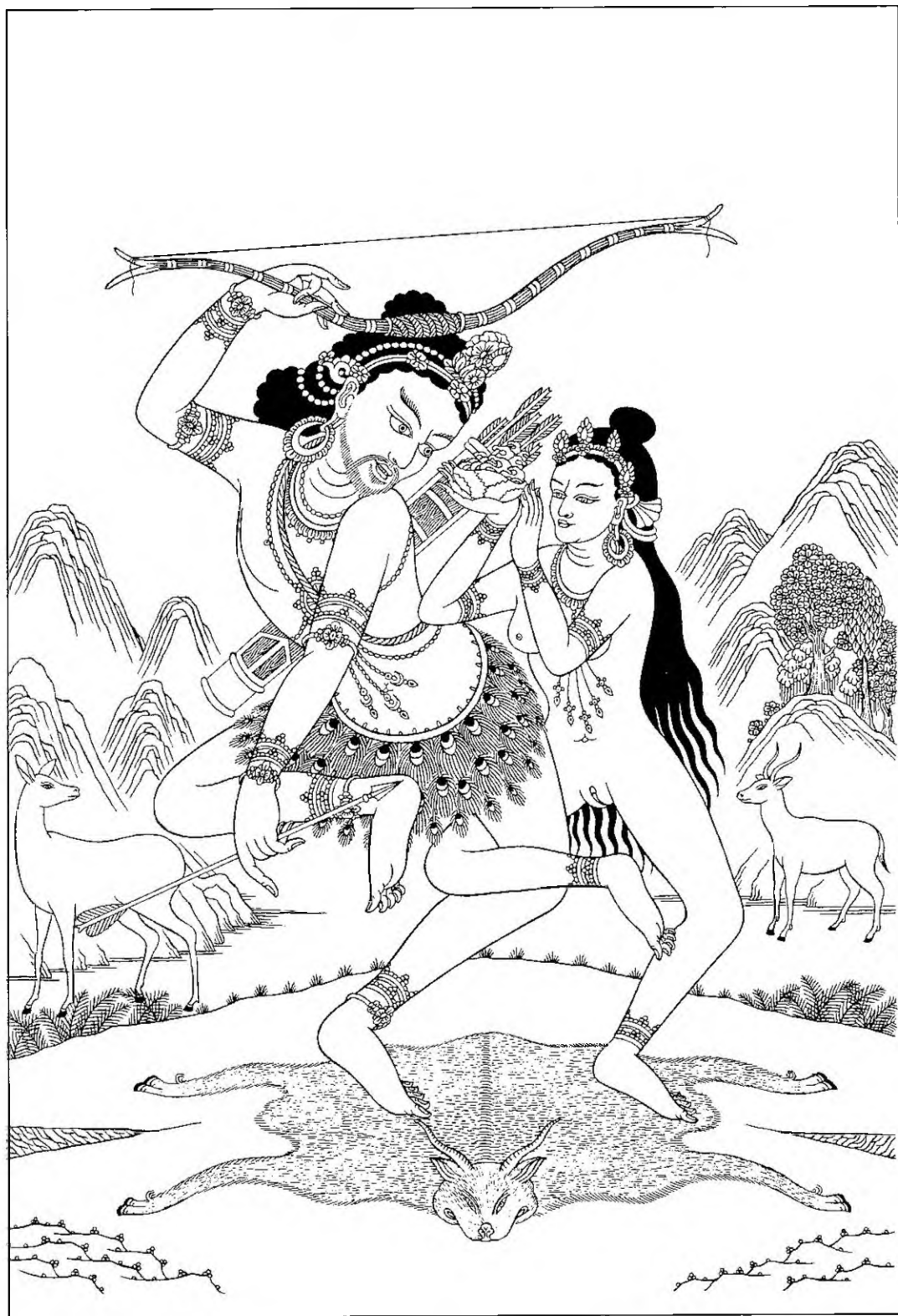

Он достиг всего этого, сидя на троне в окружении королей и министров, откинувшись на шелковых подушках и наслаждаясь игрой придворных музыкантов.

Из-за склонности к чувственным удовольствиям короля прозвали Лилапой — Мастером игры. Но широко прославился он благодаря своей полной самоотверженности и в конце жизни достиг абсолютного Освобождения, войдя в Чистую страну дакинъ.

История Лилапы — подтверждение тому, что если кармические задатки ученика гармонично сочетаются с наставлениями Гуру, то нет необходимости отрекаться от жизни, чтобы достичь Освобождения.

ШАВАРИПА

ОХОТНИК

*Затаился в лесу неведения олень,
Умопомрачение — имя ему.
Охотник, натяни потуже тетиву постижения
На своем луке искусных средств,
Пусти стрелу окончательной истины,
Пусть сразит она оленя намертво.
Отведай мяса недвойственности,
Приправленное чистым блаженством,
Так познаешь ты цель — Махамудру.*

На склонах Викрама, среди скалистых гор Мантра, жил беспощадный охотник по имени Шаварипа. Его существование протекало по замкнутому кругу кармы — он убивал, чтобы выжить, и жил, чтобы убивать. Такова судьба любого охотника.

Однажды ему на пути встретился Локешвара, Бодхисаттва Сочувствия. Сжалившись над Шаварипой, Бодхисаттва решил избавить его от кармического проклятия. Представ охотником, Локешвара подкараулил его на дороге.

«А ты еще кто такой?» — недоверчиво спросил Шаварипа, с ног до головы оглядев незнакомца. «Я охотник — такой же, как ты», — услышал он в ответ.

Шаварипа подозрительно уставился на него: «Откуда же ты родом?» «О, мой дом очень, очень далеко отсюда», — уклончиво произнес Локешвара.

Тогда Шаварипа решил испытать незнакомца: «Если бы у тебя была всего лишь одна стрела, скольких оленей ты бы сумел убить ею?» «Наверное, сотни три», — спокойно произнес Бодхисаттва. «Ну что ж, давай посмотрим, как это у тебя получится», — фыркнул в ответ Шаварипа. «Увидимся завтра на рассвете», — произнес Локешвара и растворился в лесной чаще.

Встретившись вновь на следующее утро, Шаварипа и Бодхисаттва отправились на поиски добычи. Вскоре они наткнулись на стадо из пятисот оленей, появившихся там из ниоткуда по воле Локешвары, о чем Шаварипа, конечно же, не догадывался.

«Что же, посмотрим, скольких ты сумеешь положить», — прошептал Шаварипа, кивнув в сторону стада. «Если хочешь, то все пятьсот», — невозмутимо ответил его спутник. На что сам Шаварипа лишь усмехнулся: «Для начала хватит и сотни».

Бодхисаттва выпустил стрелу, и сотня оленей тут же упала замертво. Тогда Локешвара попросил Шаварипу помочь ему донести одну тушу до дома. Для крепкого и сильного Шаварипы это не составило бы труда, и охотник тут же попытался поднять убитого оленя, как вдруг у него затряслись руки, и как Шаварипа ни старался, ему не удалось оторвать от земли даже ноги грациозного животного. Смущенный и пристыженный, Шаварипа, распрощавшись с последними остатками своей гордости, попросил Бодхисаттву научить его так же искусно владеть стрелой и луком. Локешвара согласился, но выдвинул одно условие: для начала Шаварипа и его жена должны были отказаться от мяса на целый месяц. Шаварипа недолго думая согласился.

Не прошло и недели, как Локешвара объявился вновь и добавил еще одно условие к их уговору: он научит Шаварипу своим секретам владения луком и стрелой,

если тот будет медитировать на любовь, доброту и сочувствие ко всем живым существам. И снова получил согласие охотника.

Спустя месяц Шаварипа с радостью снова встречал у себя Бодхисаттву. На земляном полу хижины охотника Локешвара начертил круг и усыпал его цветами. Затем он сказал Шаварипе и его жене:

«Всмотритесь повнимательнее в этот круг. Скажите, что вы видите?»

Уставившись на магическую фигуру, Шаварипа и его жена похолодели от ужаса. Лица их стали мертвенно-бледными, и оба были не в силах промолвить ни слова.

«Скажите, что вы видите!» — потребовал Бодхисаттва. «Мы видим, как горим в восьми великих адах!» — наконец выдал Шаварипа. «И вам не страшно?» — продолжал спрашивать Локешвара. «Да! О да! Очень страшно!» — пролепетали супруги. «На что вы пойдете, чтобы не попасть туда?» — спросил их Бодхисаттва. «На все!» — услышал он в ответ.

Тогда Бодхисаттва Сочувствия объяснил Шаварипе и его жене основные постулаты Учения Будды. Тогда охотник понял, почему Локешвара просил его отказаться от мяса и размышлять о сочувствии ко всем существам. Он осознал, что убийство лишь разжигает желание и дальше отнимать жизни у существ, в то время как другие люди с отвращением и презрением относятся к убийцам. Кармической же расплатой за такие действия является перерождение в мире царанойи.

«Лишая существ жизни, можешь быть уверенным, что и твоя оборвется преждевременно, — сказал Локешвара. — Так почему бы тебе не перестать охотиться и не посвятить свою жизнь поиску Просветления? Как только ослабеет твое желание убивать, ты начнешь накапливать заслугу». После этих слов Шаварипа и его жена поклялись следовать пути Будды.

Вскоре Бодхисаттва дал им наставления о кармических результатах, к которым приводят добрые и злые дела. Он также рассказал Шаварипе и его жене о десяти позитивных действиях и показал, что расплата за все причиненное зло придет неотвратимо. Бодхисаттва научил их жить здоровой и полной радости жизнью.

Переполнившись раскаянием, Шаварипа поселился на горе Данти и посвятил себя размышлениям о том, как избежать страданий, изначально присущих любому перерождению в Колесе существования. Проведя двенадцать лет погруженным в ненаправленное, бесформенное сочувствие — тонкое состояние медитации без мыслей, — Шаварипа обрел полное постижение Махамудры.

Затем бывший охотник разыскал своего Гуру-Бодхисаттву и попросил его о дальнейших поучениях. Локешвара похвалил Шаварипу за его успехи и, взглянув в его будущее, сказал: «Умудренный жизненным опытом, твое Освобождение — не в нирване, к которой стремятся те, кто подавляет в себе страсти, подобно пастуху, пытающемуся затоптать огонь. Оставайся в Колесе сансары из сочувствия к тем несчастным, кто не может вырваться из него. Так ты спасешь бесчисленные души».

Шаварипа с готовностью согласился. Он вернулся в свои края, где со временем его прозвали Тот, кто носит павлинье перо, а также Хранитель горной обители. И по сей день учит Шаварипа тех, кому посчастливилось обрести понимание его наставлений, передаваемых в песнях и танцах, звуках и символах. И так будет до тех пор, пока не придет Майтрея — Будда грядущего времени, Будда любви — который принесет проповедь новой эпохи.

ГОРАКША

Бессмертный пастух

*Каким бы ни было твое рождение —
Низким, средним или высоким —
Используй свою жизнь целиком.
Осознание кармического потока
Поможет тебе достичь цели.
Свой шанс Просветления я обрел,
Преданно служа безрукому и безногому Куаранджи.
Ачинта преподнес мне нектар бессмертия,
И так я постиг недвойственную реальность.
А теперь я — король-пастырь трех миров.*

Когда-то, во времена короля Дэвапалы, на востоке Индии жил один бедный продавец благовоний. Из-за крайней нужды вынужден он был отдать своего младшего сына Горакшу в пастухи. Мальчику понравилась простая, незатейливая деревенская жизнь и кроткая компания его подопечных.

Однажды разморенный полуденным солнцем Горакша лежал в густой траве и мирно беседовал с другими пастухами. Вдруг откуда ни возьмись над ним выросла огромная фигура махасиддха Минапы, которого также звали Ачинтапой. Гуру указал куда-то вдаль и громогласным голосом произнес: «Видишь кружащихся там стервятников? Они ожидают смерти молодого принца. Тяжело раненный, лежит он в тени одинокого дерева. Ему отрубили руки и ноги, и если никто не позаботится о нем, то несчастный умрет. Кто же спасет его?»

Не думая ни секунды, Горакша вскочил на ноги и воскликнул: «Я спасу его!» Затем он добавил, обратившись к Минапе: «Но если я займусь твоей работой, тебе придется делать мою».

На том и порешили: Минапа остался стеречь стадо, а Горакша помчался туда, где черной тучей кружили хищные птицы. Вскоре он обнаружил несчастную жертву — руки и ноги юноши были отрублены, а из ран под корни дерева ручьями струилась кровь. Горакша промыл раны молодого принца и перевязал их, разорвав свою одежду на лоскуты. Сделав все, что было в его силах, он вернулся к Минапе, чтобы рассказать о том, что он увидел и предпринял.

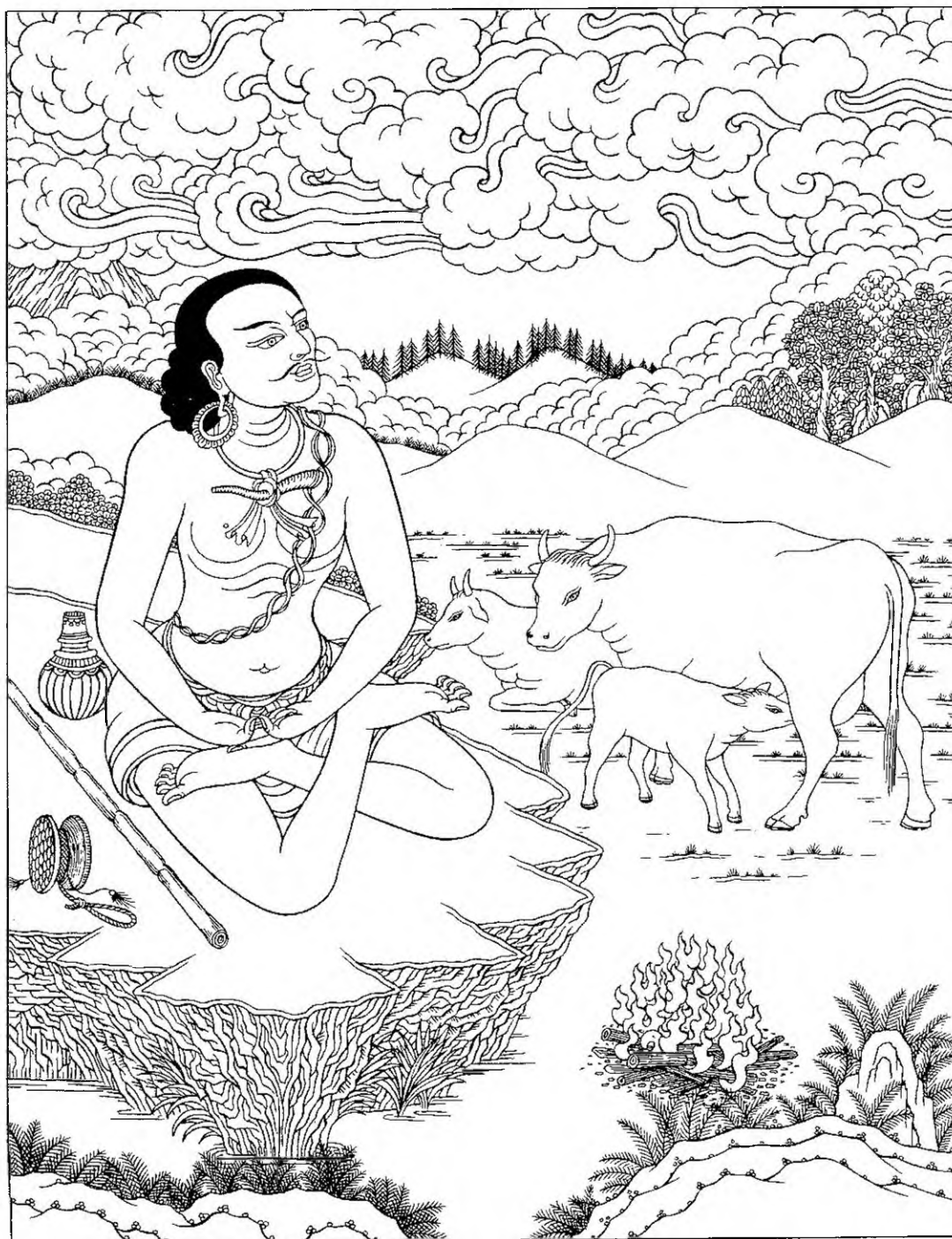
Тогда Гуру спросил мальчика:

«Сможешь ли ты прокормить его?»

«Смогу, — ответил Горакша, — утром и вечером хозяин стада дает мне еду и питье. Половину я буду отдавать принцу».

Похвалив юного пастуха, Гуру объяснил ему, как ухаживать за принцем: «Чтобы жить, ему нужно выполнять четыре основные жизненные функции — есть, пить, спать и очищаться».

Пастух отправился назад к тому дереву, под которым он оставил раненого принца. Из веток и листвы Горакша соорудил для него убежище и с тех пор стал каждый день заботиться о принце. Молодой пастух делил с ним еду и питье, купал его, убирал за ним и делал все, чтобы принцу было удобно. Так проходило время, и оба юноши выросли и возмужали.

Однажды, двенадцать лет спустя, в один прекрасный тихий вечер, когда закат уже окрасил небо в восхитительный багрянец, Горакша по своему обыкновению спешил к жилищу принца, чтобы разделить с ним свой ужин.

Приблизившись к скромному убежищу, где безрукий и безногий принц без движения провел все эти долгие годы, Горакша застыл от изумления. Он увидел принца: тот стоял на двух крепких, совершенно здоровых ногах, вытянув в стороны мускулистые руки.

«Лучше бы тебе закрыть рот, а то муха залетит», — произнес принц. Затем он поднялся в воздух и застыл прямо над головой Горакши. «Минапа обучил меня йоге, с помощью которой у меня вновь выросли руки и ноги. Я хочу отплатить тебе за все эти годы, что ты заботился обо мне. Я научу тебя медитировать».

«Благодарю, мой господин, — ответил Горакша, — но у меня уже есть Гуру. Служа тебе все эти годы, я просто выполнял его указания».

С этими словами Горакша направился к своему мирно пасущемуся стаду, как вдруг перед ним появился Минапа. На вопрос Гуру о том, как выполнялось его поручение, Горакша рассказал о чудесном выздоровлении принца. Минапа был очень доволен услышанным и похвалил юношу за его усердие и преданность. Тут же он дал Горакше посвящение и подробные наставления по практике.

Затем Горакша отправился в дальние страны, где стал выполнять медитацию, как учил его Гуру Минапа. Когда же юноша обрел всеобъемлющий уровень осознания, Минапа вновь предстал перед ним. «Пока ты не освободишь сто миллионов существ, ты не сможешь достичь полного пробуждения и чистоты состояния Будды», — промолвил Гуру.

Горакша так хотел выполнить наставление учителя, что сразу же помчался к людям и стал давать посвящения каждому, кто готов был его слушать. В своем рвении он забыл, однако, внимательно проверять, насколько его ученики созрели для наставлений.

Своим чрезмерным усердием он вызвал гнев великого бога Махадэвы. Однажды, когда Горакша сидел окруженный толпой учеников, перед ним явился Махадэва и сказал: «Делись наставлениями только с теми, кто придет к тебе с просьбой о поучениях. Никогда не давай посвящений тем, у кого нет доверия и истинного понимания».

С тех пор Горакша давал поучения только тем, кто благодаря своей карме был готов к посвящению, и все равно сумел освободить бесчисленное количество людей. И поныне дает свои поучения Горакша — Защитник стада. Тот, кто чист умом и готов к наставлениям, услышит непрекращающийся бой его барабана. А для других Горакша останется неслышим и невидим.

ТАНТИПА

Дряхлый ткач

*Сплетаю волокна в полотно,
Как велел мой Гуру,
Тку я узор опыта невидимой нитью
пятичастного осознания.*

*Бежит челнок наставлений Гуру
По станку совершенного постижения пустоты —
Так я сплетаю ткань Дхармакайи
Из бескрайнего пространства и чистого знания.*

Жил когда-то в Сендхонагаре один ткач — мастер своего дела. Он трудился не покладая рук и благодаря ремеслу своему жил в достатке. Когда подросли его сыновья, ткач передал им секреты своего мастерства. Благодаря его одаренным и трудолюбивым наследникам вся семья еще больше разбогатела. Прошло время, все сыновья ткача женились на девушках своей касты, и род их значительно преумножился.

И вот, когда ткачу было уже восемьдесят девять лет, умерла его жена. От горькой утраты он вскоре одряхлел и занемог. Тогда невестки ткача вызвались ухаживать за стариком. Они кормили его и всячески заботились о его нуждах, но вскоре начали жаловаться своим мужьям на старого ткача.

«От глупых выходок старика нам постоянно приходится краснеть перед заказчиками», — говорила одна.

«Весь город смеется над ним, а заодно и над нами, — вторила ей другая. — Из-за старика мы лишимся доброго имени».

Третья тоже досаждала своему мужу: «Из-за старого безумца у всей семьи будет плохая карма! Неужели ты хочешь, чтобы твои дети и внуки жили беднее полевых мышей?»

Наконец сыновьям ткача наскучило слушать бесконечные жалобы, и они сказали своим женам:

«Поступайте, как знаете, только оставьте нас в покое».

Но женщины были все же слишком добры и не могли выгнать старика на улицу. Посоветавшись, они решили соорудить для него в саду уютную хижину. Там, в прохладной тени деревьев, он будет надежно укрыт от посторонних глаз.

И вот вскоре старого ткача выселили из дома. И хотя невестки продолжали его кормить, старик затаил на них обиду и злобу. Одиноким в своей хижине, он стал разговаривать сам с собой.

Однажды, спустя несколько месяцев, через Сендхонагар проезжал Гуру Джаландхара. Среди тех, к кому он обратился с просьбой о еде, оказался и старший сын ткача. Тот пригласил Гуру отужинать с его семьей. Жена его была очень рада услужить святому человеку и после ужина предложила ему остаться переночевать. Гуру отказался, сославшись на то, что не привык спать в домах на мягких постелях. Тогда радушная хозяйка предложила ему расположиться в саду и приказала слугам принести Гуру светильник и все, что ему только может понадобиться. Пожелав ему спокойной ночи, она удалилась.

Когда Джаландхара уже задремал, вдруг невдалеке послышался дрожащий старческий голос. Его обладатель что-то недовольно ворчал себе под нос. Затем старик негромко позвал: «Кто там?»

На мгновение воцарилась тишина. Тогда старческий голос произнес уже более требовательно: «Эй, кто здесь?» «Я странствующий монах, — ответил йогин. — А ты кто?» «Я хозяин этого дома, вот кто!» — последовал не очень дружелюбный ответ.

Тогда Джаландхара зажег лампу и увидел неподалеку небольшую хижину, скрытую в густых ветвях душистого жасмина. Войдя в нее, он увидел там одинокого старика. Присев рядом с ним, йогин выслушал горькую историю старого ткача.

«Я отец этого семейства ткачей. Раньше я был хозяином и этого дома, и всего промысла, а теперь я никому не нужен, — жаловался старик. — Теперь меня унижают мои собственные сыновья и их жены. Они посадили меня в эту хижину, как какое-нибудь чудовище. Как же пусты все жизненные надежды!»

Гуру на мгновение задумался и произнес: «Все, что мы делаем, — это только мимолетный спектакль. Все, что обретает существование, обретает и страдание. Все является только пустой иллюзией. Лишь в нирване можно найти покой и счастье. Хочешь, я дам тебе наставления о том, как подготовиться к смерти?»

«Хочу», — твердым голосом ответил старый ткач.

Тогда йогин посвятил старика в мандалу Хеваджры и обучил его медитации.

На следующее утро Джаландхара продолжил свой путь, и жизнь в семействе ткача вновь пошла своим чередом. Никто не заметил, что старик стал медитировать, следуя наставлениям Гуру, да и не было никому до него дела. Правда, в семействе старого ткача обратили внимание на то, что старик перестал жаловаться на свою судьбу, вернее — совсем перестал разговаривать.

Так прошло двенадцать лет. За все эти годы из хижины в саду не донеслось ни звука. А старый ткач обрел за это время невероятные способности и силы, и все так и осталось бы тайной, если бы не один случай.

Однажды все семейство праздновало окончание работы над роскошным ковром, который заказал их самый богатый клиент. Вдруг жена старшего сына вспомнила, что совсем позабыла принести свекру поесть. Полагая, что безмолвный старик уже лишился чувств от голода, она побежала к нему в хижину с тарелкой еды.

Но как только она переступила порог, то тут же замерла от изумления. Тарелка с едой выпала у нее из рук, когда женщина увидела старика, излучавшего необыкновенное сияние. Он сидел в окружении пятнадцати прекрасных девушек, обернутых в изысканные тонкие материи, неведомые миру людей. На девушках сверкали утонченные драгоценности, и у каждой в руке был поднос с самыми изысканными блюдами. Все они кормили старого ткача.

Едва придя в себя, женщина что было сил помчалась обратно в дом с криками: «Скорее! Скорее в сад!»

Подумав, что отец, должно быть, умирает, старший сын зарыдал. Вся семья тут же выбежала из дома. Но их чуть было не ослепило мощное сияние, которое теперь заполняло весь сад. «В старика вселились бесы!» — закричали они.

На следующее утро уже весь город прослышал о необыкновенном старике в саду. Отовсюду пришли туда люди, чтобы своими глазами увидеть это чудо, а некоторые совершали простирания перед его хижинкой.

И вот наконец из своего убежища показался и сам старый ткач. Но это уже не был дряхлый старик — вместо него все увидели прекрасного шестнадцатилетнего юношу, полного здоровья и сил. Излучавшееся от него сияние было настолько мощным, что наблюдавшим пришлось заслонить глаза. Тело юноши было подобно начищенному зеркалу, и все происходившее отражалось в нем как чистый свет.

Ткача прозвали Гуру Тантипой. Многие годы бескорыстно служил он простому народу, а в конце вместе с многочисленными жителями Сендхонагара вошел в Чистую страну дакинъ.

КХАДГАПА

Великий вор

*Как бы ни был стоек воин,
Безоружный, он всегда будет повержен.
Мечом бессмертного осознания,
Без сожалений побеждаю я врагов своих —
Демонов трех миров существования.*

Когда в семье крестьянина из Магадхи родился мальчик, все были несказанно счастливы. Но как только ребенок стал подрастать, радость сменилась печалью: юный Кхадгапа был бестолков в деле своих предков. Мальчик обладал только одним талантом — он был прирожденным вором-виртуозом. Кхадгапа мог украсть у курицы еще не снесенное яйцо. И хотя он не брезговал пользоваться плодами своего ремесла, больше всего в этом деле Кхадгапу увлекали риск и опасность.

Оттачивая свое мастерство, Кхадгапа с каждым разом отваживался на все более дерзкие подвиги. Однажды он решил стащить знаменитый рубин, принадлежавший самому богатому человеку во всем королевстве Магадха. Все сложилось для него удачно, и когда Кхадгапа собрался уже было бежать с драгоценным камнем, он нечаянно наступил на хвост спящего кота. Душераздирающее мяуканье подняло на ноги весь дом, и, спасаясь от преследования, Кхадгапа бросил рубин.

На его удачу мимо проходила похоронная процессия, и наш вор затесался в толпу скорбящих. Издавая горестные стоны и ударяя себя в грудь, Кхадгапа смешался с остальными, так что преследователи не смогли его распознать, а тревожить скорбное шествие было бы весьма нетактично.

Кхадгапа проследовал со всей процессией до самого места кремации, мысленно благодаря усопшего за то, что тот спас ему жизнь. Чтобы обезопасить себя от возможного преследования, Кхадгапа решил на несколько дней затаиться на кладбище. Там он и встретил йогина Чарпати, практиковавшего свою садхану.

«От кого ты скрываешься?» — спросил он йогина.

«Я пытаюсь вернуться от непрерывного цикла рождения и смерти в Колесе существования», — ответил Чарпати. — Поэтому я медитирую».

«Не понимаю, — задумался вор. — В чем же здесь выигрыш?»

«О, в этом большой выигрыш», — ответил Чарпати. — Я достигну более высокого существования, а кроме того, обрету счастье, которое является плодом абсолютной уверенности».

«Ну что ж, это хорошо», — сказал Кхадгапа.

«Ты тоже можешь этого достичь, если будешь практиковать учение Будды», — добавил йогин.

«Я уважаю Учение Будды, — уклончиво произнес Кхадгапа. — Но у меня нет времени целый день сидеть на кладбище и медитировать. А не владеешь ли ты случайно такими сиддхами, чтобы я мог стать невидимым, когда пойду на очередное дело, — даже если я решу обокрасть самого короля?»

«Я как раз владею именно такими сиддхами», — ответил Гуру.

Затем он дал Кхадгапе посвящение и такие наставления: «В некоем городе в королевстве Магадха есть один старый храм — Гаури-Шанкар. С виду он похож

на ступу, но на самом деле — это алтарь, в котором хранится статуя Авалокитешвары. Войдя вовнутрь, ты почувствуешь милосердие Бодхисаттвы. Твоя садхана заключается в том, чтобы обходить статую круглые сутки в течение двадцати одного дня. Ты не должен останавливаться во что бы то ни стало — даже принимая пищу, продолжай ходить вокруг статуи. По истечении этого срока ты увидишь змею, ползающую из пространства между ступнями Бодхисаттвы. Как только заметишь, сразу хватай ее за голову. Если промедлишь или почувствуешь страх — все будет напрасно. Но если сделаешь так, как я тебе говорю, то обретишь желанные сиддхи».

Вору вскоре удалось разузнать, в каком именно городе находится этот храм, и он без промедления отправился туда. Поскольку за Кхадгапой все еще охотились, ему приходилось передвигаться только под покровом ночи.

И вот наконец он оказался у дверей храма. Как только Кхадгапа вошел, он сразу же ощутил присутствие Бодхисаттвы, как и предсказывал Чарпати. Следуя наставлению своего Гуру, Кхадгапа принялся за дело: он ходил вокруг статуи Авалокитешвары без остановки днем и ночью, пока его боль и усталость не улетучились без следа, подобно утреннему туману.

Вечером двадцать первого дня он увидел, как у ног Бодхисаттвы развернулась огромная черная змея и поползла по полу. В одно мгновение бесстрашный вор схватил ее за голову, и как только змея оказалась зажатой у него в кулаке, вдруг раздался свирепый раскат грома и все пространство озарила вспышка света, подобная молнии. И вот в руке Кхадгапы был теперь чудесный меч — прекраснейший из всех, которые ему когда-либо приходилось видеть. Чем дольше он сжимал меч в кулаке, тем ярче становилось исходящее от него сияние. В этом ясном свете растворились все тени. Внезапно Кхадгапа увидел все загрязняющие иллюзии, покрывавшие его ум, как будто они были той змеей, которую он только что сжимал в кулаке.

И как только Кхадгапа распознал затемнения своего ума, полоса света отсекала их — в тот же миг он стал свободен от загрязнений и обрел сиддхи меча — одну из восьми волшебных сил. Поэтому его и прозвали Кхадгапой, что означает Человек меча.

В течение двадцати одного дня бывший вор учил народ Магадхи мудрости Будды. Затем он проявил свое постижение и вошел в Чистую страну дакинй.

ЧАУРАНГИПА

Лишенный конечностей

*С бесконечных времен поливают дерево неведения
Ливни умственных привычек.
В какой клубок запутанности это выросло!
Слушай. Размышляй. Практикуй.
Сруби это дерево топором наставлений Гуру.*

У одного короля на Востоке Индии был сын по имени Чауранги. Король был добрым человеком, и сын очень любил его, но еще больше мальчик был привязан к своей добродетельной матери. Когда ему было всего двенадцать лет, мать поразила неизлечимая болезнь. Уже перед самой смертью она дала сыну такие наставления: «Корнем всей радости и всех печалей являются добрые и негативные действия. Никогда не делай дурного, даже если твоя жизнь висит на волоске». Произнеся эти слова, она умерла.

Прошел год, и король взял в жены молодую красивую девушку. Правя своими подданными, он также продолжал и практику медитации. Как-то раз, вскоре после свадьбы, король ушел в джунгли, чтобы провести там время в медитативном уединении. Оставшись одна, молодая королева отправилась гулять по двору, знакомясь со своими новыми владениями. Так она добралась до самой крыши дворца, откуда в вечерней прохладе открывался чудесный вид.

Вдруг внимание королевы привлек донесшийся со двора звук. Обратив взор вниз, она увидела молодого принца. Впервые заметила королева красоту юноши, и сердце ее вдруг часто забилося в груди, а разум в мгновение ока помутился.

Сгорая от желания, королева отправила к принцу одну из своих служанок с запиской, в которой она приглашала юношу в свои покои. Прочтя страстное послание, Чауранги был ошеломлен. Вежливо, но более чем сдержанно, он отказался.

Когда служанка принесла королеве отказ принца, та почувствовала себя смертельно оскорбленной. В одно мгновение вся ее страсть превратилась в ярость. «Пусть он теперь презирает меня, — подумала королева. — Но клянусь, в один прекрасный день он об этом пожалеет». Всю ночь ее терзали сны, полные страсти и желания отомстить. Но и наутро гнев королевы не утих. Тогда она собрала всех своих слуг и предложила им план расправы над принцем. Но те знали мальчика с детства и очень любили его.

«Принц ни в чем не виновен, — возражали они. — Он всего лишь дитя и не заслуживает смерти».

В бешенстве королева не находила себе места — все ее желания натыкались на отказ. Зная, что король вот-вот должен вернуться, она отпустила всех слуг, перевернула вверх дном свою спальню, разодрала на себе одежды и до крови расцарапала кожу. Войдя в опочивальню жены, король нашел ее бьющейся в истерике.

«Кто посмел сделать такое с тобой?» — воскликнул он.

«Твой сын, — сквозь стоны и рыдания ответила королева. — Я пыталась сопротивляться, но он...»

«Тогда он больше мне не сын! — закричал король в гневе. — Пусть он умрет!»

Потерявший рассудок монарх призвал к себе двух самых верных слуг и приказал им отвести молодого принца подальше в джунгли, там отрубить ему руки

и ноги и оставить его, истекающего кровью, на съедение диким зверям. Королева же потребовала принести ей отрубленные конечности мальчика в доказательство выполненной воли короля.

Едва выйдя из королевских покоев, слуги разрыдались. Они любили невинного мальчика больше собственных детей и поэтому решили пожертвовать одним из своих сыновей, чтобы только юный Чауранги остался в живых. Они уже бросили жребий, но когда принц узнал про их план, то тут же поведал им о последних поучениях, которые получил от умирающей матери.

«Если я позволю другому погибнуть вместо себя, это будет вредным поступком, — сказал он. — Я не могу этого допустить. Поэтому вы должны выполнить приказ моего отца».

Сотрясаясь от рыданий, бедные слуги решили хотя бы не подвергать принца опасностям, подстерегавшим на каждом шагу в джунглях. Они отвели приговоренного юношу подальше от дворца — на пастбище, где наверняка можно было встретить сельских жителей. Так у бедного принца могла остаться хотя бы тень надежды на спасение.

Там они привели в исполнение жестокий приговор короля. Против своей воли отрубили они невинному юноше руки и ноги, целиком ощущая всю его боль. Затем они собрали отрубленные конечности, чтобы доставить их королеве, и отнесли свою бедную жертву к стоявшему неподалеку дереву.

Как только слуги короля скрылись за горизонтом, перед умирающим мальчиком возник почитаемый в королевстве Дэвапалы йогин Минапа, также известный под именем Ачинтапа. В ответ на мольбы юноши о помощи, Минапа пообещал ему дать такие поучения, которые приведут его к полному исцелению. Тут же йогин дал молодому принцу посвящение и обучил його дыхания животом.

«Как только ты успешно завершишь эту практику, твое тело снова станет таким, как раньше», — сказал Минапа и удалился, оставив мальчика под деревом.

Йогин поспешно зашагал через поле и вскоре наткнулся на пастухов. О том, как один из них стал слугой принца, рассказывается в легенде о Горакше.

Все последующие годы принц провел в постоянной медитации, выполняя практику, которой обучил его Гуру. Когда прошло ровно двенадцать лет, неподалеку от жилища принца, устроенного Горакшей под тем самым деревом, случилось остановиться на ночлег королевским торговцам. Их караван был доверху нагружен золотом, серебром и драгоценными камнями, и, опасаясь грабителей, купцы решили после захода солнца отнести сокровища подальше и закопать их в землю. Проходя мимо дерева, под которым обитал принц, в вечерних сумерках они вдруг услышали чей-то голос: «Кто здесь?»

Торговцев охватил ужас — неужели они остановились на ночлег прямо у логова бандитов? Предчувствуя неладное, они откликнулись: «Мы простые торговцы углем».

«Что ж, так тому и быть», — отозвался голос из темноты.

На следующее утро, пока еще не взошло солнце, купцы отправились туда, где накануне зарыли сокровища. Когда же они выкопали все спрятанное, то в ужасе застыли на месте будто вкопанные: вместо слитков золота и драгоценных камней в мешках были только куски угля.

Не смея возвращаться к королю с пустыми руками, в страхе за свою жизнь, торговцы стали совещаться — что же им теперь делать. Они уже было решили разделиться и бежать на край света, как тут самый мудрый из них произнес:

«Помните тот голос, который мы слышали вчера ночью? Это должно быть какой-то святой, чьи слова становятся явью, существо настолько чистое, что может говорить только правду. Давайте отыщем его, нам все равно нечего больше терять».

Возвращаясь к своему каравану той же дорогой, они вскоре наткнулись на одинокое дерево, под которым нашли молодого человека, лишенного конечностей. Расположившись вокруг него, торговцы поделились своим горем и стали молить о помощи.

«Возможно, я разговаривал в медитации, и то, что я сказал, изменило вид ваших товаров. Мне об этом ничего не известно, — сказал принц. — Но если это моя вина, то пусть уголь вновь превратится в золото, серебро и драгоценные камни».

Тогда торговцы развязали мешки, в которых незадолго до этого обнаружили уголь, и высыпали их содержимое на землю. В лучах утреннего солнца вдруг засверкали алмазы, рубины и сапфиры, замерпали нежным блеском украшения из золота и серебра тончайшей работы. С благоговением совершили тогда купцы простирания перед Чауранги и поднесли ему в дар самые драгоценные товары.

Пораженный не менее самих торговцев, принц вдруг вспомнил слова Минапы, произнесенные много лет назад. Было ли это чудесное превращение знаком того, что его практика теперь завершена? Сбудется ли предсказание йогина? Появятся ли у него новые конечности?

Весь тот день он провел в медитации, моля о новых руках и ногах. И вдруг постепенно, очень медленно стали они проявляться из пространства. В одно мгновение Чауранги понял, что подобно тому, как земля является матерью всего, что на ней растет, так и всепронизывающая пустота — тот источник, из которого возникли его руки и ноги.

Увы, только дерево, под которым Чауранги провел все эти годы, было свидетелем его практики, и никому другому не суждено было научиться ей. И хотя принц обрел все обычные сиддхи и проявил бесконечное множество чудес, из-за своего вспыльчивого характера он так не обучил никого своим секретам.

Но говорят, что дерево, которое было ему товарищем на протяжении всех двенадцати лет практики, до сих пор стоит на том же месте.

КАНКАРИПА

Вдовец, страдавший от любви

*Моя дакия, королева моя, госпожа моя,
Чистое осознание теперь я вижу.
Пустое пространство теперь осязаю.
Соединилась со мной, но не стала частью меня,
Ты вне слов, вне сравнений.*

Канкарипа был простым человеком из низкой касты. Как это было заведено, в свое время он женился на девушке равного происхождения. Вкусив открытий брачного ложа, он направил всю свою энергию на достижение сексуального блаженства. Канкарипа стал сластолюбцем, достигавшим таких высот экстаза, о которых и мечтать невозможно. Между всплесками подобных чувств он размышлял о своей счастливой доле и уверял себя в том, что этот мир мог исполнить любые его желания.

Но Колесо жизни продолжало вращаться, и спустя несколько лет, внезапно, когда жизнь была все так же полна радости, пришло время его молодой жены — она умерла. Глубоко потрясенный и растерянный, еще не в состоянии осознать свою утрату, поразившую его, подобно молнии, отнес Канкарипа тело своей умершей жены на кладбище — туда, где сжигали покойников. Крепко прижимая к себе труп возлюбленной, он свалился как подкошенный в пепел, не смея предать покойницу огню.

В то время проходил там один йогин. Заметив безутешного молодого человека, йогин присел рядом с ним и спросил, что случилось.

«Вырви мне глаза, но верни мою жену», — рыдал вдовец. «Любая жизнь оканчивается смертью, так же как за каждой встречей следует расставание, — мягко ответил йогин. — Все, что состоит из частей, рано или поздно распадется. Сжимать этот труп в объятиях — все равно что держать кусок глины. В сансаре все страдают, и страдание является природой существования. Вместо того чтобы оплакивать свою судьбу, почему бы тебе не заняться практикой Дхармы и не подняться над болью?»

«У меня нет ясности в мыслях, — сказал вдовец. — Пожалуйста, помоги мне». На что йогин ответил: «Наставления Гуру — это путь к Просветлению». «Так дай же мне такие наставления, прошу», — воскликнул молодой человек.

Йогин дал вдовцу посвящение и поучения об иллюзорной изначальной сути, у которой нет ни центра, ни пределов, и объяснил ему, как медитировать на свою жену как на дакиню — пустоту и неразделимое блаженство без реального существования и самости.

Шесть лет провел вдовец в медитации и созерцании, и в конце мысли о жене как о человеке из плоти и крови преобразовались в чистое состояние блаженства и пустоты. Когда внутри него забрезжил Ясный свет, в уме растворились все завесы и он увидел подлинную сущность неизменной истины. Подобно тому, как проходят галлюцинации, вызванные дурманом, когда тело избавляется от остатков самого растения, — так же и заблуждения, запутанность и неведение растворились в его уме.

Благодаря такой практике этот простой человек обрел сиддхи Махамудры и прославился под именем Канкарипа, что означает Сиддх трупов. В последующие годы он открыл сердца многих людей поучениям Будды и в конце возшел в Чистую страну дакинь.

АРЬЯДЭВА

Рожденный в лотосе

*Одной сутью обладают Будды
Прошлого, настоящего и грядущего.
Постичь ее сможешь ты,
Познав истинную природу своего ума,
А затем отпустив и растворившись в неразрушимой сущности.
Это состояние без напряжений и есть жизнь йогина.*

Рождение Арьядэвы было волшебным: он выпрыгнул из наполненного пылью цветка лотоса. Когда мальчик немного подрос, его отдали в университет Шри Наланда, и со временем он стал настоятелем этого знаменитого монастыря.

За долгие годы бескорыстной службы у Арьядэвы появилось несметное количество учеников, в его подчинении находились тысячи монахов. Но внутреннего покоя Арьядэва так и не обрел. С годами он все яснее понимал, что пока еще не реализовал свой собственный совершенный потенциал. Однажды Арьядэва решил отправиться на поиски Гуру Нагарджуны, к которому он испытывал глубокое уважение за его необыкновенную силу и добродетель. Так он надеялся обрести абсолютное постижение.

Арьядэва был уверен, что найдет Нагарджуну на юге, и подготовился к долгому утомительному путешествию. Отойдя совсем недалеко от Наланды, на берегу озера он увидел скромного рыбака, в котором Арьядэва тут же распознал Бодхисаттву Манджушри. Арьядэва совершил перед ним простирания и поднес великому Бодхисаттве многочисленные дары. Когда Манджушри спросил, чем может его отблагодарить, Арьядэва попросил указать ему путь к Нагарджуне.

По счастливой случайности Гуру как раз находился неподалеку — в своем жилище в джунглях. По словам Манджушри, Нагарджуна работал там над алхимической формулой эликсира, дарующего бессмертие.

Отправившись в ту сторону, куда указал Бодхисаттва, Арьядэва вскоре наткнулся на скромную хижину. Неподалеку от нее он заметил старика с необычайно пронзительным взором, собиравшего листья и корни и что-то бормотавшего себе под нос. Арьядэва сразу узнал в нем Нагарджуну и простерся перед великим Мастером.

Почувствовав в Арьядэве неординарную личность, Нагарджуна с радостью согласился дать ему наставления, о которых тот просил. Гуру дал Арьядэве посвящение в мандалу Гухьясамаджи и все соответствующие поучения. Кроме того, Нагарджуна разрешил ему остаться и практиковать садхану.

Каждый день два мастера — учитель и ученик — отправлялись в ближайший город, где просили еду. Нагарджуне с трудом удавалось вымолить даже у самого богатого хозяина пригоршню риса, зато Арьядэва всегда приносил на широком банановом листе горы самых изысканных деликатесов, из которых получалось настоящее пиршество.

Так продолжалось день за днем, и спустя какое-то время Нагарджуна превратился в капризного ворчуна. Наконец он решил испытать своего ученика. «Похотливые женщины пытаются соблазнить тебя своей изысканной стряпней», —

проворчал старик. Затем он выбросил прочь банановый лист, нагруженный яствами, и сказал: «Эта еда нечиста. С этих пор ты можешь есть только то, что тебе удастся подцепить кончиком булавки».

Арьядэва с преданностью подчинился указанию своего Гуру и стал питаться только зернышками риса, которые ему удавалось ухватить булавкой. Прослышав о таких строгостях, женщины, жившие в том городе, стали готовить маленькие ячменные печенья, покрытые сиропом, которые без труда удавалось удержать на острие.

Однажды Арьядэва принес эти печенья Нагарджуне, и тот съел их с превеликим удовольствием. Однако Гуру вдруг что-то заподозрил и спросил Арьядэву, где он раздобыл это угощение. Тот же без задней мысли рассказал Нагарджуне о происхождении лакомства. Старик тут же пришел в бешенство и запретил Арьядэве даже близко подходить к городу — отныне Нагарджуна сам будет добывать пропитание для них обоих.

На следующий день, как только Гуру скрылся из виду, из зарослей вдруг появилась прекраснейшая древесная нимфа и протянула Арьядэве божественное угощение. Ничуть не смущаясь своей наготы, она села рядом с рожденным в лотосе йогином и повела с ним беседу.

Когда вернулся Нагарджуна, ученик рассказал о своей встрече с древесной нимфой и поднес Гуру ее угощение. Мастер решил повидать чудесную нимфу и отправился к тому дереву, где находилось ее жилище. Когда Нагарджуна позвал ее, нимфа застенчиво выглянула из-за густой листвы, не решаясь полностью показать себя.

«Отчего ты смело предстаешь перед моим учеником, а меня смущаешься?» — спросил разгневанный мудрец.

«Оттого что твоему ученику не известно даже слово «желание», — ответила нимфа. — Он абсолютно свободен и чист, а в твоём уме, старик, глубоко отпечатались следы страсти».

Неожиданный ответ нимфы заставил Гуру задуматься. Спустя какое-то время Нагарджуна призвал к себе ученика и дал ему имя Арьядэва — «Безупречный Бог».

В тот же день эликсир вечной молодости был готов. Отведав несколько капель своего волшебного напитка, Нагарджуна протянул чашу Арьядэве, а тот не задумываясь с размаху швырнул ее в мертвое дерево, которое тут же ожило и расцвело.

«Что в тебя вселилось! — закричал Нагарджуна в отчаянии. — Тебе придется восстановить то, что было в этой чаше!»

Послушный Арьядэва зачерпнул полное ведро воды и помочился в него. Размешав содержимое веточкой, он протянул ведро своему Гуру.

«Ну, это уж слишком», — в сердцах Мастер оттолкнул протянутое ведро. Тогда Арьядэва выплеснул половину его содержимого на другое мертвое дерево, которое сразу же наполнилось жизненным сиянием.

Покачивая головой, Нагарджуна произнес: «Я вижу, что ты уже обрел полное постижение. Почему же ты не покидаешь сансару?»

Услышав эти слова, Арьядэва преисполнился высшим блаженством и взлетел на высоту трех пальмовых деревьев. Полностью свободному от рождения, как и всем появившимся из лотоса, Арьядэве нужно было только слово Гуру, чтобы постичь то, чего из-за невинности своей он не мог увидеть раньше.

Продолжая парить в небесах, Арьядэва стал учить всех существ Слову Будды, приводя их умы к зрелости. Когда его работа была завершена, Арьядэва обратился ступнями к небу и, сложив руки в полном благоговении, простерся перед своим Гуру. Затем, все еще паря в небе, он перевернулся. В это время властелин небес пролил на него дождь из цветов, и Арьядэва просто исчез.

НАГАРДЖУНА

Философ и алхимик

*Когда непросветленный притворяется сиддхом,
Он подобен мятежнику, пытающемуся свергнуть короля.
Когда просветленный продолжает делать глупости,
Он подобен слону, застрявшему в грязи.*

Давным-давно жил в Кахоре, в восточном королевстве Качи, один молодой брахман. Обладая блестящим умом, он уже в двадцать лет знал наизусть все тексты Вед и даже обрел сиддхи, позволявшие становиться невидимым.

Но вскоре ему наскучила жизнь ученого — молодому брахману она казалась чересчур стерильной и пустой, поэтому он с головой погрузился в мир чувственных наслаждений. Вскоре в Кахоре едва можно было найти дом, из которого он не увел бы девушку в самом расцвете красоты или молодую созревшую жену.

Развратные подвиги Нагарджуны становились все более дерзкими, и однажды вместе с тремя своими друзьями он решил пробраться в королевский дворец и поближе познакомиться с царскими наложницами. Увы, план провалился — их обнаружили и схватили. И только Нагарджуне удалось спастись — став невидимым, он стоял рядом с королем, в то время как всех его друзей обезглавили.

Это происшествие повергло в смятение всех жителей той местности. Брахманы Кахоры вынуждены были созвать совет, чтобы решить, что же делать с нарушителем спокойствия. Предлагались разные идеи, но собравшимся так и не удалось найти способа контролировать этого необузданного быка, жившего среди них. Брахманы уже было согласились, что им всем придется переехать в другую область, оставив свою паству на произвол судьбы.

К тому времени Нагарджуна уже раскаялся и испытывал глубокое отвращением к самому себе, а решение брахманов стало для него последней каплей. В тот день, когда он добровольно решил покинуть город, все вздохнули с облегчением. В отчаянии и смятении, недовольный собой и своей жизнью, Нагарджуна обратился к духовной жизни с тем же пылом, с каким до этого устраивал дебоши.

Дойдя в поисках духовных наставлений до самой окраины кладбища под названием Прохладный Сад, он получил посвящение в доктрину Будды. Затем он отправился в знаменитую академию Шри-Наланда, где изучал пять видов искусств и наук до тех пор, пока не вызубрил наизусть все тексты, хранившиеся в библиотеке монастыря.

Тем не менее внутри у Нагарджуны все росло ощущение духовной неудовлетворенности. Книги тоже не дарили желанного покоя, и поэтому Нагарджуна стал медитировать на Освободительницу Тару. Однажды в медитации ему явилось лицо Тары, и тогда он оставил спокойную жизнь в монастыре и стал странствующим монахом.

Нагарджуна путешествовал по разным землям, прося милостыню в городах и селах, но все не находил успокоения. Устраиваясь на ночлег, он каждый раз думал про себя: я жалкий, ничтожный подлец. Как я могу быть кому-то полезен?

Как-то раз Нагарджуна решил провести время в медитативном уединении и для этого отправился в Раджагриху. Свое отшельничество он начал с произнесения мантр, умиряющих двенадцать женских сущностей величайших стихий.

В первый день его медитации окрестности содрогнулись от землетрясения. Во второй день река вышла из берегов и затопила всю прилегающую область. На третий день с небес на землю обрушился смертоносный огонь. На четвертый день окрестности охватил страшный ураган. На пятый день с небес пролился дождь остроконечных копий. Ваджрные молнии обрушились с небес на шестой день.

На седьмой день двенадцать женских сущностей величайших стихий соединили все свое могущество, чтобы превозмочь медитирующего Нагарджуну. Но как они ни старались, им так и не удалась даже на долю секунды отвлечь Нагарджуну от медитации — йогин оставался непоколебим в своей практике.

Признав превосходство Нагарджуны, дакини величайших стихий смиренно предложили Мастеру: «Проси чего хочешь, и воздастся тебе». Но что Нагарджуна ответил: «Мне на самом деле ничего не нужно, кроме, наверное, пищи на каждый день, чтобы я мог продержаться во время отшельничества».

С тех пор в течение двенадцати лет стихии каждый день приносили ему пригоршню риса и пять пригоршней овощей. К тому времени, когда он завершил выполнение своей садханы, Нагарджуна обрел власть над всеми ста восемью дакинями стихий.

С тех пор Нагарджуна твердо решил служить всем существам, ощущая, что теперь его жизнь наполнилась новым смыслом. И для начала он задумал превратить гору Гандхашилу в чистое золото. Выполняя свою задачу постепенно, вначале он сделал гору железной, а потом медной. И когда Нагарджуна собирался превратить гору в чистое золото, он услышал голос Бодхисаттвы Манджушри: «С чего ты взял, что сможешь существам, превратив гору в золото? Это приведет только к великим раздорам».

Затем Бодхисаттва добавил: «Неужели ты считаешь, что золото поможет обычным людям? Оно спровоцирует только новые злые и вредные дела».

Нагарджуна согласился с мудростью великого Бодхисаттвы и оставил свою затею. Но и по сей день у горы Гандхашилы есть глубокий медный оттенок.

Затем Мастер отправился далеко на юг, пока не достиг берегов реки у подножия горы Шри Парвата. Там он попросил местных пастухов указать ему надежный брод, но те привели йогоина к самому опасному месту, где крутые берега реки были сплошь из острых камней, а вода кишела крокодилами. Пастухи продолжали убеждать Нагарджуну, что именно в том месте находилась самая надежная переправа, и он уже ступил было в воду, как один из пастухов сжался и предупредил его о подстерегающей опасности. Пастух был дородным детиной, голос его звучал искренне, и Нагарджуна тут же поверил ему.

Тогда честный пастух отвел йогоина к безопасному броду. «Я перенесу тебя на тот берег, — сказал он. — Забирайся ко мне на плечи, так ты не промокнешь».

Когда они уже достигли середины реки, вдруг откуда ни возмись возникла стая голодных крокодилов — извиваясь и щелкая пастью, они взбивали речную воду в белую пену.

«Тебе нечего бояться, пока я жив!» — прокричал Нагарджуне пастух. И с этими словами он целым и невредимым, с Нагарджуной на плечах, дошел до противоположного берега.

«Ты узнал меня? — спросил пастуха йогин. — Я Арья Нагарджуна».

«Я слышал о тебе», — ответил пастух, тут же преисполнившись благоговения к Мастеру.

«За то, что ты перенес меня на этот берег, проси о чем угодно, что только пожелает твое сердце», — сказал Нагарджуна. Он не признавался в том, что именно по его воле появились в реке крокодилы, чтобы испытать пастуха.

Ни секунды не раздумывая, пастух ответил: «Сделай меня королем».

Тогда Мастер Нагарджуна зачерпнул немного речной воды и побрызгал ею на стоявшее неподалеку дерево сал, которое в мгновение ока превратилось в великолепного белого слона в королевской попоне. Волшебное животное склонилось перед новым королем, и тот по хоботу взобрался на сиденье.

«А как насчет армии?» — спросил Нагарджуну король.

«Как только прокричит твой слон, появится и армия, Ваше Величество», — ответил йогин.

И в тот же миг раздался трубный рев слона, и откуда ни возьмись появилась целая армия, вооруженная, прекрасно одетая и готовая к маршу.

Со временем новый король прославился под именем Салабандха. Вместе со своей женой, королевой Синдхи, Салабандха правил восемью миллионами четырьмя тысячами домов, и правление его было великодушным и мудрым.

Однако и короля настигла неудовлетворенность жизнью, которая когда-то терзала его Мастера. Прошли годы, и бывший пастух отправился на поиски своего Гуру. Найдя Нагарджуну, он простерся, а затем стал обходить его кругами, не смея открыть свое сердце.

«Правление королевством оказалось совсем не таким, как я ожидал, — наконец признался король. — Я всем сердцем хочу отречься от престола. Прошу тебя, позволь мне остаться здесь, с тобой».

«Нет, — ответил Нагарджуна, — я не могу тебе этого позволить. Но пусть вот эти драгоценные четки станут твоим наставником. Возьми их — они будут защищать тебя и твое королевство. А еще я даю тебе нектар, дарующий как вечную жизнь, так и бесстрашие перед лицом смерти каждому, кто отведаст его медовой сладости».

«Если ты пообещаешь, что однажды я смогу остаться с тобой навсегда, то я прииму оба подарка и вернусь в свои владения, — ответил король. — А если ты согласишься отказаться, то дары эти мне ни к чему».

«Что же, посмотрим», — ответил Нагарджуна.

И не поддаваясь на сетования короля, он передал ему наставления по алхимическому мастерству, благодаря которому появился нектар бессмертия. Затем Мастер отправил ученика обратно — править своим королевством еще сотню лет.

В течение целого века процветало королевство Салабандхи. Урожаи всегда были обильны, а все существа преуспевали и преумножались. В эти счастливые годы Нагарджуна передавал поучения Будды по всей стране.

Но пришло время, и Колесо жизни снова повернулось. Уже казалось, что золотой век будет длиться бесконечно, когда повсюду стали проявляться недобрые предзнаменования. Злой дух Сундарананда, беспрестанно взращивая зависть к королю, накопил необычайную силу и желание расправиться с удачливым монархом. И вот уже все меньше солнечного света и тепла проливалось на королевские владения,

а благословенное лицо луны и вовсе исчезло с небосклона. Плоды осыпались с деревьев несозревшими. Дожди шли в неподходящее время, и страну охватили голод и мор. Поля и леса пожелтели и зачахли. И наступил век болезней и войн.

В этих зловещих знаках увидел король Салабандха предзнаменование скорой смерти своего Гуру. Оставив трон своему старшему сыну, вместе с несколькими верными слугами отправился он к Нагарджуне. Когда же Мастер спросил короля, зачем тот пришел, Салабандха пропел ему печальную песнь:

*Отчего постигли нас неудачи?
Почему Слово Будды не спасает нас?
Отчего поднимаются силы тьмы?
Почему злые тучи затмили
Белизну луны — сочувствие Махакаруники?
Неужели мой святой Гуру, Неразрушимый Алмаз,
Падет жертвой смерти?
Недобрые знаки привели меня сюда.
Молю тебя, даруй нам
Свою сочувственную милость.*

В ответ Мастер Нагарджуна пропел ему свою песнь:

*Любое рождение закончится смертью.
Любое творение однажды исчезнет.
Все накопленное однажды рассеется.
Все, что кажется реальным, лишь преходяще.
Не думай о дурных предвестиях.
Выпей эликсир бесстрашия!*

И как только затихли последние звуки песни Нагарджуны, самые глубокие страхи короля стали явью: Гуру раздал все, что нажил, и приготовился к смерти. Великий бог Брахма в облике брахмана пришел к Мастеру просить его головы. И когда Нагарджуна ответил ему согласием, сердце короля Салабандхи замерло. Пораженный горем, он склонил голову к ногам своего Гуру и умер.

Все собравшиеся вокруг Нагарджуны проклинали брахмана за его просьбу, и никто не соглашался обезглавить йогина. Тогда Нагарджуне пришлось взять стебель травы куса и самому отрезать себе голову. Затем он поднял ее и передал брахману. Вся растительность той местности тут же зачахла, и добродетель и заслуги человеческие постепенно исчезли. Восемь женских стихий якши, беззаветно преданные Нагарджуне, пришли, чтобы вечно охранять его тело. Они стоят там и по сей день.

Когда умер великий йогин, глубокий свет вошел в тело Нагабодхи — духовного сына и последователя Нагарджуны. До сего дня излучается он подобно сиянию полной луны в тихую, ясную ночь. И когда на землю прольются доброта и любовь Майтрейи — Будды грядущего времени — когда принесет он свои поучения, Нагарджуна поднимется и будет служить всем нам.

ВИНАПА

Любитель музыки

*Спустя годы терпения и преданности
Овладел я блуждающими аккордами вины*.
А затем нашел звук непронизведенный
И потерял себя.*

Винапа был единственным сыном правителя королевства Гауда, границы которого пролегали по руслу великого Ганга. Родители души не чаяли в сыне, был он и любимцем всего двора. Восемь нянек беспрекословно исполняли любую его прихоть, а придворные музыканты играли для принца каждый раз, когда он капризничал. Возможно, погруженность мальчика с раннего возраста в мир музыки изменила его судьбу? Как бы то ни было, когда принц подрос, он не проявлял ни малейшего интереса к искусству управления государством, а вместо этого постоянно донимал придворных музыкантов, пока те не согласились обучить его игре на тамбуре.

День за днем перебирал принц четыре струны тамбуры. Долгими часами пальцы его без устали извлекали из нее протяжный звук, дыхание ОМ. Принц был очень одарен и быстро овладел игрой на тамбуре. Тогда он стал учиться играть на семиструнной вине. Когда он касался одной струны вины, остальные струны начинали вибрировать в совершенной гармонии. Завороженный женственной проныкиновенностью своего инструмента, молодой принц ни на минуту не расставался с ним. Он был так привязан к своей вине, что ему едва хватало терпения отложить ее на несколько минут, чтобы поесть.

Однако юноша все же не был обычным музыкантом. Он являлся прямым наследником престола. Со временем тревога его родителей все возрастала: сможет ли принц управлять государством с мудростью и сочувствием? Овладеет ли он необходимыми для этого навыками? Проявит ли должный интерес?

Наконец, совсем отчаявшись, король и королева призвали к себе высоко реализованного йогина по имени Буддхапа в надежде, что тому удастся отвратить принца от занятий музыкой.

При первой же встрече с йогиним молодого принца глубоко поразили выдающиеся качества этого святого человека. Признавая в нем своего наставника, Винапа простерся перед йогиним и обошел его несколько раз, выражая свое благоговение. Затем они стали искренне, сердечно беседовать о жизни и смерти, о том, что происходит между рождением и уходом, и том, что ждет по ту сторону существования.

Буддхапа сразу увидел, что молодой принц созрел для духовной практики. В разговоре с ним йогин спросил принца, готов ли тот принять садхану — практику дисциплины ума на пути к состоянию Будды.

«О, почтенный йогин! Моя музыка — моя садхана, — ответил принц. — Лишь вина и звучание тамбуры имеют для меня смысл. Я буду практиковать садхану, только если мне не придется при этом отказаться от музыки». «Если ты и в самом деле так предан музыке, то я обучу тебя музыкальной садхане», — пообещал Гуру. Затем он посвятил принца в ритуал, приводящий к зрелости поток ума.

* Вина — индийский щипковый музыкальный инструмент.

«Беспрестанно медитируй на звук инструмента», — наставлял принца Буддхапа. «В то же время ты должен освободиться от ощущения различия между издаваемым звуком и тем, что воспринимает ум. Отсеки любые столкновения ума и звука. Откажись от всех концепций. Оставь все критичные мысли. Медитируй только на чистый звук».

Девять лет следовал принц наставлениям своего Гуру. За это время он повзрослел и возмужал. И ум, и дух его обрели зрелость. Все завесы, что скрывали от него истинное постижение, рассеялись без следа в его уме, подобно тому, как исчезают тени в лучах Ясного света. И этот свет стал сиять внутри него, подобно драгоценной масляной лампе, и принц обрел сиддхи Махамудры.

Чудесными были его силы. Винапа мог предсказывать будущее, читать мысли и проявляться в нескольких местах одновременно. Он широко прославился, и говорят, что сиддхи свои он получил от самого Хеваджры.

Истинным же королевством Винапы был мир духовный. Всю свою долгую жизнь он учил бесчисленное количество существ тому, как избавиться от оков существования в сансаре. А когда дело его было окончено, Винапа в своем теле был принят в Чистую страну дакинй.

ТАГАНАПА

Мастер обмана

*Чтобы вода вытекла из уха,
Ее нужно туда залить.
Чтобы увидеть истину,
Научись видеть все явления как обман.*

Таганапа родился на востоке Индии, в бедной семье низкой касты. С самых ранних лет в нем проявились преступные наклонности, и вскоре его средства к существованию, как, впрочем, и вся его жизнь, стали зависеть исключительно от плутовства и обмана.

Как-то раз он сидел на бревне на краю города, замышляя очередное мошенничество. В это время там проходил один мудрый монах.

«Над чем ты так глубоко задумался, мой друг?», — спросил его монах.

«Это длинная история, благочестивый господин», — начал было Таганапа. Но монах прервал его, не дослушав.

«Ты ведь сейчас обманешь меня, не так ли? — спросил он. — Разве ты не знаешь, что чем больше ты лжешь, тем глубже веришь, что обман — дело совершенно нормальное, и тем сильнее становится привычка лгать? Если будешь и дальше так продолжать, то, когда созреет твоя карма, ты переродишься в аду».

Таганапа побледнел и задрожал.

«Знаешь ли ты, что ложь имеет и физические последствия? — продолжал междомонх. — Язык твой станет шершавым, изо рта будет дурно пахнуть, а речь твоя будет неубедительной и бестолковой. Карма лжеца делает все поля бесплодными, и семена, которые ты посеешь, высохнут и не принесут плодов».

Таганапе не приходилось раньше слышать о карме лжецов, так что поучения странствующего монаха пришлись весьма кстати.

«Ты увидел меня, как открытую книгу, — признался юноша. — И Таганапой меня прозвали за то, что я не могу произнести и слова правды. Я лгу всем и каждому — без исключений. Но что же мне с этим делать?»

Тогда монах спросил его: «Сможешь ли ты практиковать садхану?»

«Наверное, я могу попробовать, — с сомнением произнес Таганапа. — Но я лгал столько лет, что даже не знаю, смогу ли остановиться».

«Что ж, ты не первый обманщик в этом мире, — мягко произнес монах. — Даже для таких, как ты, есть подходящие поучения».

«Хорошо, — с облегчением вздохнул Таганапа. — Продолжай!»

Тогда монах передал Таганапе наставления по йоге под названием «удаление воды из уха с помощью воды» — медитацию, в которой используется обман в качестве противоядия обману. Затем монах дал ему посвящение, благодаря которому поток ума обретает зрелость. И наконец Таганапа получил заключительные поучения: «Все, что ты видишь, слышишь, осязаешь, все, о чем думаешь и воспринимаешь шестью органами чувств, на самом деле не что иное, как обман».

*Не ведая того, что все явления — всего лишь обман,
Ты называешь себя лжецом.
Но если знание и тот, кто знает,*

Если органы чувств и то, что ощущается, —
 Если все это ложь, то что же является истиной?
 Из-за детского неведения вселенской лжи
 Обман предстает истиной.
 Уверяя себя в том, что иллюзия — это правда,
 Мы привязываем себя к круговороту существования,
 Подобно каплям на ободу водяного колеса.
 Поэтому медитируй так:
 Все переживания — обманчивы по природе своей;
 Все формы — обманчивы по природе своей;
 Все звуки — обманчивы по природе своей.
 Придет время, и ты поймешь,
 Что и твоя вера в обман является ложью.

В течение семи лет медитировал Таганапа на все воспринимаемое как на обман. По завершении своей садханы он обрел понимание того, что все переживания и все явления мира являются всего лишь иллюзией.

Обретя совершенную непривязанность, Таганапа смог увидеть все явления как сон и галлюцинации, как воздушные замки и отражения луны в воде, как обычные картинки в зеркале. Так проявились в нем ясность, равностность и контроль над воспринимаемым. Считая, что уже достиг окончательной цели, Таганапа решил отыскать Гуру, чтобы получить от него подтверждение.

Но монах сказал ему: «Переживания не являются ни обманом, ни истиной. Реальность не была создана, ее невозможно определить. Теперь медитируй на свое переживание всех вещей как на пустоту, ведь такова их истинная природа».

Таганапа послушался указаний Гуру и вернулся к своей практике. Его методом стало разрешение парадокса сплетения нитей противоречивых мыслей и чувств в ткань изначальной пустоты всех вещей.

Обретя сиддхи, он стал известен под именем Мастер обмана. Тем, кто обладал хорошей кармой, он давал поучения о том, как «удалить воду из уха при помощи воды». Спустя многие годы бескорыстной службы другим он был принят в Чистую страну дакинь.

ЧАМАРИПА

Великолепный сапожник

*Колодку сочувствия и пустоты
Обматываю кожей концепций и мыслей.
Шилом интуитивного постижения
Делаю стежки нитью существования,
У которой нет ни начала, ни конца.
Свободный от восьми мирских завес, без усилий
Шью я сандалии Дхармакайи.*

Жил когда-то в городе Вишнунагар, что на востоке Индии, один скромный сапожник. С утра до ночи трудился он, мастера новые башмаки и починяя старые. И каждый раз за работой думал он о том, что не предназначено ему судьбой всю жизнь оставаться сапожником. Однажды, когда башмачнику уже стало совсем невмоготу, он вдруг поднял голову от своей работы и увидел проходившего мимо его лавки монаха. Бросив свои инструменты, он выбежал на улицу и простерся на пыльной земле у ног святого человека.

«Я по горло сыт такой жизнью в бесконечных страстях, глупостях и тяжком труде с утра до ночи, — заплакал сапожник. — Я всегда хотел идти путем Будды, но никогда не было у меня такой возможности. Прошу тебя, благочестивый господин, обучи меня тому, что принесет мне пользу и в этой жизни, и в следующей!»

Добрый монах поднял ремесленника на ноги и сказал: «Если ты чувствуешь, что уже готов к практике садханы, то я с удовольствием обучу тебя». «О да! О да! — с радостью воскликнул сапожник. — Пожалуйста, раздели с моей семьей скромный ужин в нашем бедном доме». «Хорошо, я приду на закате», — согласился монах.

Башмачник со всех ног помчался домой, чтобы рассказать жене и дочерям о радостной встрече с монахом. Немедленно весь дом стал вверх дном — вся семья бедного ремесленника принялась убирать хижину и готовить все самое лучшее, что могли позволить их скромные средства. Когда же наконец появился дорогой гость, все было готово к его приему.

С глубоким почтением вся семья попросила монаха располагаться. Ему омыли ноги, и, когда подали скромное угощение, монах с удовольствием принялся за еду. По окончании трапезы жена и дочери сапожника предприняли все возможное, чтобы гостю было хорошо и уютно в их доме, и даже предложили ему массаж.

Монах был тронут таким теплым приемом и дал башмачнику и его жене посвящение и такие наставления:

*Натягивай кожу страсти и концепций
На колодку доброты и сочувствия.
Возьми шило наставлений Гуру
И делай внимательно стежки
Нитью свободы от восьми загрязнений.
Волшебным образом сошьешь ты сандалии,
Невидимые для тех, чей взор затуманен, —
Чудесные сандалии Дхармакайи.*

«Твоя практика заключается в том, чтобы визуализировать пошив башмаков как медитацию», — произнес монах.

Сапожник тут же постиг метафору своего Гуру и спросил его: «Как же я узнаю, что добиваюсь прогресса в практике?» На что Гуру ответил:

«Вначале ты ощутишь еще более сильное отвращение к сансаре. Но со временем, что бы ни появлялось, растворится в своей собственной изначальной природе». С этими словами монах исчез.

Двенадцать лет практиковал башмачник свою садхану, создавая из медитации волшебные сандалии наставлений Гуру. Обутый в сандалии Дхармакайи, одним шагом пересек он землю неведения — основу всех шести страстей. Все завесы растворились в его уме подобно дымке, и сапожник обрел сиддхи Махамудры.

Однажды сам Вишвакарман, бог искусств и ремесел, в окружении своей блистательной свиты посетил лавку башмачника. Он увидел, что взор ремесленника был обращен в пространство, не привязанный ни к чему мирскому, и тогда сам взялся за лежавшие на скамье инструменты и кожу и принялся шить башмаки.

Жители Вишнунагара ничего не подозревали о практике башмачника до тех пор, пока в лавку к нему не зашел один посетитель. Его удивленному взгляду предстал медитирующий сапожник и великий бог Вишвакарман, мастеривший башмаки.

На следующий день уже весь город знал об этом чуде, и один за другим стали стекаться в лавку сапожника жители Вишнунагара, чтобы увидеть все своими собственными глазами. Простершись у ног йогина-башмачника, они попросили его дать наставления. Йогин передал им поучения об исключительной важности наставлений Гуру, а также о множестве различных доктрин и методов.

Башмачника прозвали Чамарипада, что означает Сиддха-сапожник. Он широко прославился благодаря своим благородным поступкам, а когда пришло его время — в своем собственном теле вознесся в Чистую страну дакинь.

ШЬЯЛИПА

Йогин-шакал

*Искусный художник смешает краски и формы
В такую картину страшную,
Что охватит нас ужас от одного лишь взгляда брошенного.
Но присмотришься, оставь страхи свои,
И останется лишь отблеск.*

Шьялипа был родом из города Бигхапур. Низкой касты по рождению, он был настолько беден, что жалкую лачугу свою мог пристроить только рядом с кладбищем — там, где сжигали трупы покойников. И то бы ничего, если бы не стаи шакалов, круживших там в поисках костей и останков плоти. Каждую ночь слышны были их утробный вой, грызня и стоны.

Дни шли за днями, но бедному Шьялипе становилось все страшнее. Завывания шакалов, подобно молниям, пронзали его до костей. Если Шьялипе все же удавалось задремать на несколько часов, шакалы преследовали его в кошмарах.

Однажды мимо его лачуги довелось проходить одному странствующему монаху. Заглянув в нищенское пристанище Шьялипы, монах поинтересовался, не найдется ли у хозяина чего-нибудь съестного. Шьялипа радушно принял странника, простерся у его ног и щедро поделился с гостем своими скромными припасами.

Монах был очень тронут гостеприимством хозяина и рассказал ему о тех воздаяниях, к которым ведет щедрость. Шьялипа с увлечением слушал монаха, но уже стусились сумерки, и он сидел как на иголках, ожидая вот-вот услышать со стороны кладбища истошный вой.

Как только на землю опустилась ночная мгла, Шьялипа стал мертвенно-бледен, в глазах его застыл ужас. Это перемена, произошедшая с хозяином бедной лачуги, не укрылась от глаз монаха.

«Что вводит тебя в такой ужас? — спросил он. — Тебя страшит круговорот перерождений? Ведь нечего больше бояться, кроме как жизни, смерти и нового рождения».

«Мы все боимся сансары, святой человек, — ответил Шьялипа. — Но мной владеет и другой страх. Только прислушайся...»

На минуту монах вслушался в звуки, раздававшиеся в ночи.

«Что же, я слышу только песни шакалов на кладбище и ничего больше», — сказал он.

«Ничего больше! — воскликнул Шьялипа. — Да ведь и этого достаточно! По ночам эти наводящие ужас завывания не дают мне заснуть, и я часами лежу без сна, дрожа от страха».

«О, теперь я понимаю, — ответил монах. — Я знаю такие наставления и мантры, которые помогут тебе. Но для начала тебе следует принять посвящение».

Обрадованный Шьялипа поднес монаху последние жалкие гроши в благодарность за поучения. Затем монах дал ему посвящение и наставления по практике под названием «страх, уничтожающий страх».

«Противоядием тому, что вселяет в тебя ужас, является распознавание истинной природы этого страха, — сказал монах. — Вот что тебе нужно теперь сделать:

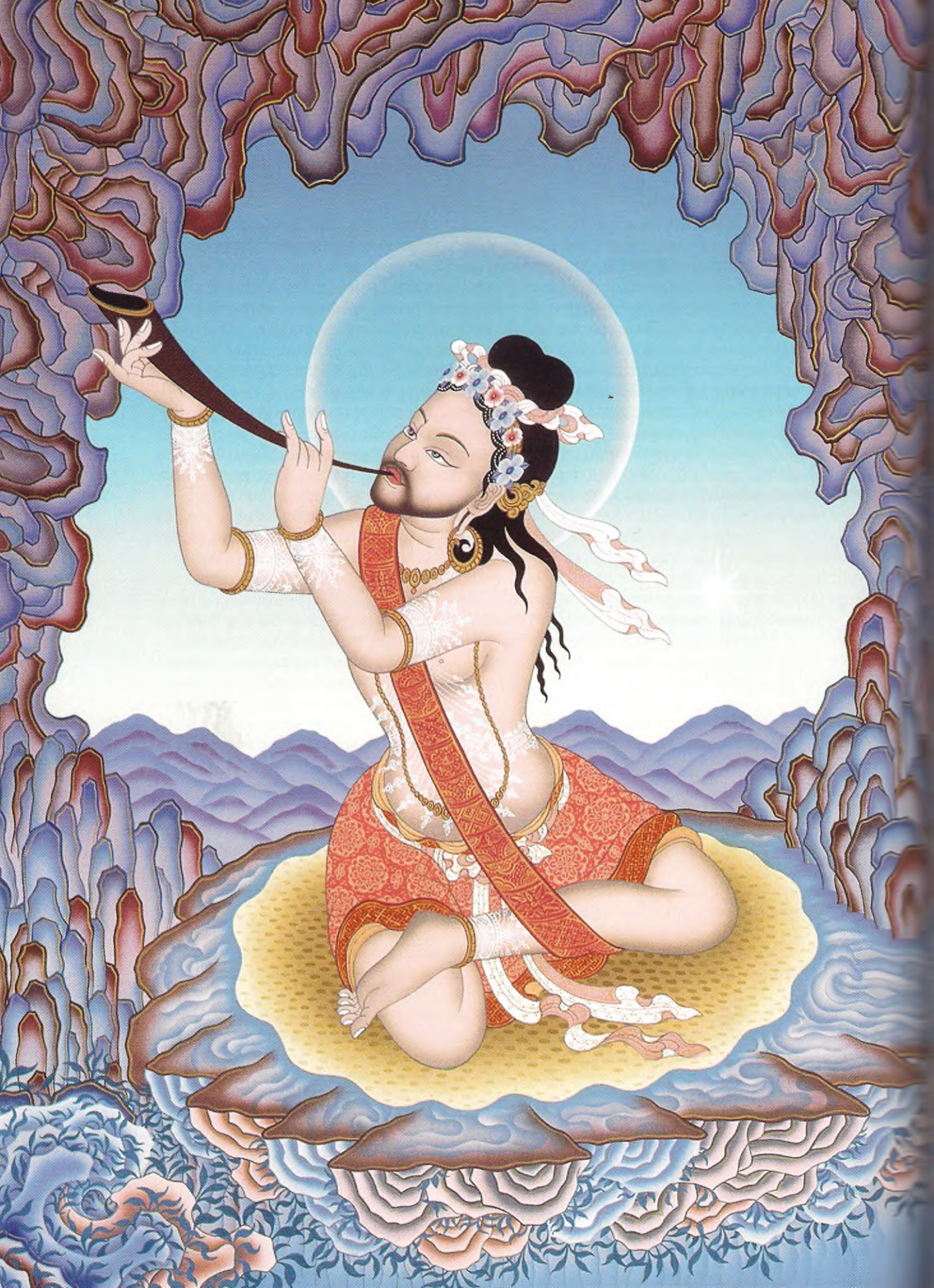
построй хижину в самом центре кладбища, где ты сможешь стать одним из шакалов. Медитируй на вой шакалов как на корень всех звуков, пока для тебя не останется никакой разницы между их завываниями и любыми другими звуками».

Какими бы страшными ни показались ему эти наставления, Шьялипа поступил именно так, как советовал его Гуру. Со временем он научился слышать тишину в сердце любого звука. Постепенно избавляясь от своих страхов, Шьялипа сумел распознать в вое шакалов единство звука и пустоты. Его медитация на источник страхов стала самоосвобождающимся переживанием бесстрашного блаженства.

По истечении девяти лет практики садханы все завесы в уме Шьялипы рассеялись подобно затухающему вдали эху, и он обрел сиддхи Махамудры.

Его прозвали Йогин-шакалом. Вместо одежд Шьялипа носил шкуру шакала как символ того, что ему удалось постичь единый вкус всех вещей. Долгие годы передавал он своим бесчисленным ученикам поучения о единстве всех явлений и пустоты и в конце в своем теле вознесся в Чистую страну дакинй.

НАРОПА

Неустрасимый ученик

*Как войско Владыки вселенной
Завоюет все острова и континенты,
Так и йогин, познавший вкус сахаджи, Изначальное,
Одолеет сансару, и воцарится чистое блаженство.*

Наропа родился в Паталипутре, в семье смешанной касты. Отец торговал спиртными напитками, но когда пришло время сыну последовать по его стопам, Наропа отказался и стал собирателем дров. Но и в дремучих лесах его пытливая душа не находила покоя.

Однажды он услышал рассказ о великом мудреце Тилопе. Наропа тут же решил, что Тилопа будет его Гуру, и намерился во что бы то ни стало найти его. Он обменял у охотника вязанку дров на шкуру оленя, которую носили все йогины, и направился в Вишнунагар на поиски своего Мастера.

По прибытии в город Наропу постигло разочарование: великий мудрец незадолго до этого покинул те места, и никто не знал, куда он направился. Наропа, однако, не пал духом и продолжил свой путь. Два года бродил он по Индии, следуя любым слухам, которые могли привести его к Тилопе.

Как-то раз увидел он вдали, на дороге, силуэт, едва угадываемый через завесу густой пыли, повисшей в воздухе. Внезапно сердце его чуть не выпрыгнуло из груди, к горлу подступил комок, а ноги сами собой понеслись по направлению к этой нечеткой фигуре. И чем ближе подходил Наропа, тем меньше оставалось у него сомнений. И вот, когда сквозь дымку можно было различить очертания лица путника, Наропа был полностью уверен в том, что нашел наконец своего Гуру. Бросившись навстречу Мастеру, он совершил перед ним простираания на пыльной дороге и стал, пританцовывая от радости, обходить его кругами, называя Тилопу своим Гуру и интересуясь его здоровьем.

А Тилопа все это время неподвижно стоял посреди дороги. Смерив Наропу гневным взглядом, он закричал: «Прекрати немедленно эту ерунду! Никакой я тебе не Гуру, и ты мне не ученик. Я никогда не видел тебя раньше и надеюсь и впредь больше не встречать!» С этими словами он отсыпал Наропе пару увесистых ударов своим крепким посохом и приказал тому убираться с его дороги.

Однако Наропу такое обращение нисколько не удивило и не обескуражило. Теперь, когда после стольких лет скитаний он наконец нашел своего Мастера, пара оплеух определенно не ломит его решимости. Наропа попросту отправился в ближайший город просить еды для обоих.

Когда Наропа вернулся, Мастер даже не удосужился поприветствовать его, но с удовольствием съел почти все, что тому удалось раздобыть. Затем он еще раз поколотил Наропу. Не сказав ни слова, Наропа довольствовался оставшимися объедками и снова принялся обходить Гуру кругами, выражая ему свое почтение.

Двенадцать долгих лет оставался он рядом с Тилопой, прислуживая ему и добывая пропитание. Ни разу не удостоился Наропа доброго слова. Ни разу не признал Тилопа его своим учеником. И ни разу вера Наропы не дрогнула.

По окончании двенадцатого года случилось им оказаться в одной деревне, где праздновали свадьбу дочери богача. Щедрый хозяин потчевал гостей восьмью-

десятью четырьмя видами карри. Одно из яств было совершенно особенным — настолько редким и изысканным, что казалось, будто обедаешь с богами.

Перепало и Наропе: вернувшись к Тилопе, он принес всевозможные угощения, среди которых было и немного того особенного блюда. И тут произошло нечто невероятное: за все эти годы, что Наропа провел рядом с Гуру, Тилопа впервые улыбнулся ему. Съев все до последнего кусочка, Тилопа облизал пальцы и обратился к Наропе: «Где ты это раздобыл, сын мой? Будь добр, принеси-ка мне еще».

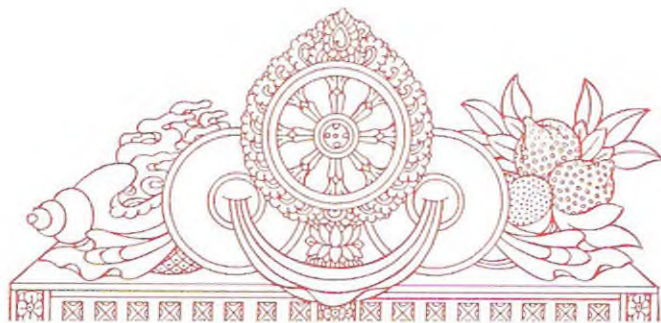
«Сын мой! Он назвал меня своим сыном! — безмолвно ликовал Наропа вне себя от счастья, как Бодхисаттва на первом уровне постижения. — Двенадцать лет я сидел у ног Гуру, и ни разу не назвал он меня по имени. А теперь Гуру обратился ко мне — сын мой». Окрыленный, вернулся Наропа на свадебное пиршество, чтобы добыть еще немного восхитительного яства для своего Мастера.

А меж тем аппетит Тилопы был настолько отменен, что снова и снова продолжал он отправлять Наропу за новой порцией полюбившегося лакомства. К великому облегчению Наропы, каждый раз ему давали все больше этого удивительного карри. Однако на пятый раз Наропе стыдно уже было показаться с той же самой просьбой, и он решил выкрасть целый горшок с чудесным блюдом. Выждав подходящий момент, он затесался в толпу гостей и незаметно пробрался поближе к заветному горшку. Когда же внимание гостей и слуг было полностью приковано к одной из церемоний, Наропа, позабыв о всяких приличиях, умыкнул горшок с едой и, спрятав его под одеждами, бросился со всех ног наутек.

Наропа удостоился одобрения Мастера за то, что отважился на такой унижительный для себя поступок. Затем Тилопа принялся хвалить Наропу за все эти годы, в которые тот ни разу не отказался от своего упорства. Называя его своим «усердным сыном», Тилопа дал Наропе посвящение и благословение Ваджраварахи, а также наставления по медитации.

Спустя шесть месяцев обрел Наропа сиддхи Махамудры. Из его тела стал излучаться свет такой мощный, что его можно было видеть на расстоянии месяца пути. Слава о Наропе, подобно огню, быстро разнеслась по миру, и преданные ученики стали стекаться к нему со всех четырех сторон света.

Долгие годы он был неустанно предан своим бесчисленным ученикам, а в конце в своем теле вознесся в Чистую страну дакинью.

Ваджра-йогини. Дакини Наропы

ТИЛОПА

Беликий отшельник

*Тело птицы, что садится на склон горы Меру,
Кажется из чистого золота.
Мудрец, постигший все как чистый потенциал,
Взмывает ввысь, прочь от материального мира,
И оканчивает свой полет в Будда-полях высшего блаженства.*

Многие годы служил Тилопа священником у правителя Вишнунагара. Без устали передавал он доктрины Будды бесчисленным ученикам, и в благодарность за свою деятельность получал от короля щедрое вознаграждение — пятьсот золотых соверенов в день.

И все же, несмотря на успех в работе и полный достаток в жизни, ум Тилопы не находил покоя. «Жизнь моя бессмысленна, — думал Тилопа. — Душа моя жаждет сущностных поучений, которых не могу я найти в этой роскоши. Мне нужно оставить все и, живя жизнью йогина, стремиться к Просветлению».

Но каждый раз, когда Тилопа намеревался оставить свою должность, разочарование и потерянности охватывали и его учеников, и все королевское семейство, включая и придворных. К тому же король всякий раз отказывал Тилопе в его намерении покинуть Вишнунагар.

В один прекрасный день тоска Тилопы стала настолько невыносимой, что он решился бежать, чего бы это ему ни стоило. Он написал короткую записку, в которой говорилось: «Я никогда не вернусь. Не пытайтесь преследовать меня», и под покровом ночи направился к храму. Там Тилопа обменял свои одежды священника на лохмотья нищего и незамеченным пробрался за пределы королевских владений.

К рассвету Тилопа добрался до Канчи. Там он нашел пристанище на кладбище, где спокойно прожил какое-то время, практикуя свою садхану и лишь изредка выбираясь в город на поиски пищи. Позже он стал странствующим монахом и встретил Наропу, ставшего его верным и преданным слугой.

Спустя многие годы практики садханы все завесы в уме, причинявшие Тилопе невыносимые муки, попросту растворились. Он обрел сиддхи Махамудры и был с почестями принят в мире богов. Он обрел также сиддхи тела, речи и ума и повсеместно прославился. Бесчисленное множество существ наставил он на путь к Просветлению, а в конце вознесся в Чистую страну дакинй.

ШАНТИПА

Ученый муж

*Подобно тому, как дитя, вскормленное матерью,
Вырастает и становится сильным,
Так и незрелый ум, напитанный наставлениями Гуру,
Достигает блаженства Махаяны.
Подобно тому, как лекарства доктора исцеляют болезнь,
Так и тревоги, вызванные верой в «я» и «мое»,
Излечиваются без остатка поучениями Гуру.*

В те времена, когда Магадхой правил король Дэвапала, жил один монах из рода брахманов по имени Шантипа. Он был прославленным учителем, известным также под именем Ратнакарашанти. Вскоре стал он почетным преподавателем пяти искусств и наук в знаменитой монашеской академии Викрамашила. Слава о Шантипе распространилась так далеко, что даже король Шри-Ланки Капина, человек добродетели и заслуги, прослышав о нем, заинтересовался учением Будды. Полные решимости глубже ознакомиться с буддийскими доктринами, король и все его окружение решили, что Шантипа должен стать их Гуру.

И вот королевский посланник, нагруженный драгоценными дарами, уже стоял у ворот монастыря Викрамашила. Совершив prostиpания перед великим учителем, он зачитал Мастеру послание короля: «Я подношу тебе эти дары — золото и серебро, жемчуг и тончайшие шелка, резные узоры из тика и слоновой кости, травы и пряности. Все это — лишь символ глубочайшего уважения, которое питают к тебе король Капина и весь народ Шри-Ланки. Сжался над нами, о, великий мудрец! Мы, варвары, живем, охваченные огнем похоти и жадности, терзают нас стрелы гнева и ненависти. Приди к нам! Поделись с нами освобождающими учениями Махаяны — великого пути к Просветлению — ибо не известны они нам. Приди на остров Шри-Ланка ради блага его народа».

Поразмыслив немного, Шантипа решил, что должен выполнить просьбу короля Капины. Он отправился на Шри-Ланку на корабле в сопровождении двух тысяч монахов. Кроме того, бесчисленные волы и лошади были нагружены поучениями трипитаки — трех «корзин».

Когда жители Шри-Ланки услышали о скором прибытии Шантипы, они радовались, как Бодхисаттвы на первом уровне десятиступенчатого пути. Один за другим бросили они свои занятия и вскоре собрались на берегу, чтобы встретить дорогих гостей. И как только из-за горизонта показался первый парус, сердца жителей острова переполнились восторгом. А когда появились и сами корабли, счастьем их не было предела.

Все жители королевства склонились перед Шантипой в глубоком поклоне, когда тот ступил на землю Шри-Ланки и прошел по специально разостланной для него шелковой дорожке. Шантипу и его спутников осыпали драгоценными благоговениями и прекрасными цветами, а королевские слуги спешили исполнить любое их желание.

Три года прожил великий Учитель на Шри-Ланке, передав множество поучений и практик трипитаки королю, придворным и всем жителям острова.

Отъезд Шантипы был таким же пышным, как и его прибытие. Благодарный монарх преподнес Учителю в дар тысячи лошадей и быков, драгоценные украшения из золота и серебра и темные кораллы с самого дна морского. Обрато Шантипа решил отправиться более длинным путем. Когда корабль пересек океан, путешественники оказались в королевстве Рамешварам. Там король Рамана построил в честь Махадэвы великолепный храм — в благодарность за выздоровление его жены родом из Ланкапури, что на Шри-Ланке.

Наконец путникам оставалось проделать лишь семидневное путешествие через пустынное плато, со всех сторон окруженное неприступными горами. На четвертый день этого последнего перехода Шантипа встретил Коталипу — крестьянина, ставшего его учеником, историю о котором мы еще расскажем.

По возвращении в монастырь жизнь Шантипы снова вошла в свое привычное русло. Как и прежде, он стал заниматься изучением и преподаванием. Но прошло время, Шантипа состарился и одряхлел. Он уже не мог ходить, и его ученикам приходилось возить его в повозке, запряженной быком. Зубы Шантипы выпали, и его стали кормить жидкой пищей и перетертыми фруктами. В день, когда Шантипе исполнилось сто лет, он решил отойти от активной жизни и удалиться в двенадцатилетний ритрит.

А в это время на том самом пустынном плато, которое однажды пересек Шантипа, возвращаясь из Шри-Ланки, крестьянин Коталипа также находился в медитативном уединении. И в то время, как Шантипа в уме обращался то к одним понятиям, то к другим, Коталипа полностью погрузился в осознание истинной природы реальности и благодаря своей однонаправленной, свободной от мыслей медитации обрел сиддхи Махамудры.

Прошло время, и Шантипа вернулся к своим ученикам, чему те были несказанно рады.

Когда же Коталипа обрел сиддхи Махамудры, к нему снизошел повелитель богов Индра в окружении своей божественной свиты и бесчисленных дакинь. Великий Индра влил божественный нектар в «ворота чистоты» Коталипы — чакру на макушке его головы — и йогоина переполнило блаженство. Дакини воскликнули: «Это настоящий Ваджрасаттва!», и Коталипа даровал им свое благословение, наполнившее их высшим счастьем. Во время всего пиршества Коталипа продолжал настаивать: «Это поучения Гуру помогли мне обрести сиддхи. Я вспахивал бесплодное поле, а Гуру научил меня прокладывать борозду в собственном уме».

Индра пригласил Коталипу войти в тридцать три божественных мира чувственных наслаждений, но мысли йогоина были только о Гуру. Поэтому он отказался и так ответил великому богу: «Разве не Гуру мой — источник благодати более великой, чем сам Будда? Разве не говорится в текстах: Гуру — это Будда, Гуру — это Дхарма, Гуру — это сообщество практикующих; Гуру воплощает собой Три драгоценности, и я жажду его священного благословения».

Затем в своем невидимом теле осознания Коталипа перенесся прямо к Шантипе и простерся перед своим великим Учителем и его свитой. Но никто из них не увидел Коталипу — даже его Гуру — поэтому Коталипе пришлось материализоваться в физическом теле и повторить свое полное благоговения обращение.

«Кто ты такой?» — воскликнул пораженный Шантипа.

«Я твой ученик», — скромно отвечал Коталипа.

Шантипа лишь вздохнул: «Боюсь, у меня было столько учеников, что я всех и не вспомню».

«Неужели ты не помнишь того крестьянина, который вспахивал поле в горах?» — спросил тогда Коталипа.

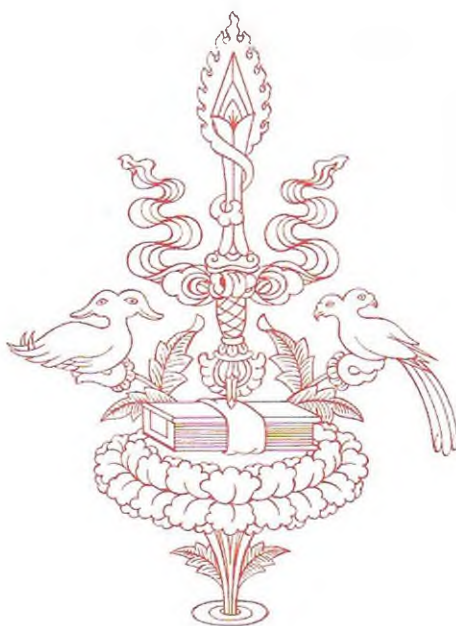
Шантипа улыбнулся — в его памяти тут же всплыла та встреча. «Каких результатов достиг ты благодаря медитации?» — мягко поинтересовался он.

«Следуя твоим наставлениям, я обрел сиддхи Махамудры и постиг сущностное состояние чистого осознания и пустоты — Дхармакайю», — ответил Коталипа.

Эти слова, подобно молнии, поразили Шантипу — он вдруг осознал, что все эти годы пренебрегал истинно духовной дисциплиной. «Я должен признаться тебе, — сказал он своему ученику, — я никогда не переживал совершенную реальность, хотя учу этому столько лет. Я даже не помню, какие наставления дал тебе». Произнеся эти слова, Шантипа попросил своего ученика продемонстрировать результаты своей практики.

Так ученик стал учителем, а учитель — учеником. Коталипа удалился с Шантипой в медитативный ритрит, где открыл ему многие качества Дхармакайи, отплатив таким образом за бесценные поучения, которые когда-то даровал ему Шантипа.

А Шантипа провел еще двенадцать лет в медитации и наконец обрел сиддхи Махамудры. Ощувив истинное блаженство, он осознал, что все изучение, на которое он потратил почти всю жизнь, книги, почести и подарки были пусты и бессодержательны по сравнению с его нынешним опытом. Оставшиеся годы своей жизни он провел, служа другим. В конце он вознесся в Чистую страну дакийн.

МЕКОПА

Гуру с безумным взором

*Выше всего остального —
Постижение природы ума, к которому
Приведет тебя Гуру.
Относясь ко всем явлениям равнодушно,
Приучая себя к недвойственности,
Отправляйся жить на кладбище.
Какая разница в том,
Что для мира ты — безумный святой?*

Мекопа был родом из небольшого городка в Бенгалии и зарабатывал на жизнь тем, что торговал съестным. У жизнерадостного Мекопы всегда находилась веселая присказка для постоянных клиентов, а бедных он часто кормил, не требуя с них никакой платы. Доброта Мекопы не укрылась от глаз одного йогина, которому он каждый день давал еду, даже не упоминая о чем-либо взамен.

«Отчего ты так щедр?» — спросил его однажды йогин.

Рассмеявшись, Мекопа ответил: «Возможно, я накапливаю заслугу, чтобы обрести лучшее перерождение».

«Если это действительно то, чего ты хочешь, — сказал йогин, — то я могу обучить тебя садхане, которая гарантирует именно такой результат».

Безмерно обрадовавшись, Мекопа пообещал исправно выполнять практику. Тогда йогин дал ему посвящение, дарующее милосердие, и наставления о природе ума:

*Ум твой подобен волшебной драгоценности:
Проявляет он все, что есть, —
От сансары до нирваны.
Из знания и неведения состоит двойственность,
Всмотрись в глубины неизменного пространства
Истинной природы ума
И найди источник двойственности.
Недвойственное пространство не обладает сущностью,
Поэтому все переживания — всего лишь иллюзия.
Познай, как сковывает нас иллюзорное желание.*

В медитации познал Мекопа истинность слов Гуру: ему открылось, что все явления — это иллюзии ума и что сам ум — это бескрайность, в которой ничто не появляется и не исчезает. Шесть месяцев оставался он погруженным в постижение природы собственного ума.

Этот невероятно сильный опыт контакта с абсолютной истиной изменил Мекопу. Подобно безумцу стал он бродить по кладбищу. Часто убегал он в город, где начинал пристально вглядываться в глаза незнакомцев, пронзая взглядом свой мир явлений. Его стали называть Гуру с безумным взором. Глубокие поучения Мекопы изменили жизни многих существ, и, когда пришло время, он вознесся в своем теле в Чистую страну дакинью.

КАМБАЛА

Йогин в черном покрывале

*На дне глубокого океана
Лежат сокровища несметные —
Велико наслаждение королей Нагов!
На виду же Дхармакайя —
Непревзойденно наслаждение
Ее практикующих.*

Когда умер старый король Канкарамы, на престол взошел его сын. И вот послал он за своей матерью в надежде получить от нее мудрые наставления. Повсюду искали ее, но так и не нашли — исчезла она без следа. Двойная утрата тяжким бременем легла на плечи молодого короля, но все же вынужден он был обратиться к управлению государством. Он был мудр и добродетелен, и вскоре все восемьдесят четыре тысячи домов, которыми он владел, стали жить в достатке.

Прошло два года, и вдруг мать молодого монарха снова появилась во дворце. Короля переполнила радость, когда он увидел, как его мать приближается к трону. Но тут же радость его сменилась печалью — на глазах матери король увидел слезы.

«Отчего ты плачешь, матушка?» — спросил он.

«Мне больно видеть тебя на этом троне, погруженным в дела управления королевством», — ответила она.

Тогда молодой король поднялся с трона, снял с головы корону и заключил мать в объятия. «Что же, тогда я откажусь от престола в пользу брата и приму святые обеты», — заявил он, горячо желая порадовать мать.

Не прошло и недели, как король стал жить в монастыре среди трехсот монахов. Спустя какое-то время он снова встретил свою мать и вновь на глазах ее блеснули слезы. Король совершил перед ней простирания и стал умолять ее объяснить, в чем на сей раз причина ее печали.

«Хотя ты и стал монахом, ты все еще живешь, как король в окружении своей свиты», — ответила она.

«Что же мне делать?» — спросил король.

«Оставь комфортную жизнь в этом монастыре, — ответила ему мать. — Оставь свою свиту из монахов и отправляйся медитировать в джунгли».

И снова бывший король послушался совета матери. Он ушел в джунгли и поселился под кроной раскидистого дерева.

Вскоре жители близлежащих селений прознали, кто живет в джунглях у них по соседству, и в благодарность за былую щедрость короля стали приносить ему изысканнейшие яства и сделали все возможное, чтобы жизнь его в джунглях была комфортной.

Однажды вновь появилась перед ним мать. Она безутешно рыдала и била себя кулаком в грудь. Снова стал пытаться король о причине ее горя.

Указывая на шелковые одежды короля и серебряную чашу для омовений, она строго произнесла: «К чему святому все эти излишества?»

Тогда король оставил свое роскошное пристанище в джунглях и стал бродячим йогиним.

Вскоре он опять повстречался с матерью. На этот раз женщина парила над ним в воздухе, и йогин наконец распознал ее истинную природу дакини. Она дала ему посвящение в Самвару и наставления по медитации, а затем растворилась.

Двенадцать лет бродил король-йогин по городам и весям. На ночлег он останавливался на кладбищах и беспрестанно практиковал свою садхану. Наконец он обрел сиддхи Махамудры. Однажды он поднялся в воздух и там лицом к лицу встретился со своей матерью в окружении небесной свиты. «Отчего ты тратишь свои силы так бессмысленно? — гневно спросила она его, и йогин заметил, что глаза ее были припухшими от слез. — Почему не используешь свой дар для блага тех, кто внизу?»

Преисполнившись намерения бескорыстно служить другим, Мастер спустился на землю и отправился в город Мангалапур, что в Стране дакинь Уддияне. Мангалапур был ее столицей, и насчитывалось в нем тогда двести пятьдесят тысяч домов. Неподалеку от главного города, в районе Карабир, на пути йогина оказались дикие, никем не обжитые утесы Панаба. Там обнаружил он пещеру, в которой и поселился. Позже его горное пристанище стали называть Талатсе — Пальмовая пещера.

Однако присутствие йогина встревожило обитавших в тех местах дакинь-ведьм. Вместе со своей королевой Падмадэви собрали они совет, на котором решили сделать жизнь йогина настолько невыносимой, чтобы он вскоре сам покинул те края.

Однажды, обернутый по обыкновению в черное покрывало — единственное, что было у него из одежды, — йогин отправился в город на поиски пищи. Вдруг дорогу ему преградила группа молодых прекрасных ведьм.

«Умоляем тебя, пойдем с нами, — просили его ведьмы. — Мы накормим тебя досыта, и не придется тебе идти так далеко за едой!»

«Я не привык брать пищу только в одном доме», — вежливо ответил йогин.

Тогда в разговор вступила Падмадэви. «Ну что же, если ты не хочешь почитать нас своим визитом, — заискивающе начала она, — тогда одолжи нам на время твое покрывало».

Не в силах отказать ей в просьбе, добрый йогин отдал Падмадэви свое покрывало и совершенно нагой продолжил путь в город. Но как только он скрылся из виду, ведьмы пустились в безумную пляску, раскатисто хохоча и размахивая покрывалом йогина.

Дикое веселье прервала Падмадэви. «Этот сиддха обладает необычайной силой, — сказала она. — И сила эта содержится во всем, что ему принадлежит. Давайте разорвем его покрывало и съедем его — так мы разделим поровну его мощь». Ведьмы сию же минуту так и поступили, разорвав в клочья черное покрывало йогина, и каждая проглотила по кусочку. От одеяния Мастера остался лишь один уголок, который ведьмы бросили в костер.

По дороге из города йогин снова встретил шайку ведьм и вежливо попросил их отдать ему покрывало. Но те предложили ему взамен новое. Йогин меж тем продолжал настаивать на своем. Тогда ведьмы предложили ему взамен золото, но йогин все равно не соглашался.

Разгневанный Мастер вернулся в город и пожаловался королю, требуя принудить воровок вернуть ему покрывало. Тогда король призвал к себе ведьм и потребовал выполнить просьбу йогина. Но те поклялись, что покрывала у них нет

и что йогину была предложена достойная компенсация, от которой тот отказался. Что еще мог сделать король?

Нагой, Мастер вернулся в свою пещеру и продолжил медитацию. Чтобы умиротворить стихии, он поднес партнерше Херуки, дакине Ваджраварахи жертвенный пирог торму.

Вскоре из-за проделок одной из ведьм в пещере йогина пересох родник. Тогда он повелел богине земли воскресить его, и в скромном пристанище Мастера снова забил источник чистой ключевой воды.

Козням ведьм не было конца, но каждый раз йогину удавалось их превозмочь. Отчаявшись, колдуньи призывали на помощь ведьм-дакинь со всех уголков вселенной, чтобы совместными усилиями сломить непокорного Мастера. И со склонов горы Меру, и со всех четырех континентов слетелись колдуньи в Уддияну на помощь своим сестрам.

Но йогин прознал о коварных замыслах ведьм и решил их проучить. Дождавшись, когда все они собрались вокруг королевы Падмадэви, Мастер произнес невероятно мощную мантру и превратил неугомонных колдуний в безропотное стадо овец. Жалобно блея, взмолилась Падмадэви о прощении. Тогда йогин согласился вернуть колдуньям их прежний облик, но из предосторожности сначала остриг шерсть с каждой овцы. Обретя свой привычный вид, ведьмы обнаружили, что все без исключения оказались острижены наголо. И снова обрушился на Мастера ураган женских рыданий.

Вне себя от перенесенного оскорбления, богиня чувственности предприняла последнюю отчаянную попытку — собрав все свои силы, она заставила огромную каменную глыбу отколоться от скалы. Сокрушая все на своем пути, камень полетел прямо к Пальмовой пещере, в которой сидел йогин. Однако Мастер и на этот раз прочитал замысел ведьмы и в полном спокойствии следил за развитием событий. Когда глыба была уже на волоске от головы йогина, он невозмутимо остановил ее одним предупреждающим движением руки. Огромный камень замер, раскачиваясь на острие прямо у входа в жилище Мастера. И по сей день находится он прямо у входа в Пальмовую пещеру.

Противостояние Мастера и ведьм лишило покоя все королевство. Никто не знал, чего ожидать от очередной их схватки — великого наводнения, землетрясения или же огненного дождя с небес. И тогда король решил раз и навсегда прекратить эту сумятицу и призвал к дворцу и йогина, и неустанных злодеек во главе с Падмадэви. Величественно восседая на троне, он обвел ведьм суровым взглядом. Затем, немного помолчав, король произнес: «Среди вас нет ни одной, кто бы, так или иначе, не причинил вред моим подданным мужского пола. Молите о пощаде и поклянитесь следовать путем добродетели!»

В ответ колдуньи только громко расхохотались и отказались повиноваться. Но вдруг подобно раскатам грома прогремел голос йогина:

«Клянитесь защищать истину или же я сию минуту отправлю вас к Повелителю смерти — Дхармарадже!»

Задрожав от ужаса, ведьмы поклялись поступать так, как прикажет Мастер. Не сводя с них пронзительного взгляда, йогин добавил: «Если же кто-то из вас задумает нарушить эту клятву, то немедля превратится в гужевую лошадь».

Зная, что Мастер не шутит, ведьмы тут же приняли прибежище в Будде и дали обет следовать его поучениям. Затем над ними совершили обряд очищения, и тогда каждая оторгнула по клочку черного покрывала йогина. Безмерно обрадовавшись тому, что наконец получил единственное свое одеяние, Мастер сшил все клочки воедино. Не хватало лишь одного уголка покрывала — сторевавший в огне, он исчез безвозвратно.

Великий йогин широко прославился под именем Камбала — Мастер Покрывала, а также Шри-Прахат, что означает Могущественный Свет. Многие годы самозабвенно служил он людям, а в конце вознесся в собственном теле в Чистую страну дакинью.

Чакрасамвара

ВЬЯЛИПА

Алхимик и куртизанка

*Высшее одиночество содержится в медитации
на всепронизывающее пространство,
Совершенная гармония —
В постижении природы всех переживаний.
Видение абсолютной реальности —
Это видение твоего несравненного Гуру.
Только тогда сможешь ты выпить до дна эликсир бессмертия
И по-настоящему ощутить в себе жизнь.*

Один очень богатый брахман по имени Вьяли возжелал обрести бессмертие. В поисках заветного эликсира приобрел он за баснословную цену редчайшую книгу по алхимии, а также огромное количество ртути и дорогих трав, необходимых для секретной формулы. С величайшим старанием готовил он свой заветный напиток, шаг за шагом выполняя все наставления, приведенные в драгоценной книге. Но вот, когда эликсир был почти готов, к ужасу своему, Вьяли вдруг обнаружил, что не хватает последнего, главного элемента. Без него тщетными оказались все усилия, все было напрасно. В отчаянии схватил Вьяли книгу да и швырнул ее подальше в глубокие воды Великого Ганга. На тринадцатый год своей садханы в одночасье стал он нищим без гроша за душой.

И отправился тогда Вьяли странствовать вдоль берегов великой реки. В один прекрасный день он оказался неподалеку от храма Рамачандра в небольшой деревушке, где довелось ему познакомиться с одной куртизанкой. От девушки услышал он удивительную историю: как-то раз купалась она в Ганге, и вдруг прямо в руку к ней приплыла одна странная книга. Когда же девушка показала йогину свою находку, сначала тот не поверил своим глазам, а потом захохотал, как безумец, и слезы брызнули из глаз его — это была та самая книга, которую он однажды в сердцах бросил в Ганг. Странник поведал тогда куртизанке и свою историю.

Девушку очень взволновал рассказ о волшебном эликсире бессмертия, ведь карьера куртизанки недолговечна, как ее молодость. Стала она тогда умолять йогина вновь заняться составлением заветного эликсира и даже предложила ему в награду тридцать фунтов золота. Сильна была горечь йогина, оставшаяся от прошлой неудачи, но еще сильнее тянуло его к золоту, и поэтому недолго думая он согласился. Снова запасся он ртутью и начал свою работу.

Так прошел почти год, но никаких признаков успеха свой алхимической садханы йогин все еще не замечал. В настойке его не хватало красного миробалана — плода, с виду напоминающего алычу, целебные качества которого очень ценятся в восточной медицине.

И вот однажды, когда куртизанка совершала свое ежедневное омовение в Ганге, случилось еще одно чудо. Течением реки принесло ей прямо в руку прекрасный алый цветок, но девушка даже не заметила, как он обвился вокруг ее пальца. Придя домой, она поинтересовалась успехами своего партнера и тут увидела у себя на руке удивительный цветок. Девушка осторожно сняла его с пальца, но капелька нектара все же сорвалась с него и упала в заветный эликсир. И вдруг произошло

чудо — в небе появилось колесо из восьми знаков, приносящих удачу, — все они вращались по часовой стрелке: драгоценный зонт, две золотые рыбы, чаша с драгоценностями, цветок камала, белая раковина, узел бесконечности, победоносное знамя и колесо с восьмью спицами.

Глаза Вьяли жадно заблестели. Однако он опасался, что куртизанка могла рассказать еще кому-нибудь об их тайных экспериментах. Но девушка заверила Вьяли в том, что держала все в строгом секрете.

В тот же вечер осмотрительная куртизанка решила снова испытать своего партнера — не появится ли и на этот раз признак успеха. В тайне от йогина подсыпала она в его еду невероятно горькую на вкус, но известную своими целебными свойствами траву чираита*. Вьяли на дух не переносил ее, но на этот раз ничего необычного не заметил. Куртизанка пришла в полный восторг.

Затем они решили испытать приготовленный напиток на принадлежавшей девушке старой кляче, которая мирно паслась неподалеку. Проглотив несколько капель, старая лошадь вдруг начала брыкаться и скакать, как молодая игривая кобылица. Окрыленные, йогин и куртизанка пожелали друг другу вечной жизни и пригубили волшебного нектара. В тот же миг оба обрели обычные сиддхи и бессмертие. Но и это не изменило себялюбивой и алчной натуры Вьяли, и он решил ни с кем не делиться своим секретом. И настолько эгоистично было это стремление, что когда йогин и куртизанка вознеслись на небеса, то боги с презрением отвергли их. Пришлось двум бессмертным отправиться жить в страну Килампара. Они соорудили себе жилище под кроной одинокого дерева на вершине скалы в милую высоту — ровно десять таких расстояний, которые может преодолеть человеческий голос. Со всех сторон скала та была окружена непроходимым болотом.

К тому времени Арья Нагарджуна уже обрел способность летать и пообещал вернуть человечеству украденный секрет бессмертия. Прежде чем подняться в воздух, он снял один башмак и, оставшись в другом, полетел к бессмертной паре. Приземлившись прямо на вершине скалы, Арья Нагарджуна совершил перед ними простирания. Волшебный полет неожиданного гостя так поразил йогина и куртизанку, что те захотели обрести такую же силу: какой богатой стала бы жизнь, если можно было бы отправиться куда только не пожелаешь!

На расспросы об этом необычайном полете Нагарджуна ответил, что вся сила заключается в его башмаке. Вьяли тут же возжелал завладеть им, но Нагарджуна оказался весьма неуступчив, и после длительных уговоров Вьяли наконец отдал Нагарджуне взамен за башмак свой эликсир бессмертия.

Так и не постигнув тайну полета, Вьяли и куртизанка и по сей день живут на той скале. Без очищения ума в практике садханы в любом эликсире будет не хватать единственного истинного ингредиента — искреннего раскаяния, которое открывает поток ума наставлениям Гуру.

Арья Нагарджуна меж тем вернулся в Индию с драгоценной формулой бессмертия. И по сей день на горе Шри Парвата продолжает он свою практику ради блага всех живых существ. А тем, кто находит путь к постижению, дарит он тайну волшебного эликсира жизни.

* Чираита (лат. *Swertia perennis*) — сверпия многолетняя.

ТАНТЕПА

Азартный игрок

*Все, что занимало мой ум, растворилось
В пространстве, свободном от мыслей.
Все мимолетные переживания явлений
Слились в непрерывность пустоты.*

В Каусамби, в долине Великого Ганга, жил человек, родом из низкой касты, и звали его Тантепа. Дни и ночи напролет проводил он за азартными играми. Ничего в жизни не имело для него смысла, кроме удачных ставок и выигрыша, но, в основном, ему удавалось лишь остаться при своих. И вот однажды началась в его жизни черная полоса бесконечных проигрышей. Тантепа проиграл все, что имел, но и это не остановило его — он стал играть взаймы. Когда он проиграл и эти деньги, то ему не оставалось ничего другого, как бежать в надежде найти какое-то пристанище, где можно было бы укрыться от кредиторов. Однако они нашли его — голодного, ободранного, обессиленного — и избили до полусмерти.

Под покровом темноты кое-как, из последних сил дополз Тантепа до кладбища и затаился в куче пепла. По счастливой случайности его обнаружил там один йогин. Разделив с ним свой ужин, йогин поинтересовался о том, что случилось.

«Ужасные раны и синяки у тебя, приятель, — сказал он. — На тебя напали грабители?»

«Я ограбил себя сам, о святой господин, — отвечал Тантепа. — Я проиграл все, что у меня было, и мои кредиторы едва не убили меня за то, что я сбежал, не расплатившись с долгами».

«Что же, если тебе в жизни больше не на что рассчитывать, почему бы тогда не начать медитировать?» — спросил его йогин.

«А какова вероятность того, что это сработает?» — ответил Тантепа, и вдруг слезы потекли у него из глаз. «Вот видишь, — произнес он, всхлипывая, — такова моя природа — все сводится к точкам на игральном костяке». Затем, немного успокоившись, он сказал: «Но если ты знаешь такую медитацию, которую я могу практиковать, не отказываясь от азартных игр, то я попробую».

Улыбнувшись, йогин ответил: «Что ж, молодой человек, тебе невероятно повезло — я как раз знаю одну медитацию специально для таких, как ты».

А затем йогин дал Тантепе посвящение и такие наставления: «Теперь все, что тебе нужно делать, это представить в уме три сферы: мир чувственных переживаний, эстетических форм и бесформенную сферу. Последняя тебе уже очень хорошо знакома — она так же пуста, как и твой карман».

Тантепа кивнул, и на лице его отразилась ироничная усмешка. А йогин продолжал:

«После того, как ты представишь все эти три сферы, ты должен увидеть природу своего ума как ту самую пустоту».

В заключение йогин пропел своему ученику песнь:

*Подобно тому, как ты потерял все сбережения, играя в кости,
Должен ты оставить все мысли в трех сферах.*

*Подобно тому, как разделились с тобой кредиторы,
Должен ты расправиться с ментальными процессами, пока не станут они
Самой пустотой пространства, свободного от мыслей.
И тогда кладбище это станет
Сферой чистого блаженства.*

Тантепа стал медитировать, в точности следуя наставлениям своего Гуру, и со временем все его представления о природе трех сфер растворились в пустоте пространства — их истинной сути.

Обретя постижение, Тантепа стал учить других и прославился благодаря своему сочувствию и пониманию человеческих слабостей и ошибок. Вот последняя песнь его, которую Тантепа пропел своим ученикам:

*Если бы я не ведал печали и раскаяния,
Как бы вступил я на путь Освобождения?
Если бы не доверился я Учителю,
Как бы обрел я окончательное постижение?*

Как только последние слова этой песни слетели с губ его, Тантепа вознесся на высоту семи пальмовых деревьев и вошел в Чистую страну дакинъ.

КУККУРИПА

Собачник

*Где есть осознанное усилие,
Там нет Будды.
Поэтому тщетны ритуалы и подношения.
В глубочайшем переживании величия Гуру
Присутствует Будда.
Увидит ли это восприимчивый?*

Жил в Капилавасту один брахман по имени Куккурипа. Размышляя о проблемах существования, обратился он к Тантре и со временем встал на путь отречения. Так стал он странствующим йогиним и отправился к пещерам Лумбини, по дороге прося милостыню. Однажды на пути в ближайший город услышал он негромкое заывание в придорожных кустах. После недолгих поисков он нашел в зарослях щенка — бедное животное так ослабло от голода, что уже не могло держаться на ногах. Сжалившись над бездомной собакой, Куккурипа взял ее на руки, да так и продолжил свой долгий путь. Он делил с ней все, что попадало в его миску для подаваний, с радостью наблюдая, как собака росла и становилась все более здоровой и сильной.

К тому времени, когда они достигли наконец Лумбини, Куккурипа так привязался к своей ласковой спутнице, что уже не мог представить себе жизни без нее. Он нашел пещеру, в которой было достаточно места для них обоих, и поселился в ней. Днем он уходил в город на поиски пропитания, а собака оставалась охранять их скромное жилище, терпеливо ожидая возвращения хозяина.

Куккурипа так был погружен в повторение мантр, что двенадцать лет пронеслись, как один год. Почти не заметив этого, йогин обрел тонкое постижение и силу предвидения. Однако его достижения не укрылись от глаз богов тридцати трех чувственных сфер, и они пригласили Куккурипу на празднество, устроенное в его честь на небесах. Внимание богов удивило йогина. Чувствуя себя польщенным, он с радостью принял приглашение и отдался бесконечным наслаждениям.

А в это время на земле его преданная подруга ждала возвращения хозяина. В поисках пищи рыскала она вокруг пещеры, ни на минуту не удаляясь слишком далеко от своего поста. Куккурипа, однако, не забыл о своей собаке — погруженный в роскошь и удовольствия, он все же сильно тосковал по ней. Снова и снова обращался он к богам, убеждая их, что должен вернуться в свою пещеру, чтобы позаботиться о животном.

Но хозяева небес всякий раз вынуждали его остаться. «Как тебе только в голову пришла мысль вернуться в темную пещеру к собаке и оставить всю роскошь и наслаждения, которые мы тебе подарили? — вопрошали боги. — Не будь таким глупцом, оставайся с нами». И Куккурипа снова и снова поддавался на их уговоры.

Но однажды, когда он посмотрел с небес вниз, он увидел, что его верная собака иссохла от тоски по нему — глаза ее были полны печали, хвост безжизненно болтался, и сама она так исхудала, что из-под кожи торчали кости. Сердце Куккурипы сжалось от боли, и немедленно спустился он из тридцати трех небес чувственных наслаждений на землю.

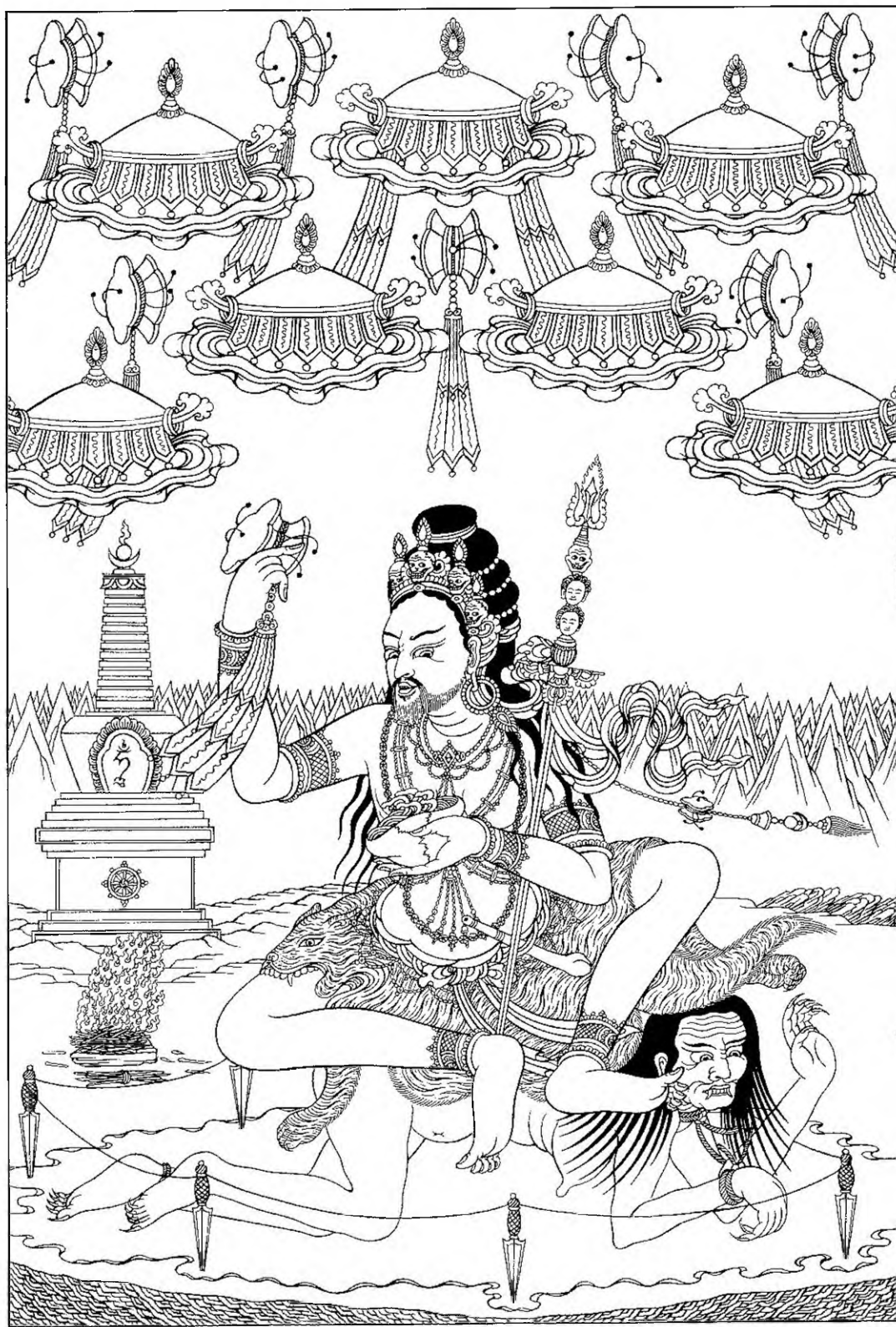
Когда собака увидела любимого хозяина, она бросилась к нему со всех ног и принялась скакать и визжать от радости. И только Куккурипа почесал ее любимое место за ухом, как собака вдруг исчезла и перед йогиним в величественном ореоле появилась прекрасная сияющая дакиня.

«Ах, как я рада! — воскликнула она. — Ты преодолел соблазн и доказал, чего достоин. Ты вернулся и поэтому заслуживаешь обрести высшую силу. Ты понял, что сила богов иллюзорна, ибо у них все еще остается представление об эго, и поэтому их мир удовольствий несовершенен. Но твоя дакиня подарит тебе высшее постижение — бесконечное чистое блаженство».

Она обучила Куккурипу тому, как достичь символического союза искусных методов и совершенной мудрости. И когда в потоке его ума возникло безупречное видение истинной природы вещей, Куккурипа обрел высшее постижение.

Йогин вернулся в Капилавасту, где прожил долгую жизнь, бескорыстно помогая другим. Он прославился как Гуру Куккурипа, любитель собак, и, когда пришло его время, в окружении своих бесчисленных учеников он вознесся в Чистую страну дакинь.

КАНХАПА

Темнокожий

*Как не уедешь далеко на телеге без колес,
Так и практика щедрости и высокой этики
Без Гуру не принесет тебе высшие сиддхи.
Как гриф, широко расправив крылья, парит в небе,
От рождения способный летать, —
Так и действенные наставления Гуру,
Впитанные инстинктивно,
Дарят йогину полное удовлетворение.*

Канхапа был сыном писаря. Уже в раннем возрасте проявил он незаурядные способности и был принят в знаменитую монашескую академию Сомапуре. В монастыре получил он от Гуру Джаландхары посвящение в мандалу Хеваджры. Двенадцать лет практиковал Канхапа свою садхану, а по прошествии этого времени задрожала земля под его ногами, и явилось сыну писаря видение Хеваджры и всей его мандалы. Гордый таким результатом, поверил было Канхапа, что уже достиг окончательной цели, но тут вдруг возникла перед ним дакия. Пожурился йогина за чрезмерное самодовольство, она напомнила, что видение было всего лишь частью предварительной практики. Пристыженный, Канхапа вновь уединился в медитации.

Но соблазн был велик, и время от времени Канхапа не мог все же удержаться, чтобы не испытать своих достижений. Однажды он коснулся ногой гранитной глыбы, а убрав ее, обнаружил, что в твердом камне остался отпечаток его стопы. Тут же возникла перед ним дакия и снова отправила йогина продолжать медитацию.

Пробудившись от самадхи на третий раз, йогин обнаружил себя парящим в воздухе на расстоянии одного локтя от земли. И снова явилась ему дакия. Упрекнув йогина в гордости за духовные достижения, она строго указала ему на сиденье для медитации.

Выйдя из самадхи в четвертый раз, увидел йогин, как в небе над его головой сами собой парили семь королевских балдахин, в то время как звучание семи дамару — барабанчиков из черепов — наполняло все пространство.

«Теперь уже никто не сможет мне сказать, что я не достиг цели, — обратился он к своим ученикам. — Следуйте за мной на остров Лакапури, что у берегов Шри-Ланки! Мы обратим местных язычников на путь Будды!»

Вскоре Канхапа в окружении трех тысяч своих последователей оказался у пролива, отделявшего остров от остальной суши. Там он решил показать всем, на что способен. На глазах своих учеников, собравшихся на берегу, йогин пошел по воде.

«Даже мой Гуру не смог бы этого сделать», — тихо произнес Канхапа. Как только эти слова сорвались с его уст, он тут же камнем упал в воду. Волны выбросили Канхапу на берег. Откашливаясь от морской воды, отвернулся он было, чтобы сплюнуть набившийся в рот песок, как увидел прямо перед собой Гуру Джаландхару, парившего в воздухе.

«У тебя неприятности?» — сухо спросил Джаландхара.

Пристыженный, Канхапа признался в своей гордости. Диким хохотом разразился в ответ Гуру, но все же сжалился над йогином. «Отправляйся-ка ты в Паталипутру, где правит милосердный король Дхармапала, — сказал ему Джаландхара. — Отыщи там моего ученика, ткача, и поступай так, как он скажет. Вот тогда ты постигнешь окончательную истину, а в чем она — тебе еще только предстоит разобраться». Произнеся эти слова, Гуру Джаландхара исчез.

В тот же миг в небе снова появились божественные балдахины, и раздался бой барабанчиков — Канхапа вновь обрел волшебную силу: как и прежде, он мог ходить по воде и оставлять отпечатки ступней на камнях.

Вместе с тремя тысячами своих последователей Канхапа без промедления отправился в Паталипутру. На подходе к городу он оставил учеников и продолжил путь в одиночестве. Канхапа был уверен, что без труда отыщет того самого ткача. Не спеша, пошел он по улице ремесленников, пристально вглядываясь в то, как сплетались в полотно нити на ткацких станках. Вдруг он заметил, как у одного ткача нити сами собой, спонтанно соединялись в чудесную ткань, и понял тогда Канхапа, что нашел того, кого искал.

Преклонился перед ткачом Канхапа, обошел вокруг него с почтением и попросил наставлений об окончательной истине.

«Обещаешь ли ты сделать все, как я скажу?» — строго спросил его ткач.

«Обещаю», — ответил Канхапа.

Тогда ремесленник отвел его на кладбище. Указав на труп, привезенный на сожжение, он приказал: «Съешь кусок этой плоти».

Повиновавшись, Канхапа опустился на колени и, вынув нож, вонзил его в труп, чтобы отрезать кусок.

«Да не так, глупец! — грозно осадил его ткач. — Вот как нужно!» — и с этими словами в одно мгновение превратился в волка и, набросившись на мертвое тело, с остервенением принялся раздирать его в клочья. Окончив трапезу, волк снова стал человеком.

«Человеческую плоть можно есть, только обретя форму животного», — поведал он изумленному ученику.

Однако на этом испытания Канхапы не закончились. Присев перед ним на корточки, ткач испражнился, а затем поднес ему одну треть экскрементов и приказал их съесть.

Канхапа запротестовал: «Что если меня увидят? Нет, я не буду этого делать!»

Тогда ткач сам проглотил свое подношение, а оставшуюся часть поровну разделил между богами и змеями-нагами, которые тут же унесли свою добычу в потусторонний мир.

Вернувшись в город, ткач на пять грошей купил еды и питья. «Зови своих учеников, мы устроим грандиозное пиршество ганачакра», — приказал он Канхапе. Тот так и сделал, недоумевая, правда, каким образом ткач собирался накормить огромную толпу людей пищей, которой не хватило бы и одному человеку.

Когда все были уже в сборе, ткач благословил подношения и принялся раздавать всем угощение. И словно по волшебству в миске у каждого оказались самые изысканные яства, цукаты и рис, и еды все не убывало. Семь дней продолжалось пиршество, но подношениям не видно было конца и края.

«Мне больше кусок в горло не лезет», — наконец с отвращением произнес Канхапа и бросил остатки своей пищи голодным духам. Затем он созвал всех учеников, и они двинулись в путь, прочь от того места. Ткач, однако, преградил им дорогу и пропел:

*О, жалкие дети!
Убегая, чего вы добьетесь?
Разрушаете вы самое себя,
Отделяя пустоту совершенной мудрости
От активного сочувствия жизни.
Развешивающиеся в небесах балдахины и бой барабанов —
Ничто в сравнении с постижением
Истинной природы реальности.*

Но Канхапа и слушать не хотел. Он продолжил свой путь и шел долго, пока не оказался в четырехстах пятидесяти милях оттуда, у входа в город Бадхогора. Там приглянулось ему дерево личи, сплошь увешанное спелыми плодами. Под деревом сидела девочка, на вид слабая и хрупкая, и что-то тихо напевала себе под нос.

Поприветствовав ее, Канхапа попросил разрешения сорвать с дерева несколько плодов. Но девочка лишь отрицательно помотала головой в ответ. «Такие, как ты, не смеют мне отказывать!» — прокричал разъяренный Канхапа и окинул дерево пристальным взглядом. Фрукты тут же сами собой посыпались на землю.

Ничуть не смутившись, девочка посмотрела на упавшие плоды, и они в мгновение ока снова оказались на ветвях. Вне всяких сомнений, в истинной природе своей она была дакиней.

Однако Канхапа был так зол, что не понял важности произошедшего на его глазах. Вместо того чтобы искать милости дакини, он проклял ее мантрой настолько сильной, что несчастная девочка волчком завертелась на земле, и кровь хлынула из всех отверстий ее тела.

Вокруг очерненной проклятием девочки вскоре собралась толпа любопытных. «Буддисты должны быть милосердными, а этот йогин просто кровожаден!» — то и дело доносился из толпы приглушенный шепот. Эти слова отрезвили Канхапу, и разум наконец вернулся к нему. Он тут же снял проклятие с девочки, но, увы, было слишком поздно — она поразила его ответным заклинанием. Канхапа свалился наземь как подкошенный, страшная рвота хлынула наружу, и кровь полилась изо всех его пор. В предсмертной агонии призвал он верную спутницу свою, дакиню Бханде, и стал умолять ее отправиться на юг, к горе Шри Парвата, на склонах которой росли целебные травы, — только они могли спасти его.

Не медля ни секунды, Бханде устремилась на юг и всего за семь дней преодолела расстояние в полгода пути. В предраусветной дымке на крутых склонах Шри Парвата собрала она драгоценные травы и помчалась обратно к своему Мастеру. Когда ей оставался всего один день пути, на обочине дороги увидела она старуху, обливавшуюся горькими слезами. Бханде не разглядела в ней ту самую девочку, что наслала порчу на Канхапу. Сжалившись над старой женщиной, Бханде остановилась поинтересоваться, не понадобится ли ее помощь.

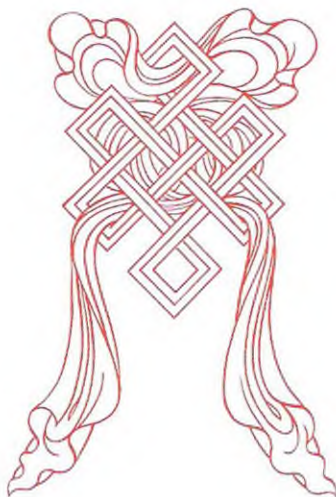
«Отчего ты рыдаешь, матушка?» — спросила Бханде.

«Как же мне не плакать, когда умер наш господин Канхапа?» — ответила сквозь слезы старуха.

Слова старой женщины словно громом поразили Бханде. Все ее старания оказались напрасны, с досады она швырнула подальше пузырек с целебными травами. Продолжив свой путь, Бханде то и дело ожидала увидеть дым от погребального костра, но вместо этого к великому своему удивлению обнаружила Мастера. Он был еще жив, но жизнь едва теплилась в нем. Когда он жалобным голосом спросил ее о целебных травах, Бханде разразилась рыданиями и рассказала Канхапе о том, как ее обманули.

Йогин стал готовиться к смерти. Зная, что ему осталось лишь семь дней, он торопился дать последние наставления своим ученикам. Затем ему предстояло покинуть тело с созревшей кармой и отправиться в Чистую страну дакинй. Канхапа передал ученикам садхану, известную теперь под названием «Обезглавленная Ваджраварахи», и испустил дух.

В поисках мирской дакини, отнявшей у Канхапы жизнь, Бханде обыскала все высшие и низшие миры, а также все земные уделы бытия. Наконец она обнаружила колдунью, затаившуюся в зарослях дерева самбхила. Схватив ее за ногу, Бханде изо всех сил ударила ведьму оземь и наслала на нее такое страшное заклятие, что яд его остался в ней навечно.

АЧИНТА

Алчный отшельник

*Нет в Махамудре ни объектов, ни образов —
Все явления в ней становятся
Знанием и чистым осознанием.
В ней десять тысяч обманчивых мыслей
Пусты. Вся действительность — это
Махамудра.*

Когда-то давным-давно жил в Дханипуре человек, такой бедный, что еле-еле сводил концы с концами. Зато он обладал богатым воображением, и все его мысли были лишь об одном — как бы нажить состояние. Он был так захвачен этой несбыточной мечтой, что даже построил себе хижину в лесу, подальше от людей, дабы те не мешали ему фантазировать.

Однажды мимо его жилища случилось проходить йогину Камбале. Ачинта пригласил его в дом и, разделив с йогиним свой скудный обед, открыл сокровенные мысли.

«Что ж, я вижу, ты смог уйти от людей и их пустых разговоров, — сказал Камбала. — Но, скажи мне, стали ли мысли твои лучше?»

«К сожалению, нет, — со вздохом признался лесной отшельник. — Мной все еще владеет желание разбогатеть, и ни о чем другом я и думать не могу. Но я осознаю это, и если бы мне удалось избавиться от этой единственной мысли, ум мой стал бы совершенно пуст. Известен ли тебе метод, который смог бы освободить меня от этого наваждения?»

«Да, я знаю, что нужно делать, — ответил йогин. — И если ты пообещаешь практиковать то, чему я могу научить, я дам тебе наставления».

Отшельник пообещал надлежащим образом выполнять практику, и тогда Гуру дал ему посвящение в Самвару и пропел такие поучения:

*Желание подобно ребенку
Бесплодной женщины.
Чтобы ум освободился от него,
Представляй, что тело твоё — это небо
И все мысли твои — звезды в его вышине.
Придет время — явится сам бог богатства,
И тогда все желания твои исполнятся.*

В лесу, в полном одиночестве, медитировал отшельник так, как научил его Гуру. Когда же мерцающее сияние звезд заполнило его ум, в нем не осталось больше места мыслям о золоте. А затем его прежняя одержимость богатством, как и сами звезды, навсегда исчезли в бескрайних просторах небес, и ум его стал совершенно пустым.

Ачинта отыскал тогда своего Гуру, чтобы рассказать о своем опыте. Камбала пропел ему в ответ такую песнь:

*Какова природа у небес?
Можешь ли ты с ней сделать что-то?*

*Как ты можешь ее желать?
Как можешь ты вообще об этом думать?*

Когда отшельник понял глубокий смысл этих строф, он обрел сиддхи Махамудры. Его прозвали Ачинтапой — Гуру, свободным от мыслей.

Три сотни лет бескорыстно учил он своих бесчисленных последователей тому, как постичь истинную природу бытия. И когда пришло время, в окружении всех учеников он вознесся в собственном теле в Чистую страну дакинй.

БХАДРАПА

Сноб

*Неверные взгляды можно очистить
Только ясным видением пустоты.
Неверные поступки можно очистить
Только медитацией на любовь и доброту.
Практика приводит к постижению
Реальности как единства всех вещей и явлений.
А цель — это всепронизывающей единый вкус.*

Давным-давно в королевстве Манидхара жил очень благочестивый брахман, владевший несметными богатствами. Весь уклад его жизни был настолько консервативен, что он не только не употреблял свинины и крепких напитков, но даже никогда не произносил самих этих слов. Менструирующим женщинам запрещено было приближаться к брахману, дабы ненароком не осквернить его. Чтобы сохранить чистоту своих ритуалов, он никогда не занимался физическим трудом и любой ценой избегал малейших соприкосновений с грязью и экскрементами.

Но, несмотря на сокровища и положение в обществе, брахман беспокоился о том, какое впечатление он производит на других. Желание сохранить свой образ незапятнанным, подобно наваждению, неотступно преследовало его.

Как-то раз все его друзья-аристократы удалились для совершения ритуального омовения, и брахман остался в доме один. В это время на пороге дома появился грязный йогин с всклокоченными волосами и попросил дать ему еды. Поскольку в доме никого не было, брахман вынужден был сам вступить в разговор с неожиданным посетителем.

В панике оттого, что кто-то мог увидеть его с бродягой, он побежал к йогину, размахивая руками и крича: «Вон, вон отсюда! Ты нечист! Ты загрязняешь мой дом!»

Ничуть не смутившись, йогин спокойно спросил: «Что ты имеешь в виду, когда говоришь нечист?» «Что я имею в виду? — переспросил брахман, надменно оглядев своего неопрятного гостя с ног до головы. — Нечистый — значит, немытый годами, одетый в грязные лохмотья, с миской для еды, сделанной из человеческого черепа, и источающий зловоние гниющих отходов. К тому же ты, совершенно очевидно, принадлежишь к низкой касте. Так что, будь добр, убирайся отсюда, пока кто-нибудь из моих друзей не увидел тебя!»

Но йогин и ухом не повел. Он остался стоять на месте и явно не собирался уходить. «Все то, о чем ты только что говорил, не является грязным, — мягко произнес он. — Но злость в речи, уме и поступках — это поистине нечисто и не отмывается ритуальным омовением. Мыло не очистит сердце и ум. Только истинное купание в наставлениях Гуру сможет удалить эти загрязнения».

Заметив на лице брахмана неподдельный интерес, йогин пропел ему песнь:

*Не священник и не король — высшие существа,
А только Бодхисаттвы.
Как ни скрести и ни тереть —
Не очистить тела, речи и ума.*

*Только наставления Гуру
Дарят несравненную чистоту.
Самый дивный вкус имеет
Не пиришество богача — молоко, сыр и творог,
А лишь отсутствие всяких желаний.*

С каждым мгновением брахман все больше проникался доверием к йогину и наконец попросил его дать ему поучения.

«Дай мне еды, и я дам тебе наставления», — сказал йогин. «Хорошо», — согласился брахман. Однако в его голове промелькнула мысль: что скажут друзья, если увидят это? И он добавил: «Я дам тебе еды, но не здесь. У моих друзей нет веры. Позволь мне прийти в твой дом и послушать тебя там». «Я живу на кладбище», — сказал йогин и пошел своей дорогой. Затем он остановился, как будто задумавшись на мгновение, и произнес: «Принеси с собой свинину и алкоголь».

Брахман в ужасе запротестовал: «Я не могу этого сделать! Что если меня кто-нибудь увидит?» «Если хочешь получить наставления, делай, как я говорю», — сурово ответил йогин. «Хорошо, хорошо! — согласился брахман. — Но только когда стемнеет».

Ничего не ответив, йогин пожал плечами, ступил на пыльную дорогу и исчез.

Брахман принялся нервно ходить из угла в угол. Что же делать? Как раздобыть свинину и спиртное, чтобы в обществе не разразился скандал? Наконец он решил переодеться слугой и тайком купить все, что потребовал йогин. И хотя эта затея внушала глубокое отвращение, брахман успешно справился с задачей.

С наступлением темноты нагруженный запретной провизией брахман незамеченным прокрался на кладбище. Гуру поприветствовал его в своей лачуге и приготовил ужин. Он настоял на том, чтобы брахман разделил с ним трапезу, а затем дал своему гостю высокой касты посвящение в мандалу благодарения и разрешение на практику.

Затем, чтобы сломить гордость брахмана своим высоким происхождением, йогин подверг его нескольким испытаниям. В качестве символичной демонстрации верного взгляда брахману пришлось вымыть отхожее место своего Мастера — дело, до тех пор для него неслыханное. Когда брахман справился с этой задачей, йогин приказал приготовить смесь из грязи, извести и экскрементов и подлатать хижину. Гуру объяснил, что это символизирует проявление надлежащего поведения — белый цвет извести означает единую природу всех вещей, объект правильной медитации.

Когда брахман выдержал и это испытание, Гуру объяснил, что все эти действия символически выражают цель практики. И тогда брахман вдруг понял, что видение, медитация и действие являются одним и тем же и что все явления одинаковы и равнозначны. Немедля отрекся он от своей касты и от всех предрассудков и стал йогиним.

После шести лет медитации он обрел сиддхи Махамудры и прославился под именем Бхадрапа — Учитель, дарующий счастье. Все оставшуюся жизнь он самоотверженно трудился на благо других. А когда пришло время, он вознесся в Чистую страну дакинъ вместе с пятью сотнями своих учеников.

КАЛАПА

Прекрасный безумец

*Все люди вокруг живут
В полном помешательстве.
И эти глупцы еще называют меня безумцем.
Но я знаю, что лекарство от их заблуждений —
В благоуханном нектаре наставлений Гуру.*

То, что Калапа обладал хорошей кармой, было видно невооруженным взглядом. Благодаря практике терпения и медитации в прошлой жизни, в этой он обладал тонкими чертами лица и атлетичным телом, а выразительные черные глаза его сияли бездонной глубиной. Он был настолько красив, что, завидев его, прохожие останавливались на улицах его родного Раджапура и провожали юношу изумленными взглядами.

Однако Калапа совсем не походил на тех людей, которые используют свою красоту, чтобы манипулировать другими и достигать своих целей. Он скорее ощущал неловкость от повышенного внимания окружающих. Калапа даже утвердился в мысли, что за его внешностью никто не видел человека из плоти и крови, и ему становилось горько, что он постепенно превращался в предмет искусства. Чем больше внимание людей противопоставляло его обычным существам, тем более одиноким и замкнутым он становился.

Наконец юноша решил полностью отречься от мира и переселиться на кладбище. Так он и поступил — собрав пожитки, построил себе крошечную хибарку неподалеку от того места, где сжигали покойников.

На кладбище жил один йогин, и вскоре они познакомились и сдружились. Йогин с большим интересом и сочувствием выслушал историю Калапы. «Я знаю одну садхану, которая поможет тебе справиться с твоими затруднениями», — сказал он юноше.

Калапа горел желанием обучиться этой практике, и тогда Гуру дал ему посвящение в Самвару. Затем он объяснил юноше, как практиковать фазы построения и завершения в медитации. Первая могла подарить ему способность видеть весь мир и явления свободными от концепций и предрассудков. Вторая же позволяла постичь природу всех вещей как пустоту.

Вскоре Калапа смог соединить обе практики. Так он постиг, что все явления — не более чем работа ума и все их можно сократить до одной единственной мысли — именно так боги воспринимают свое творение. Калапа также осознал, что его иллюзорные представления о разделенности растворились и не осталось никакой разницы между ним и остальными.

Калапа освободился от всех предрассудков и эмоциональных привязанностей и стал совершать не стесненные условностями, спонтанные поступки. Двери восприятия настежь распахнулись перед ним, он стал выражать свои ощущения, не стыдясь себя и не обращая внимания на принятые в обществе условности.

Однако обычные жители Раджапура не ведали непосредственного переживания реальности, не стесненного оковами обусловленного ума. «О нет, неужели еще один безумный святой?!» — с досадой смотрели они на Калапу. Тогда блаженный безумец пропел им:

Корнями своими тревога уходит
 В иллюзорную веру, будто каждый из нас —
 Сам по себе, как остров,
 Отделенный от всех остальных.
 Если бы вы освободились от этого страдания
 И увидели все, производимое умом,
 Как одну единственную мысль,
 Как божественное собрание,
 Исчезающее в звуке «А», —
 Подобно тому, как растворяется в небесах радуга.
 Рождение, жизнь и смерть не властны более
 Над этим безумцем.
 Его свободные действия —
 Чистое наслаждение;
 Постигание безграничной ясности —
 Чистое наслаждение;
 Медитация на свободные чувственные сферы —
 Чистое наслаждение;
 Цель, достигнутая без усилий, —
 Чистое наслаждение.

С этими словами он поднялся в небо на высоту семи пальмовых деревьев и, паря в воздухе, совершил несколько чудес, показав изумленной толпе свою власть над всеми стихиями.

Он прославился как йогин Калапа, и, когда пришло время, вознесся в своем теле в Чистую страну дакинью.

БХУСУКУ (Шантидэва)

Ленивый монах

*В сансаре я жил вдалеке от Будды
И лишь для того, чтобы ощущать разные вкусы.
Постижение соединило в блаженстве сансару и нирвану,
И засиял я подобно драгоценности в могучем океане.*

Жил когда-то один король, и было у него несколько сыновей. Младшего отдали учиться в знаменитую академию Шри Наланда, в школу махасангики. Мальчик был так избалован, что совсем не хотел привыкать к строгому укладу монастырской жизни. И пока его товарищи учились, он нежился в постели. Когда же другие монахи медитировали, он часами прогуливался по саду, заботясь о пищеварении, а за обедом всякий раз смаковал каждое зернышко своих пяти мер риса.

Леность избалованного юноши досаждала его товарищам, прозвавшим его Бхусуку — Бестолковый. За спиной королевского сына безжалостно осмеивали, в глаза говорили самые нелицеприятные вещи, а в душе все надеялись, что вскоре ленивый монах получит заслуженную взбучку.

В Наланде было заведено день и ночь читать тексты поучений. Утром, днем и вечером, в любое время года один из монахов должен был, сидя на троне под балдахин, рассказывать своим собратьям заученные наизусть поучения сутр. Только Бхусуку не мог ничего запомнить и потому каждый раз пропускал свою очередь. Этим он заработал неслыханные для святого заведения раздражение и неприязнь со стороны остальных монахов.

Наконец сам настоятель монастыря строго отчитал Бхусуку за вызывающее поведение и даже предупредил, что его исключат из академии, если тот не начнет читать тексты, когда подойдет черед. Услышав это, многие монахи довольно ухмыльнулись, надеясь на самый неприятный для Бхусуку исход.

«Но я ведь не нарушил ни одного обета, — сказал в свое оправдание Бхусуку. — Мне плохо дается учение, но разве стоит из-за этого выдворять меня?»

Однако настоятель монастыря был непреклонен. Черед Бхусуку читать поучения сутр наступал на следующее утро, и если юноша пропустит свою обязанность и в этот раз, его навсегда исключат из знаменитого университета. Злорадствующие пересуды о неизбежном провале ни на что не годного лентяя тут же разнеслись по всему монастырю.

Настоятель академии Наланды был добрым человеком и пожалел беднягу. Ночью, когда все уже спали, предвкушая в сладких снах предстоящую великую комедию, он пришел в келью Бхусуку, чтобы дать юноше добрый совет.

Бхусуку простерся у его ног и стал умолять о помощи, заверяя, что сделает все, что тот прикажет.

«Хорошо, — согласился настоятель монастыря и строгим голосом добавил: — Однако сегодня тебе предстоит бессонная ночь».

«Я согласен на все», — смиренно ответил монах.

Тогда настоятель сказал: «Единственное твое спасение — всю ночь повторять мантру Манджушри, Бодхисаттвы мудрости. Произноси мантру арапачаны, пока не пропойт петухи, и надейся на лучшее». Затем он передал Бхусуку тайные

наставления садханы Манджушри и благословение его мантры и удалился, оставив его наедине со своей задачей.

Хорошо зная свои слабости, Бхусуку крепкой веревкой привязал ворот своей одежды к потолку — на тот случай, если нечаянно заснет. И всю ночь напролет повторял мантру, которую дал ему настоятель, пока не онемел от усталости.

Перед самым рассветом келья Бхусуку наполнилась сиянием. Вздвогнув, монах подумал, что взошло солнце, и с ужасом понял, что не стал умнее ни на йоту. Вдруг откуда-то сверху раздался громоподобный голос:

«Чем ты здесь занимаешься?»

Подняв голову, монах увидел прямо перед собой парившую в воздухе огромную фигуру.

«Я призываю владыку Манджушри — мне нужна его помощь, чтобы прочесть тексты сутр, ведь я так ничего и не выучил. Но кто же ты и что тебе от меня нужно?»

«Какой глупый вопрос, — ответил необычный гость. — Ты ведь сам призывал меня полночи!»

«Т-т-ты — сам Манджушри?» — заикаясь, пролепетал ошеломленный монах.

«Да, он самый, — ответил Манджушри. — А теперь скажи мне, чего ты хочешь, и позволь мне дальше заниматься моими делами».

Бхусуку хотел было пасть ниц перед Бодхисаттвой, но ворот его рубахи был накрепко привязан к потолку, поэтому он просто сложил ладони у сердца и взмолился:

«Прошу тебя, о великий, дай мне силу и постижение всех качеств совершенной мудрости!»

«Так тому и быть! — ответил Манджушри. — Прочти свою сутру, когда настанет твой черед», и с этими словами он исчез так же неожиданно, как и появился.

Слухи о том, что в этот день Бхусуку обязательно выставит себя посмешищем, распространились так далеко, что даже сам король Дэвапала со своими придворными приехал насладиться грандиозным представлением. Гости привезли с собой такое количество цветов, что алтарь просто утопал в них.

Когда Бхусуку вошел в зал, по аудитории пронесся легкий шепоток. Он уверенно прошел к трону и легко взобрался на него — к удивлению собравшихся, ожидавших, что неудачник наверняка упадет и разобьет себе нос. Но Бхусуку попросил установить монашеский полог и сел в полную позу лотоса. В абсолютном спокойствии обвел он собравшихся взглядом. Когда наконец воцарилась полная тишина, Бхусуку поднялся в воздух над троном, при этом тело юноши засияло таким мощным светом, что мерцание его проникло сквозь стены зала.

Все до одного пришедшие посмеяться над ним застыли в полном изумлении. Тогда Бхусуку поприветствовал короля и обратился к нему с вопросом:

«Ваше величество, что же мне прочесть — традиционную сутру или что-нибудь своего собственного сочинения?»

Король в ответ улыбнулся: «Я слышал о твоих крайне необычных привычках в еде. К тому же другие монахи очень удивляются тому, сколько ты спишь и гуляешь по саду. Возможно, тебе стоит сохранить оригинальность и в этот раз и прочесть свою собственную сутру».

Тогда Бхусуку принялся читать спонтанно рождавшиеся в его уме глубокие поучения, которые впоследствии получили название Бодхичарья-аватара — «Путь

к Просветлению». Окончив последнюю, десятую, главу, он воспарил в небо на высоту семи пальмовых деревьев, и тогда в сердцах всех видевших это родилась вера.

«Это не бестолковый Бхусуку — это великий мудрец!» — воскликнул король и дал ему имя Шантидэва — «Высший покой».

Там, где только что ступал Шантидэва, рассыпали цветы. Ученые пандиты с глубоким почтением попросили его дать комментарии к только что услышанным поучениям. Шантидэва согласился, однако на просьбу стать настоятелем Наланды ответил отказом.

В ту же ночь он оставил на алтаре в качестве подношения свои монашеские одежды, миску для подаваний и все самое священное, что у него было, и втайне покинул Наланду. Шантидэва бродил по разным землям и однажды оказался в Дхокири — городе, насчитывавшем двести пятьдесят тысяч домов. Там он вырезал себе из дерева меч и покрыл его золотой краской. На следующий день он отправился ко двору местного правителя просить должности мечника. Король счел, что новый кандидат выглядит вполне убедительно, и тут же нанял его за приличное жалованье в десять золотых в день.

Двенадцать лет преданно служил королю Шантидэва. Днем он был обычным солдатом, а ночью практиковал свою садхану, постоянно осознавая истинную природу реальности. Каждую осень, во время празднований в честь Богини-Матери Умадэви, он вместе с остальными стражниками посещал храм, как будто и впрямь поклонялся ей. Никто и не догадывался, кем этот воин был на самом деле.

Однажды, когда все по обыкновению чистили свое оружие и ремонтировали амуницию, один из стражников пригляделся к мечу Шантидэвы. Не может быть — да ведь он из дерева! Солдат помчался к королю и доложил об увиденном. Шантидэву немедленно вызвали к монарху.

«Покажи мне свой меч», — потребовал король. «Я бы и рад, — начал Шантидэва. — Да только это навредит вам, если я послушаюсь».

Король настаивал на своем: «Делай, что тебе велят, а я позабочусь о последствиях!»

Взявшись за рукоять меча, Шантидэва попросил: «Закройте хотя бы один глаз, ваше величество!»

Едва сдерживаясь от хохота, король и все придворные прикрыли один глаз ладонью. Тогда Шантидэва вынул из ножен свой меч осознания и направил его вверх. В ту же секунду свет, подобный сиянию десяти солнц, наполнил тронный зал, ослепив присутствовавших. Король и вся его свита пали на колени перед Шантидэвой, моля о пощаде.

Шантидэва обошел всех, начиная с самого низкого слуги, и смочив указательный палец слюной, втер ее каждому в ослепший глаз. Словно по волшебству, целебная влага вернула всем зрение. Тогда король попросил его стать придворным священником, но Шантидэва отказался и в тот же день покинул Дхокири.

Он поселился в горной пещере и жил там какое-то время, практикуя свою садхану. Местные охотники и лесники всегда с любопытством наблюдали за ним.

Однажды королевский охотник вернулся ко двору с диковинной дичью и рассказал, что своими глазами видел, как Шантидэва убил оленя и на вертеле поджарил его мясо.

Не мешкая, король со своей свитой отправился в горы, чтобы лично проверить эти серьезные обвинения. Вскоре они обнаружили Шантидэву — он сидел перед отвесной скалой на оленьей шкуре и медитировал.

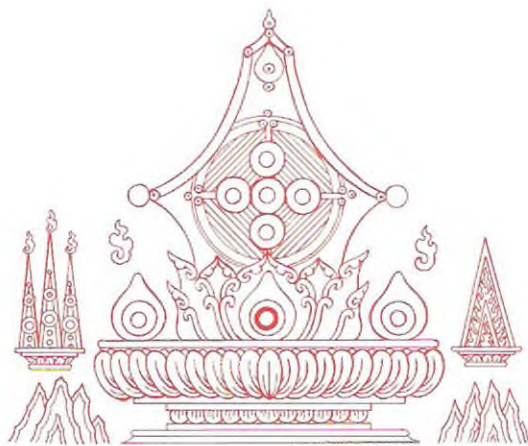
Король рассказал ему все, о чем слышал от охотника, а затем добавил: «Ты заставил короля Наланды отступить от своей гордости; ты вернул зрение мне и моим придворным. Отчего же, обладая такими силами, ты причиняешь вред живым существам?»

На что Шантидэва отвечал: «Я не убиваю — я лечу их». В тот же миг скала за его спиной разверзлась, и открылся вход в пещеру. На глазах изумленного короля из нее стали выскакивать всевозможные звери, приумножаясь в числе, пока не заполнили собой все холмы и долины. А затем в мгновение ока исчезли, как будто их и не было вовсе.

Тогда Шантидэва произнес: «Все составляющие наших переживаний — всего лишь сны и иллюзии. Поймите, все является лишь выдумкой, порождением воображения, проекциями ума. Встаньте на путь Освобождения». Затем он пропел:

*Олень, чье мясо я съел,
Никогда не существовал на земле,
Но никогда не перестанет жить.
Если нет материи, то не может быть
Ни охотника, ни добычи.
Не я среди нас — ленивый.*

Затем Шантидэва обратил короля Дхокири и его свиту на путь истины. Еще сотню лет он преданно служил им, а затем вознесся в Чистую страну дакинью.

КОТАЛИПА

Гуру–крестьянин

*И удовольствия, и боль создаются умом,
Поэтому внимай наставлениям Гуру
И постигни природу ума.
Даже самый мудрый может вечно
Бурить скалу неприступную
И так и не познать естественного блаженства.*

*Пробуди сознание в глубинах сердца твоего.
Испей до дна источники шести чувств.
Не ищи ни имен, ни названий —
Они лишь приносят тревогу. В медитации и вне ее —
Покойся в свободной от напряжения, естественной легкости.*

Жил когда-то крестьянин по имени Коталипа. Он был добрым и честным человеком и трудился от зари до зари до седьмого пота. День за днем вспахивал и засеивал он горные склоны, чтобы хоть как-то поддержать свое жалкое существование. Однажды расчищал он уступ от камней, а в это самое время мимо проходил Мастер Шантипа — он возвращался в родную Магадху из путешествия в Шри-Ланку, где обратил на путь Будды ее народ.

«Кто ты такой и что здесь делаешь?» — спросил его Шантипа.

Коталипа с почтением низко поклонился: «Я крестьянин и вскапываю эту скалу».

«Почему ты сеешь на голых камнях?» — недоуменно спросил Мастер.

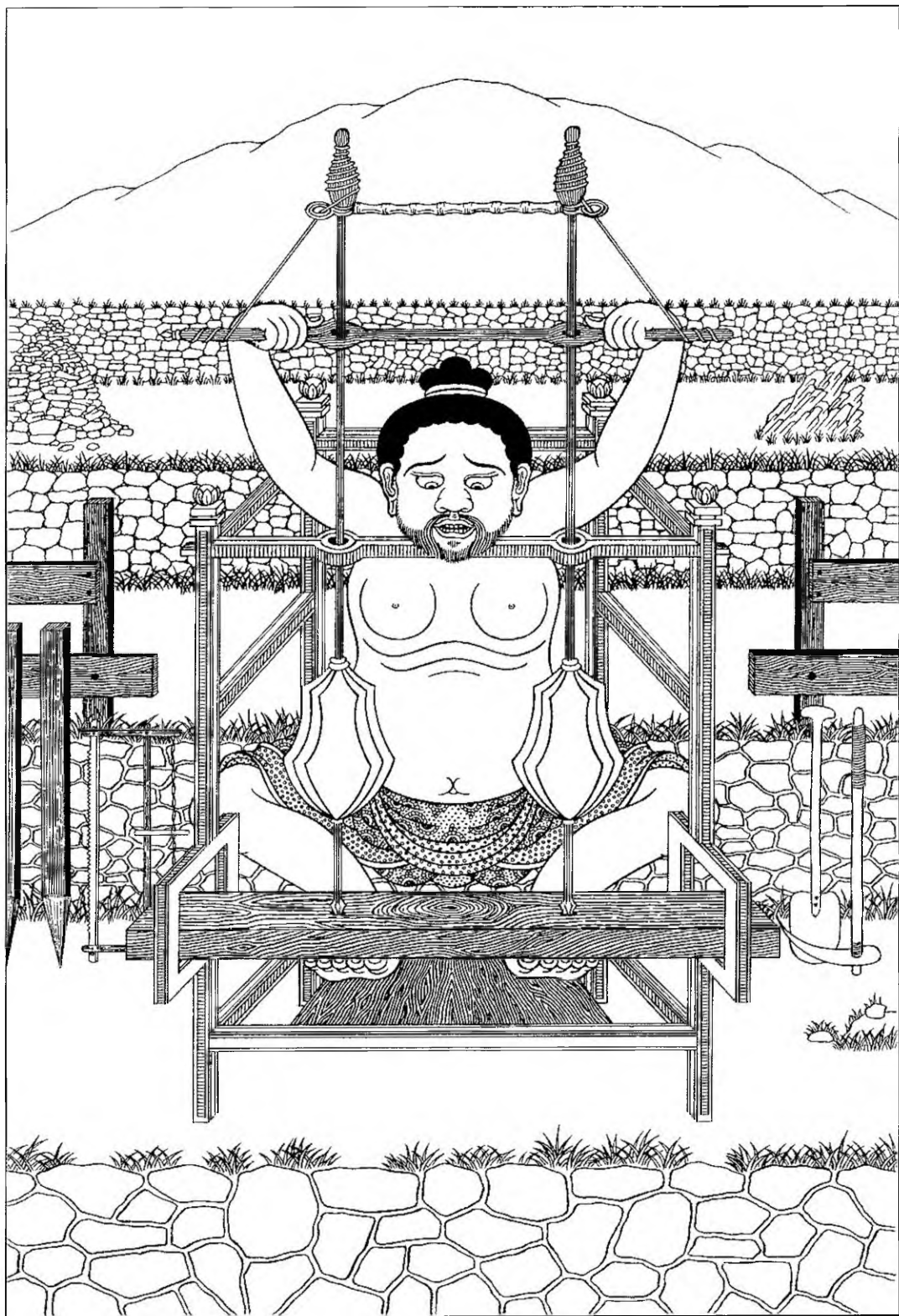
Коталипа с горечью отвечал: «Когда-то у меня был надел чернозема и прекрасная ферма. Но земля оказалась между враждующими королевствами, их правители сожгли все дотла, а нам пришлось бежать. Теперь, кроме этих скал, у нас нет ничего, но здесь мы хотя бы в безопасности».

Тогда Мастер спросил: «Если бы у тебя была мантра для вспахивания каменных глыб и надлежащие наставления, ты стал бы практиковать?»

«О да, святой Мастер, непременно стал бы!» — воскликнул Коталипа в ответ. Тогда Шантипа поведal ему о шести совершенствах, а крестьянин внимательно слушал его поучения.

«Можно концентрироваться на физическом страдании как на объекте медитации, — произнес Шантипа. — Но без понимания истинной природы ума это может стать смертельной ловушкой».

*Тело твое истощено от тяжелой жизни,
Ты все время следовал карме
Шестиступенчатой порочности:
Вспахивание земли — было щедростью,
Ненасилие — моральным поведением,
Противостояние боли — терпением,
Постоянное усилие — упорством,
Неиссякаемая энергия — концентрацией,*

А понимание этого пути — совершенным осознанием.
 Этот кармический путь по сути своей вредоносен.
 Оставь его и практикуй карму
 Шестиступенчатого совершенства:
 Пусть преданность Гуру станет щедростью,
 Сдерживание ума — моральным поведением,
 Постоянность природы ума — терпением,
 Медитация на природу ума — упорством,
 Всецелая погруженность — концентрацией,
 А восприятие реальности — совершенным осознанием.
 Практикуй эти наставления и обретешь Освобождение.

Коталипа попросил более точных пояснений. Тогда Шантипа поведал ему:

«Прежде всего ты должен обрести полное доверие к Гуру. Поскольку ум является источником любой боли и любых наслаждений, ты должен осознать чистоту его природы. Ум подобен скале — незыблемой, неколебимой. Вскопай его лопатой сияющего знания. Подобно тому, как руки твои одновременно могут выполнять разные части одной и той же работы, дополняя друг друга, научись вскапывать свою гору и в то же время медитировать на истинную природу ума».

Без этих наставлений можешь до смерти
 Вскопывать эти скалистые уступы,
 Но так и не поймешь чистого блаженства
 Истинной природы ума.
 Поэтому внимай своему Гуру
 И возделывай скалы своего ума.

Двенадцать лет с нераздельной концентрацией возделывал Коталипа склоны горы и свой собственный ум, а затем обрел сиддхи. Долгие годы он бескорыстно помогал всем существам, а в конце вознесся в Чистую страну дакинй.

ИНДРАБХУТИ

Просветленный король

*Без спонтанной вспышки благосклонности
В подходящий момент
Не сможет проявиться пробуждение йогина.
Не существует разницы между совершенным блаженством
И Буддой. Отсеки все узы привязанности,
Испытай истинное блаженство.*

Страна дакинй Уддияна состояла из двух королевств, равных по числу подданных. Шамбалой, насчитывавшей двести пятьдесят тысяч домов, правил король Индрабхути, а в Ланкапури царствовал Джалендра. Разница заключалась лишь в том, что подданные Индрабхути поклонялись Будде, а народ Джалендры — Брахме. И хотя правители ладили друг с другом, они решили, что достигнут еще большей гармонии, если оба королевства соединит подходящий брак.

У короля Индрабхути была сестра, семи лет от роду. Уже в таком раннем возрасте обещала она стать красавицей с выдающимся интеллектом. Однажды Джалендра отправил в соседнее королевство послов — просить у Индрабхути руки принцессы Лакшминкары для своего единственного сына. Лишь только религия разделяла их, но поскольку дела духовные никогда не нарушали мирного соседства двух королевств, решено было, что этот союз — как раз то, к чему стремились оба монарха.

Вскоре после официальной помолвки через королевство Шамбала случилось проходить Гуру Лавапе, которого также знали под именем Камбала. Его призвали к дворцу, где он дал поучения женам короля и маленькой принцессе. Наставления Гуру глубоко тронули юную Лакшминкару, она тут же принялась практиковать со всем своим пылом.

Год спустя молодой принц из Ланкапури приехал в Уддияну, чтобы вернуться домой со своей невестой. Все жители Шамбалы с восторгом приветствовали принца и его свиту, восхищаясь его дивными дарами — слонами, превосходными скакунами и несметным количеством золота, серебра и драгоценностей. Встреча помолвленных была недолгой — принцу сообщили, что юная Лакшминкара еще слишком мала, чтобы оставить свой дом и привычную обстановку, поэтому он вернулся домой ни с чем.

Сильно удивился этому король Джалендра, но не стал настаивать на свадьбе. А когда принцессе исполнилось шестнадцать, он отправил в Шамбалу еще один кортеж с дарами еще более роскошными. Принцесса же в это время практиковала свою садхану, и обязанности жены ей были совсем не по душе. Когда же наконец она прибыла в непросветленное королевство Ланкапури, отвращение ко всему мирскому переполнило ее. Под покровом ночи она убежала из дворца и поселилась в горной пещере.

Со временем принцесса-йогиня обрела сиддхи Махамудры — высший уровень постижения, а затем вернулась в Ланкапури и стала передавать учение Будды уборщикам отхожих мест во дворце Джалендры и другим отверженным. Спустя годы бескорыстного труда на благо других она вознеслась в Чистую страну дакинй.

Еще в то время, когда юная принцесса только переехала в свой новый дом, ее возмутительное поведение потрясло весь двор, а вместе с ним и все королевство. Джалендра незамедлительно послал гонцов к королю Индрабхути с просьбой помочь ему вразумить Лакшминкару.

Однако ответ Индрабхути удивил короля Джалендру еще больше. Пораженный вестью о поступке сестры, король Индрабхути переполнился ощущением собственной неполноценности, граничащим со стыдом. «Моя младшая сестра достигла состояния Будды, — думал он про себя. — А чем занимался я все это время? Я живу в полном комфорте, довольный собой. Лакшминкара постигла тайну самого бытия, в то время как я только управляю этой страной. Теперь мне ясно, что тяжелое бремя правления — это наказание, которое я несу из-за своей кармы». С такими мыслями он отрекся от престола и решил следовать духовному пути своей сестры.

После коронации своего сына Индрабхути уединился в небольшом дворце, где двенадцать лет практиковал садхану и наконец обрел сиддхи Махамудры.

Как-то раз сын Индрабхути и те, кому старый король был дорог, решили навестить его. Перед входом во дворец прямо над их головами раздался громкий голос. Молодой король со свитой подняли головы и не поверили своим глазам: в воздухе на великолепном троне парил сам Индрабхути.

Гости обрадовались так, будто сами только что достигли первого уровня пути Бодхисаттвы, и простерлись ниц перед Индрабхути. Семь дней парил старый король в воздухе, передавая своему сыну и старым друзьям «поучения о немыслимой глубине и безграничности». На восьмой день в сопровождении семисот учеников Индрабхути в своем теле вознесся в Чистую страну дакинй.

ДЖАЛАНДХАРА

Избранный

*Позволь благословению проявиться в тебе —
Собери все мысли, все концепции
Чувственных, эстетических и бесформенных миров
В проясняющую вселенную тела, речи и ума:
Тело проявлений,
Речь вибраций и чистых форм,
Ум — чистого осознания.
Соедини их в три физических канала:
Субъективность мужской лаланы и Объективность женской расаны,
Становящиеся пустыми в авадхути — всеобъемлющем уме.*

В городе Туркхара жил брахман по имени Джаландхара. Он был человеком высокодуховным, и чем тоньше становилось его осознание, тем большее отвращение внушала ему обыденность. Однажды он полностью отрекся от своей прежней жизни, оставил все сбережения и переселился на кладбище. Медитируя под кроной дерева, он вскоре полностью погрузился в состояние блаженства. Тогда с небес раздался нежнейший голос дакини:

«О, благородный сын мой, да познаешь ты окончательную истину!»

Радость переполнила сердце Джаландхары. День за днем он молился своей дакине-гуру и однажды она предстала перед ним. Дакиня дала брахману посвящение в Хеваджру, а также наставления о фазе завершения в медитации:

«Собери все восприятие — внутренние и внешние явления, три сферы бытия, мир всех проявлений во всем его многообразии форм. Помести их в тонкие уровни тела, речи и ума. Затем пусть станут пустыми все идеи, все ментальные построения относительно тела, речи и ума и трансформируются в тонкие энергии мужских и женских физических каналов — лаланы и расаны. Переместись за пределы этой тонкой двойственности в центральный столб физической энергии — чистое осознание авадхути. Выброси все обломки своих прежних привычек восприятия через ворота чистоты на макушке головы. И с этого момента медитируй на безраздельность проявлений и пустоты».

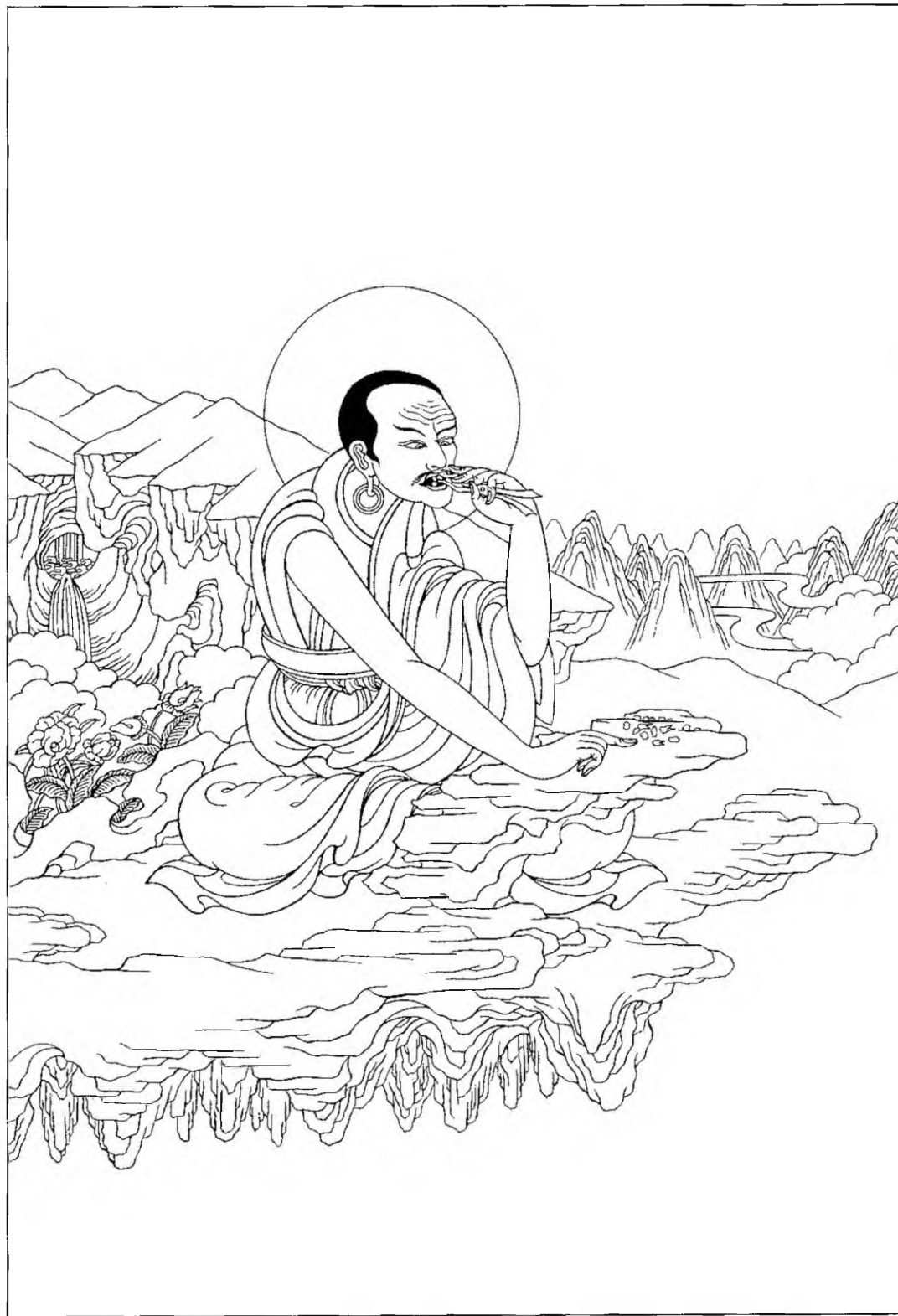
Затем дакиня пропела Джаландхаре:

*Когда все твои мысли о реальности
Соберутся в тело, речь и ум,
Когда белый поток лаланы и красный расаны
Сольются в чистоту авадхути,
Когда все, что осталось, извергнется
Через сердце тысячелистного лотоса,
Тогда в пространстве — в чистой йоге —
Знай, что пустота является высшим блаженством.
Старайся удержать неразделимый союз
Чистого блаженства и чистой пустоты.*

Семь лет медитировал Джаландхара так, как научила его Гуру-дакия, и в конце обрел сиддхи Махамудры. Еще долгие годы самозабвенно трудился он ради блага бесчисленных существ и, когда пришло время, с тремя сотнями учеников в своем теле вознесся в Чистую страну дакинь.

БХИКСАНАПА

Сиддха с двумя зубами

*Подобно канатоходцу,
Совершенный йогин, обладающий идеальным равновесием,
Шагает по натянутой веревке;
Ее две нити — методов и мудрости —
Сплетены в союз чистого блаженства.
Следуя по стопам наставлений Гуру,
Я пришел в несравненный, недостижимый
Храм постижения.*

Когда-то, давным-давно, жил в Паталипутре один человек из низкой касты и звали его Бхиксанапа. Однажды ему неслыханно повезло — скончался его престарелый родственник, оставив ему небольшое наследство.

Бхиксанапа так долго желал всевозможных вещей, что тут же принялся кутить. Не заботясь о завтрашнем дне, он следовал за ветрами своих желаний, устраивал пиршества в тавернах, покупал новые одежды и водил компании друзей, услужливо помогавших потратить деньги. В мгновение ока остался он голодным, без гроша в кармане и без друзей.

Теперь ему ничего не оставалось, как просить милостыню. В поисках жалких объедков бродил Бхиксанапа из города в город. Однажды, когда удача совсем отвернулась от него, а желудок был пуст, он набрел на уединенное место в джунглях и целиком предался своему горю.

В отчаянии и тоске он не переставал бранить себя и весь мир, пока наконец одна дакия не сжалилась над ним. В своем полном великолепии она предстала перед беднягой, который от неожиданности и испуга едва не лишился чувств. Нежнейшим голосом дакия заговорила и поинтересовалась, что могло так опечалить путника. Придя в себя, бедняга поведал ей свою горькую историю.

«У меня есть методы, которые исполняют твои желания», — сказала дакия.

«Тогда прошу тебя, пожалуйста, научи меня! — взмолился бедняк. — Мне больше некуда податься».

«А что ты дашь мне взамен?» — спросила дакия.

Бхиксанапа принялся обыскивать себя в тщетных попытках найти хоть что-нибудь, что можно было бы подарить дакине, но кроме рваных лохмотьев ничего не обнаружил. Тогда ему в голову пришла дикая мысль. Изо всех сил сжав челюсти, он выбил себе зубы; уцелели только два — один вверху, а другой — внизу. Выбитые зубы Бхиксанапа поднес дакине в благодарность за поучения.

Это было знаком: Бхиксанапа был способен к высшему мышлению, а его поступок выражал союз блаженства и пустоты — танец дакини и Гуру. И тогда без промедления дакия даровала Бхиксанопе посвящение в союз искусных методов и совершенной мудрости и надлежащие наставления.

Семь лет медитировал Бхиксанапа и в конце увидел истину этого единства. Неиссякаемая добродетель и сила Будд проявилась в потоке его ума, и он достиг цели. Он стал известен как Сиддха с двумя зубами. Бхиксанапа продолжил странствовать по городам и селам, прося милостыню, но теперь он делал это ради тех, кто был готов к его поучениям. Спустя много лет он вознесся в Чистую страну дакинь.

ГХАНТАПА

Монах, давший обет безбрачия

*Чтобы пробудить в себе благословение,
Соедини накрепко три физических канала —
Лалану, расану и авадхути.
Чтобы обрести постижение,
Обратись к трем вещам —
Наставлениям Гуру,
Природе ума
И чистоте явлений.*

У короля Наланды был сын по имени Гхантапа. Еще юношей он отказался от своего права занять престол и поступил в монашескую академию, а со временем стал известным и уважаемым монахом. Но шли годы, жизнь в монастыре не приносила желаемого удовлетворения, и тогда Гхантапа снял с себя монашеские одежды и стал странствующим йогиним. Однажды он повстречался с Гуру Дарикапой, от которого получил посвящение в мандалу Самвары.

Следуя совету Гуру, Гхантапа отправился в Паталипутру, где король Дэвапала правил одним миллионом ста тысячами домами, и поселился под раскидистым деревом на окраине города — там, где уже начинались джунгли. Добывая пропитание милостыней, Гхантапа продолжил практиковать свою садхану.

Король Дэвапала был религиозен и благочестив. В течение многих лет принимал он в своем королевстве бесчисленных монахов и йогиним, но, несмотря на все свое бескорыстие, король считал, что еще не накопил достаточно заслуги для будущих благоприятных перерождений. Его так удручала эта мысль, приводя в дурное расположение духа, что королева поинтересовалась, не пригласить ли придворного доктора.

Король Дэвапала признался ей в своих духовных терзаниях и попросил совета. Жена на мгновение задумалась, затем лицо ее просияло от радости, и она захлопала в ладоши.

«Так работает карма! — воскликнула она. — Я буквально сегодня узнала, что в наше королевство прибыл великий святой, образец нравственного поведения. Он расположился под деревом на окраине города».

«Дорогая, — возразил ей король. — Я благоденствую стольким святым, но мой ум по-прежнему не находит покоя».

«О, этот йогин — совершенно особенный, — настаивала королева. — Я нутром чувствую. Нам нужно только уговорить его поселиться у нас во дворце, и я уверена — с его помощью ты достигнешь высшего состояния ума. Давай устроим в честь этого йогина грандиозное пиршество — ведь у него ничего нет, кроме одежд и миски для подаваний!»

Увлеченная этой затеей, королева принялась составлять праздничное меню: восемьдесят четыре вида редчайших карри, четырнадцать типов восхитительных сладостей, изысканные вина и пять разновидностей напитков — такое угощение достойно самих богов! Йогин наверняка порадует такому гостеприимству!

Король Дэвапала был человеком чрезвычайно щедрым, и эта идея пришла ему по душе. Уже на следующее утро он отправил слуг к Гхантапе с приглашением на пир. К всеобщему удивлению, Мастер отказался, посланники вернулись ни с чем.

На следующий день король в сопровождении свиты лично отправился к Гхантапе. Совершив простирания перед Мастером, монарх со всем красноречием, на которое был способен, попросил Гхантапу посетить дворец.

«Я уже дал свой ответ вчера, — сказал Гхантапа. — Зачем же ты пришел?»

«Чтобы предложить тебе бескорыстную поддержку и выразить веру в твое святое присутствие», — ответил король.

«Твое королевство — обитель порока, — резко произнес на это Гхантапа. — Я не приду».

Слова Мастера, как острый клинок, поразили Дэвапалу в самое сердце — разве не являла его жизнь пример, достойный подражания? Однако монарх продолжал настаивать на своем:

«Я прошу твоего снисхождения. Пожалуйста, почти нас своим визитом и оставь жить во дворце целый год».

И снова Гхантапа ответил отказом. Тогда король попросил его провести во дворце полгода, три месяца... две недели... и наконец хотя бы один час.

Но Гхантапа был неумолим: «Ни за что на свете этому не бывать! Все твои действия, все мысли, все слова твои наполнены грехом. Оставь себе свои пиршества и земные утехы — мне они не нужны!»

Сорок дней приходил к Гхантапе король, умоляя Мастера посетить его дворец. И каждый раз получал отказ. Наконец уязвленная гордость монарха взяла верх: в сердцах короля и королевы поселилась ненависть к Гхантапе.

Ни единого доброго слова не хотели они больше слышать о Мастере. Сгорая от злобы, король разослал во все уголки своего государства указ: тому, кто докажет, что добродетель и целомудрие хвастливого монаха являются досужими домыслами, я отдам в дар полкоролевства и сто мер чистого золота.

Королевский указ услышала и знаменитая куртизанка по имени Дарима — хитрейшая из всех продажных женщин, когда-либо живших на этой земле. Замаячившая перед ней возможность легко обрести богатство и власть заставила ее действовать. Облачившись в свои лучшие наряды, она в сопровождении слуг отправилась во дворец и добилась аудиенции у короля.

«Ваше величество, желание ваше скоро исполнится, — произнесла куртизанка. — Не сомневайтесь — я смогу сделать так, что падение этого монаха, причинившего вам столько хлопот, станет неизбежным».

«Что же, тогда сделай все, на что ты способна», — отвечал король, которого очаровали красота и ум куртизанки.

Однако Дарима оказалась еще коварнее, чем предполагал король. Совсем не себя хотела она предложить монаху — о нет! В ее чудном шелковом рукаве была до поры до времени спрятана козырная карта — двенадцатилетняя дочь. Соблазнительная походка, нежная речь, чувственные бедра и округлые груди — само солнце останавливало свой ход на небосклоне, завидев блистательную красоту юной девы. По замыслу коварной куртизанки, монах будет не в силах устоять перед удивительным сочетанием чувственности и девственной чистоты ее дочери.

Девять дней приходила Дарима к Гхантапе на рассвете, ни разу с ним не заговорила. Каждый раз она простиралась ниц перед Мастером и обходила его с почтением и преданностью. На десятый день она выразила йогину свою просьбу: «Прошу тебя, позволь мне предоставить тебе кров и всяческую заботу на сезон летних муссонов!»

Но Гхантапа отказал ей так же, как когда-то королю Дэвапале. Грозовые тучи все сгущались, предвещая приближение дождей, а Дарима продолжала приходить к монаху каждое утро в течение целого месяца, умоляя Мастера позволить ей заботиться о нем и не гнушаться ее гостеприимством. Наконец, не видя в этом никакого вреда, Гхантапа согласился.

На седьмом небе от радости, Дарима вернулась домой. Решив отпраздновать близкую удачу, она устроила для всех своих друзей и покровителей пышное торжество. Пока все веселились, она то и дело напевала себе под нос:

*Любовные утехы — неотразимое оружие женщины,
Обманом исполнит она все желания.
Коварством своим соблазну я любого,
А монах при всей его святости — всего лишь мужчина!*

Когда наконец начался дождь, Гхантапа укрылся в небольшой хижине, которую Дарима приказала соорудить для него на окраине своего домовладения — там, где к дороге примыкали джунгли. По просьбе предусмотрительного монаха в течение первых двух недель пищу ему приносили слуги только мужского пола: это были незатейливые блюда из риса и свежая ключевая вода.

На пятнадцатый день куртизанка приготовила для Гхантапы роскошное угощение. Она нарядила свою дочь в шелка и драгоценности, достойные принцессы, и отправила ее прислуживать Мастеру. Пятьдесят слуг сопровождали девочку — у каждого в руках был поднос с изысканными яствами. У жилища Мастера они оставили блюда, источавшие божественный аромат, а вместе с ними и восхитительную деву и удалились.

Увидев чудесные деликатесы и юную красавицу, Гхантапа с подозрением спросил: «Кто ты такая?»

«У прислуги — неотложные дела, поэтому сегодня прислуживать тебе буду я», — нежным голосом отвечала соблазнительная дева.

Она подносила Мастеру одно лакомство за другим, а между тем послепоуденные тучи все сгущались, должна была начаться гроза.

«Теперь ты должна уйти!» — строго приказал Гхантапа.

«О, прошу тебя, святой господин! — взмолилась девушка, с опаской поглядывая на небо. — Я вижу тучи пяти цветов — вот-вот начнется дождь, а на целые мили отсюда нет другого укрытия от непогоды, кроме твоей хижины!»

В тот же миг прогремел гром, и с небес стремительным потоком обрушился ливень. С большой неохотой монах согласился оставить девушку в своей хижине, с условием, что она будет держаться на расстоянии. Все время, пока лил дождь, юная соблазнительница с нежным румянцем на щеках одаривала ни о чем не подозревавшего монаха застенчивыми улыбками. Однако все ее уловки совершенно не действовали на Мастера.

Гроза прекратилась только к заходу солнца. И тотчас Гхантапа приказал девочке возвращаться домой.

«Добрый господин, вы ведь не отпустите меня одну, в полной темноте, на дороге! — дрожащим голосом пролепетала она. — Там полно разбойников — чтобы завладеть моими драгоценностями, они перережут мне горло!»

Гхантапа понимал, что страхи девушки не беспочвенны, и потому позволил ей переночевать на улице, перед хижинкой. Наступила ночь, и ей стало так страшно одной, что она жалобно попросила защитить ее. Обреченно вздохнув, Гхантапа снова позволил ей остаться в его жилище.

Убежище монаха было совсем крошечным. И монах, и девушка постоянно ворочались во сне, и их тела неизбежно соприкоснулись. Затем сплелись руки и ноги, и вскоре они преодолели четыре уровня радости и, пройдя путь освобождения, достигли окончательного блаженства.

В течение шести предыдущих жизней эта самая девушка была причиной падения монаха. Шесть раз по ее вине нарушал он обеты. Но в те времена его ум еще не был очищен, тогда все еще существовали для него «да» и «нет» — субъективно-объективная реальность, воспринимаемая через пелену, застилающую глаза. Но в этой жизни все загрязнения растворились, слившись с бесконечностью пустоты, и Мастер обрел путь истины.

На следующее утро он попросил девушку остаться с ним. Она согласилась. И поскольку подруга йогина служила ему в течение шести жизней, все омраченности ее ума также очистились.

Через год у них родился ребенок.

Король Дэвапала постепенно терял терпение в ожидании своего триумфа над святым монахом. Он отправлял Дариме одно послание за другим и требовал известий об успехе ее затеи. Но хитрая куртизанка умело тянула время. Три года посылала она королю уклончивые ответы, полные обещаний близкой победы. А в это время верные слуги Даримы сообщали ей обо всем, что происходило в маленькой хижине Гхантапы.

Наконец Дарима решила рассказать обо всем королю, мечтавшему насладиться местью. Услышав новости, король Дэвапала пришел в полный восторг: его стремление к торжеству всеобщей морали наконец победит, а этот якобы святой монах понесет заслуженное наказание. «Передай своей дочери и монаху, что через три дня я приеду навестить их», — приказал он Дариме.

Когда йогин и его партнерша услышали эту весть, девушка испугалась издевательств жителей Паталипутры и не на шутку разволновалась за безопасность ребенка. Гхантапа спросил тогда, что она предпочтет — остаться и пережить унижение или укрыться в другой стране. Девушка умоляла его о побеге, и Гхантапа согласился.

В назначенный день король призвал всех жителей своей страны стать свидетелями нравственного падения монаха. Верхом на слоне, украшенном великолепной попоной, король Дэвапала возглавил ликующую процессию своих верноподданных, направлявшуюся к хижине йогина.

А в это время Гхантапа и его спутница готовились к бегству. Монах спрятал ребенка под одеянием, взял в руки кувшин со спиртным, жена собрала их немногочисленные пожитки, и они вышли на улицу. Не слыша приближения толпы, они

миновали поворот, и лицом к лицу столкнулись с королем в сопровождении огромной массы народа.

Царственно восседая на слоне, король Дэвапала окинул беглецов уничтожающим взглядом. «Что это у тебя в руках и что ты прячешь там, у себя под рясой?» — прогремел его голос. «Кто эта девушка? И почему она рядом с тобой?» — требовал он ответа, наслаждаясь долгожданным возмездием.

Гхантапа остановился посреди дороги. Без страха он посмотрел прямо в глаза королю и голосом в два раза громче произнес: «У меня в руках кувшин со спиртным!»

Толпа ахнула.

Тогда Гхантапа раскрыл полы своей одежды и поднял ребенка. «Под одеждой у меня мой сын!»

По толпе прокатилась волна ярости.

«А это — моя супруга!» — сказал Гхантапа, обняв девушку.

Из толпы полились проклятия и требования наказать порочную семью. Тогда король поднял руку, и воцарилась тишина.

«Итак, — произнес он, наслаждаясь каждым мгновением своего торжества, — этот монах отказался посетить мой дворец, назвав меня грешником. А между тем у него любовница — дочь проститутки и незаконнорожденный ребенок, да к тому же он пьет алкоголь!»

«На мне нет порока, — спокойно ответил Гхантапа. — Так зачем же ты оскорбляешь меня?»

Король повторил свои обвинения, и в толпе раздались свист и улюлюканье. Тогда Гхантапа с силой швырнул наземь кувшин и ребенка, вызвав ужас у богини земли. В тот же миг, задрожав, земная твердь разверзлась, и из недр вырвался поток воды.

Ребенок мгновенно превратился в молнию, а кувшин — в колокольчик. Схватив их, йогин вместе со своей партнершей вознесся на небо. Они превратились в Самвару и Ваджраварахи в союзе и парили над головами короля и всех его подданных.

А вода тем временем все прибывала.

«Мы принимаем прибежище в Мастере!» — закричали люди, уходя под воду. Однако Гхантапа оставался неумолим в самадхи незыблемого гнева.

Когда казалось, что смерти уже не избежать, внезапно появился Бодхисаттва Сочувствия. Своей святой ногой Авалокитешвара закрыл источник, и воды снова утекли под землю. Все были спасены. Тут же жители Паталицутры и сам король Дэвапала совершили в грязи простирая перед Гхантапой и стали умолять его о прощении. И словно по волшебству там, где земли коснулась нога Бодхисаттвы, возникла его каменная статуя. Она стоит там и по сей день, а у ее ног находится источник чистой ключевой воды, струя которого достигает в высоту почти двух метров.

А Гхантапа, паря над собравшимся народом, произнес: «Нравственное поведение без понимания может стать величайшим препятствием к исполнению обета Бодхисаттвы о безусловном сочувствии. Не возвращайте «добродетель» и не отрекайтесь от «порока» — научитесь принимать вещи такими, какими они проявляются. Проникайте в суть каждого переживания, пока не обретете единый вкус».

И в конце он пропел им свою песнь:

*Лекарства исцеляют, а яд убивает;
Но абсолютная суть их — одна и та же.
И позитивные, и негативные качества
Помогают на пути —
Мудрец ничего не отвергает.
Непросветленный глупец же,
Отравленный пять раз,
Навсегда теряет себя в сансаре.*

Эти поучения подарили озарение королю и всему народу. Подобно тому, как дуновение свежего ветра рассеивает облака, все их самодовольство и мелочные пред-
рассудки исчезли без следа, и в лotosовой середине сердца каждого человека ро-
дилось доверие.

Гхантапа стал известен как Держатель колокольчика, и слава о нем разнеслась по всей земле. Обретя великую силу и добродетель Будды, йогин и его партнерша вознеслись в Чистую страну дакинй.

ЧАМПАКА

Король цветов

*Мудрость и Ясный свет методов неразделимы.
Неизменный поток Гуру становится всеобъемлющим.
Спонтанно проявляется из почвы бытия
Сахаджа — древо, исполняющее желания;
Его плод — Три состояния — сияющее совершенство.*

Свое название королевство Чампа получило от душистых, подобных магнолиям, цветов, в избытке произраставших на его просторах. И даже король взял себе имя этого чудесного цветка. Во владениях Чампаки цветы можно было увидеть повсюду, а те, кому повезло стать его подданными, имели несметные богатства и не ведали пределов удовольствиям.

Молодой король блаженствовал, наслаждаясь удачей, властью и утонченностью своего двора. Жизнь казалась бесконечной чередой всевозможных усад, и его мало заботили мысли о будущем.

Однажды во дворец пришел йогин и попросил дать ему еды. Молодой король принял его в летнем домике, который, подобно драгоценному камню, утопал в благоуханных кустах чампаки. Трон короля был усыпан источавшими сладкий аромат цветами; бархатистые лепестки застилали его ступени и каскадом спускались на пол, покрывая его подобно ковру. Среди этого благоухания король омыл йогину ноги, подал ему мягкие подушки и приказал приготовить для гостя изысканнейшие яства. Затем он отклонился на спинку трона и принялся внимательно слушать йогина.

То, что услышал Чампака, так глубоко тронуло его сердце, что он попросил йогина остаться во дворце и стать священником. Йогин ответил согласием.

Показывая йогину королевский дворец и сад, Чампака спросил его:

«Ты много где побывал — скажи мне, видел ли ты где-нибудь цветы, подобные этим? Встречался ли с королем, как я?»

«Таких цветов я не видел ни в одной стране, — ответил гость. — Их красота и аромат вне всяких сравнений».

Молодой король засиял от гордости, а йогин меж тем продолжал:

«Однако ты живешь так беззаботно, что запах твоего собственного тела далек от совершенства. Твое королевство превосходит многие другие, но какой в этом толк, если даже тебе придется покинуть этот мир с пустыми руками?»

Король был потрясен — впервые он задумался не только о сиюминутных наслаждениях, но и о жизни, смерти и перерождении.

Прошло несколько дней, и король снова обратился к своему Гуру. Он поведал о том, что вынес из их беседы, и попросил дальнейших наставлений, которые помогли бы ему избавиться от привязанности к собственному телу. Тогда, чтобы дисциплинировать ум Чампаки и направить его в русло сочувственного осознания и добродетельного поведения, йогин дал своему ученику поучения о карме — законе причины и следствия, который управляет всеми поступками человека. После этого Мастер дал ему посвящение в путь йоги построения и завершения.

Король со всем пылом принялся выполнять свою практику. Однако его ни на минуту не покидали сомнения в том, насколько верно он медитирует. Как только королю удавалось сконцентрироваться, опьяняющий аромат цветов чампаки отвлекал его.

В отчаянии он обратился за помощью к своему Гуру. А тот предложил королю использовать то, что его отвлекало, как камешки, переступая по которым можно было достичь цели.

*Познай, что природа всех явлений — пустота:
Цветок — это наставления Гуру,
Твой ум должен опуститься в цветок, подобно голодной пчеле,
И собрать пыльцу, которая станет бесконечным нектаром.
Нет никаких различий между
Цветком, пчелой и пыльцой —
В своей окончательной природе они неразделимы.
А мед! Мед — это чистое наслаждение.
Так учил сам Махаваджрадхара — Шестой Будда.
Медитируй без страха, без сомнений.*

Двенадцать лет медитировал Чампака на цветок чистой сущности и осознал истину слов Гуру о пустоте всех явлений. Инстинктивно постиг король, что сущность его собственного ума совершенно неотделима от высшего переживания, к которому он стремился, и таким образом достиг своей цели.

Он стал известен под именем Гуру Чампакапада. Долгие годы давал он поучения Дхармы своим женам и придворным. А когда пришло время, вознесся в Чистую страну дакинь.

КУМБХАРИПА

Гончар

*Над вертящимся колесом привычных действий
Обретают форму музыка и танец существования.
В пламени мудрости и чистого осознания
Сгорят дотла все иллюзии.*

В городе Джоманшри жил когда-то один гончар по имени Кумбхарипа. День за днем он добывал глину, готовил смеси, лепил из них горшки, сидя за своим гончарным кругом, а затем обжигал их. Однажды вечером, когда у Кумбхарипы уже не было сил вертеть гончарный круг, у его лавки остановился йогин и попросил дать ему еды. Кумбхарипа пригласил йогина в дом, разделил с ним свой скромный ужин, а затем открыл гостю свое сердце.

«Гуруджи, — простонал он, — я больше не выдержу и минуты за этим кругом. Всю жизнь я тяну лямку, и не видно этому ни конца, ни края».

Какое-то время йогин вглядывался в гончарный круг, а потом вдруг закрутил его. «Разве ты не понимаешь, что ни одно живое существо, вращающееся в Колесе существования, ни на минуту не обретает истинного счастья? С безначальных времен существует лишь страдание. Не попадись в ловушку своих личных мелких невзгод. Все радости человека и все его удовольствия — не что иное, как мимолетные тени».

Глубоко тронули сердце гончара эти слова, и он попросил йогина обучить его практике садханы. Тогда Мастер дал ему посвящение в фазу построения и завершения в медитации:

*Из почвы неведения, из земли незнания
Происходит глина страсти, глина мысли, для того лишь,
Чтобы завертеться на колесе жадности и привязанности.
Слепи шесть горшков из шести уделов бытия
Сансарического неведения и иллюзий,
А затем обожги их пламенем чистого осознания.*

Гончар понял наставления Гуру и медитировал всего лишь полгода — по одному месяцу на каждый из миров сансарической иллюзии. А затем все загрязнения в его уме очистились, и он достиг цели.

Пока Кумбхарипа медитировал, его гончарный круг вращался сам собой, спонтанно из него выскакивали готовые горшки — подобно тому, как радость вырывалась из сердца ремесленника. Когда жители города узнали о том, что гончар обрел силу Будды, они сбежались отовсюду, сели у его ног и внимали его поучениям.

Долгие годы служил всем существам Кумбхарипа, а затем вознесся в Чистую страну дакинью.

ГОДХУРИПА

Ловец птиц

*Воспринимая все явления внутри и снаружи как ум,
Постигая природу ума как свет,
Засыная, бодрствуя, мечтая, медитируя
В Дхармакайе,
Обрел я полное пробуждение Будды.*

Годхурипа жил в городе Дисунагар и зарабатывал на хлеб, ловя птиц и продавая их на рынке. Однажды, когда он по своему обыкновению вынимал из расставленных сетей певчих птичек, мимо по дороге в город проходил странствующий йогин.

Увидев, как беспомощно бились в сетях крошечные создания, йогин спросил Годхурипу, зачем тот занимается таким жестоким делом.

«Я знаю, что это плохо, — ответил Годхурипа. — Вероятно, много зла совершил я в прошлых жизнях и теперь вынужден заниматься этим ужасным ремеслом, чтобы выжить. Я стыжусь своего жалкого существования, но это все, что я умею делать».

«Послушай, друг, — обратился к нему йогин. — Разве не известно тебе, что, ухудшая таким занятием свою и без того плохую карму, ты делаешь свои будущие жизни еще печальнее?»

Годхурипа присел под дерево и горько заплакал. Наконец он поднял на йогина красные, опухшие от слез глаза и взмолился о помощи.

«Если ты готов практиковать садхану, — сказал йогин, — то найдешь в своих сетях вечное счастье вместо вечной печали».

В ответ Годхурипа смиренно промолвил: «Если ты, святой человек, готов сжалиться над таким грешником, как я, как же я могу отказаться?»

Годхурипа выпустил из сетей всех пойманных птиц, и йогин даровал ему посвящение и разрешение практиковать садхану. Затем Гуру дал наставления по медитации, в которой следовало концентрироваться лишь на одном образе: «Представляй все звуки мира как птичье пение, пока звук и песня птицы не станут единым целым».

*Пусть твой ум растворится
В сущности нежной песни соловья.
Когда все звуки станут одним,
Проникни в сердце пенья соловьиного
И отыщи звучание тишины,
Где звук и тот, кто его слышит,
Становятся всеобъемлющим пространством.*

Следуя наставлениям Гуру, Годхурипа медитировал до тех пор, пока все звуки не стали едины и неотделимы от пустоты. Спустя девять лет все загрязнения его восприятия растворились в совершенной тишине, и он обрел сиддхи Махамудры.

Годхурипа не покидал этот мир еще сто лет, самозабвенно трудясь на благо всех живых существ. А затем, в окружении трехсот учеников, он в своем теле вознесся в Чистую страну дакинью.

КАПАЛАПА

Йогин с черепом

*Единство Ваджрадхары,
Недвойственность всех явлений —
Тайна черепа и шести украшений,
Само обманчивое эго:
Ничто из того не найти в поисках.*

В Раджапури жил когда-то человек из низкой касты, и была у него жена и пятеро сыновей. Однажды на город обрушилась эпидемия лихорадки, и вся семья бедняги заболела. Вскоре женщина в тяжелых муках умерла у мужа на руках. Потрясенный горем, оставил он своих больных детей и отнес тело любимой на кладбище.

Горько оплакивал он свою возлюбленную, сидя у ее трупа, но еще более печальные новости потрясли вдовца — умерли все пятеро его сыновей. Прodelав самый скорбный путь в своей жизни, принес он тела всех пятерых и уложил их рядом с трупом матери. У бедняги не осталось слез, чтобы оплакивать свою утрату, — раскачиваясь взад-вперед, словно в забытии, и устремив в никуда пустой взор, молча сидел он рядом с останками своей семьи.

Вдруг перед ним возник Гуру Кришначарья и присел рядом.

«Гуруджи, — безжизненным голосом произнес вдовец, — перед тобой — окончание всего моего счастья. Ничего больше не осталось мне в этой жизни как сидеть здесь, рядом с моей семьей, пока я сам не умру».

Йогин отвечал:

«Над всеми существами трех миров висит туча смерти. Не к тебе одному приходит страдание. Но раз ты считаешь, что больше не можешь быть полезен ни себе, ни другим, то почему бы тебе не начать практику садханы?»

Обездоленный бедняга стал умолять йогина дать ему поучения, и тогда Мастер даровал ему посвящение в мандалу Хеваджры и наставления относительно фазы построения и завершения в медитации.

Из костей пяти сыновей вдовца йогин смастерил украшения пяти Дхьяни-Будд — корону, серьги, ожерелье, браслеты, пояс и трезубец дакини. Затем он присоединил священную нить. И наконец, отрезав голову умершей жены, сделал из ее черепа чашу. «Представляй этот череп как форму в фазе построения в своей медитации, — сказал Гуру, поднося своему ученику чашу. — Пустота, которую он содержит, станет фазой завершения».

Капалапа медитировал девять лет так, как научил его Гуру, пока не смог соединить обе формы медитации, — таким образом он достиг цели. Собственным ученикам он пропел о своем постижении песнь:

*Я йогин черепа,
Я увидел в нем
Истинную природу всех вещей.
И активность моя теперь не знает преград.*

Еще пятьсот лет бескорыстно трудился Капалапа на благо всех существ, а когда пришло время, он в своем теле вознесся в Чистую страну дакинь.

ЧАРБАРИПА (Чарпати)

Сиддха, превративший людей в камни

*Высший обет всех Будд —
Это постижение себя.
Постигий чистоту собственного ума
Смотрит на мир глазами Будды.*

Давным-давно жил в Магадхе один скотовод, и был он необычайно богат. Стадо его насчитывало тысячу буйволов и неисчислимое множество коз, овец и лошадей.

Пришел день, и умер его престарелый отец. Согласно старой традиции, скотовод назначил пышные поминки и пригласил на них всех местных жителей. В то утро все семья отправилась к священному Гангу для омовения в его очищающих водах. В доме осталась лишь молодая жена — готовить поминки да присматривать за хозяйством. И пока она занималась своими делами, одной рукой придерживая на боку младенца, вдруг неожиданно перед ней появился Гуру Чарбарипа и попросил еды. Молодая женщина простерлась ниц перед ним и заплакала:

«О, святой господин! Я бы рада услужить тебе, да только муж мой и свекровь приказали мне не кормить никого, кроме гостей. И они точно побьют меня, если я ослушаюсь!»

Утерев ей слезы, йогин промолвил:

«Посмотри-ка вон туда, наверх! — и указал на вершину холма. — Видишь там мою хижину?»

Молодая женщина приставила ко лбу ладонь, защищая глаза от солнца. «Да, кажется, я вижу что-то там среди деревьев, — сказала она. — А почему ты спрашиваешь?»

«Если твой муж или свекровь даже слегка рассердятся за то, что ты накормила меня завтраком, бери дитя и приходи туда. Я тебя защищу», — ответил Гуру.

Женщина успокоилась и захлопотала на кухне. Приготовив йогину отменное угощение, она с большим интересом слушала его долгий рассказ.

Как только йогин ушел, на пороге появилась свекровь, а вместе с ней и проголодавшиеся гости. Заметив, что еды значительно поубавилось, свекровь учинила грандиозный скандал и так распекала бедную невестку, что от ее криков разрыдался младенец. Схватив драгоценное дитя, бедная женщина выскочила на улицу и со всех ног бросилась бежать. Она не останавливалась до тех пор, пока не наткнулась на убежище Чарбарипы.

Йогин вышел из своего жилища и с улыбкой поприветствовал молодую женщину. «Очень рад снова тебя видеть», — сказал он, забирая у запыхавшейся матери вопящего младенца. Ребенок тут же успокоился и заулыбался. Чарбарипа вернул его женщине, и тот мгновенно уснул. Тогда йогин смочил пальцы в миске со святой водой и побрызгал ею на мать и дитя. В мгновение ока оба превратились в каменные изваяния Будд — и не нужны им были больше ни еда, ни кров.

А в это время домой вернулся муж, но жены в доме не обнаружил. Мать, все еще кипя от злости, вновь принялась поносить невестку:

«Эта глупая, бестолковая, ни на что не годная bestия убежала из дома, да еще сына твоего прихватила!»

Огорченный мужчина послал слуг искать жену и ребенка. Все утро, весь день и всю ночь прочесывали они местность, но женщины и след простыл. На рассвете следующего дня скотник взобрался на вершину холма оглядеть окрестности, и там встретил йогина.

«Добро пожаловать!» — сказал Чарбарипа и обрызгал его святой водой. Скотник сразу же превратился в каменное изваяние Будды. Тогда йогин поставил все три образа — мужа, жены и ребенка — на небольшой пьедестал из камня.

В тот же день в поисках пропавшей женщины с ребенком на вершину холма взобрались и другие местные жители — поодиночке и небольшими группами. Всех их Чарбарипа превратил святой водой в каменные статуи, и к ночи у него собралось уже без малого триста образов Будд, застывших в совершенной медитации.

Благодаря этому преображению сын скотовода обрел восемь великих сил — сиддхи: из его яичек проявились кечари-сиддхи, из пениса — нектар, превращающий железо в золотое, из ануса — эликсир бессмертия, из глаз — способность летать и так далее.

Слава о чудесном ребенке разлетелась во все уголки земли, и даже король Чампы прибыл выразить ему свое почтение. Монарха так потрясло увиденное, что он приказал воздвигнуть два храма: один — для младенца и его родителей, а второй, еще больший по размерам, — для остальных изваяний Будд.

Со временем эти храмы на вершине холма обрели ауру святости и силы. Многие паломники приходили туда, чтобы практиковать садхану.

У этого места появилась и своя легенда. Она гласит: если практикующий в этом храме дрогнет в своей медитации или запутается в бесконтрольных мыслях, то каменные изваяния, превращаясь в людей, бьют его до тех пор, пока ум его снова не станет ясным.

КАНТАЛИПА

Штопальщик отрепьев

*Мудростью Гуру, как иглой,
И сочувствием, как нитью,
Сшиваю воедино я три сферы
В сияющие покровы йогина.*

Кантали родился в семье отверженных и всю свою жизнь сшивал старые лохмотья. И отец его, и дед зарабатывали на кусок хлеба этим тяжким ремеслом, и, трудясь от заката до рассвета, не ведал Кантали ни радости, ни сытости. Вся его жизнь состояла из нескончаемой череды каторжного труда и нужды.

Как-то раз, штопая отрепья, Кантали нечаянно воткнул иглу в палец, и хлынувшая кровь залила всю материю, над которой он трудился уже несколько часов. В отчаянии, потеряв остатки терпения, выскочил он из своей лачуги и побежал куда глаза глядят, пока не очутился в глухом лесу. Пав на землю, завыл он, как раненый зверь, и стал кататься в пыли и рвать на себе волосы.

Над беднягой сжалилась дакия Ветали — воплощение пустоты всех стихий. Она явилась перед ним в образе доброй старушки и участливо поинтересовалась, что его так опечалило.

Кантали поделился с ней всей болью, накопившейся в его сердце.

«Из твоей истории мне стало ясно, что в прошлой жизни ты много страдал, — сказала дакия. — Я боюсь, что и в будущей жизни, и в той, что за ней, да и в следующей боль будет преследовать тебя подобно тени, цепляющейся за пятки. В Колесе перерождений ты не найдешь ничего, кроме боли».

Кантали застонал: «Пожалуйста, прошу тебя! Покажи мне путь избавления от этой ужасной судьбы!»

«Я могу научить тебя практике садханы, — отвечала дакия. — Но уверен ли ты, что сможешь выполнять ее?»

«Если ты мне укажешь путь, ничто не остановит меня!» — воскликнул Кантали.

Тогда дакия без промедления дала ему посвящение в Хеваджру и наставления о четырех неограниченных состояниях ума. Она также обучила Кантали йоге отождествления с Гуру и йоге завершения.

Штопальщик отрепьев вернулся домой. Всеми силами старался он следовать своей практике, но всякий раз, когда пытался медитировать, мысли его возвращались к работе.

Тогда дакия снова возникла перед ним.

«Пусть твои мысли станут проводником на пути истины», — сказала она ему и пропела:

*Представь, что твои лоскуты — пустое пространство.
Представь, что игла твоя — внимательность и мудрость.
Вдень в нее нить сочувствия
И сшей новую ткань
Для всех существ трех миров.*

Обретя внутренний покой, Кантали снова взялся за свою работу. Он применял медитативную практику в точности, как посоветовала его Гуру-дакиня, и постиг пустоту составляющих любого переживания. И тогда мощный поток сочувствия поднял его вверх. А когда Кантали понял, что сочувствие и пустота неразделимы, он обрел сиддхи Махамудры. Долгие годы бескорыстно трудился он на благо всех существ, а когда пришло его время, вознесся в Чистую страну дакинь.

ДЖАЯНАНДА

Повелитель воронов

*Мое королевство — самадхи,
Сфера чистого осознания и мудрости.
Там покоюсь я в изначальной чистоте, свободный от двойственности,
Вне концепций и сбивчивых мыслей.
Благодаря постижению своему обрел я свободу.*

Давным-давно жил в Бенгалии один брахман. В тайне от всех оставил он свою религию и обратился к практике тантрического буддизма. Внешне жизнь его казалась такой же, как прежде, но внутренне она изменилась: оставаясь наедине с собой, брахман всецело отдавался таинствам Тантры.

Среди его практик было и подношение тормы — приготовленных особым способом, освященных калачей, символизирующих тело Йидамов. Согласно традиции, отдавая торму во время церемонии, остатки он выбрасывал на съедение собакам, птицам и голодным духам. Вскоре отменное угощение привлекло огромную стаю ворон. Невероятно умные существа, они стали каждый день в назначенный час собираться в ожидании своего заветного пиршества.

Необычное скопление ворон не укрылось от глаз ревнивого соседа Джаянанды, священника-брахмана. Будучи человеком консервативным, он заподозрил неладное и стал следить за Джаянандой. И вскоре обнаружил, что тот отступил от веры брахманов. Сосед поспешил доложить об этом королю. Ярый враг буддизма, монарх приказал заковать Джаянанду в кандалы и немедленно доставить во дворец.

«Нет никакого греха в том, чтобы совершать подношения богам, — произнес в свое оправдание Джаянанда. — Освободи меня от цепей!»

Но король был непреклонен и повелел заточить Джаянанду в темницу, находившуюся под дворцом.

В тот день, в привычный час церемонии, вороны, как всегда, слетелись к дому брахмана-отступника. Но напрасно ждали они заветных калачей. Тогда несколько разгневанных птиц отправились на поиски своего благодетеля и обнаружили его, прикованного цепями к холодным стенам подземелья.

Вскоре, подобно грозовой туче, огромная черная стая ворон заслонила собой все небо и устремилась прямо ко дворцу. Во все двери и окна врывались рассерженные птицы, заполонив очень скоро и тронный зал. Черные, как смоль, вороны бросались на головы людей, клевали их глаза и руки. С криками ужаса люди бросались бежать, истекали кровью, но нигде не было спасения от разъяренных птиц.

В это время во дворце находился человек, понимавший язык птиц. Он склонился к королю, прятавшемуся под троном, и рассказал ему, что вороны требуют освободить брахмана, ставшего для них и отцом, и матерью.

Потерпевший поражение король незамедлительно приказал привести Джаянанду. Тот вошел в зал, и вороны успокоились. Зловещей черной тучей осели они, ожидая исхода.

Монарх тем временем простерся перед Джаянандой и стал умолять его о прощении. Он взмолился, чтобы брахман повелел воронам покинуть дворец и пообещал лично заботиться об их пропитании.

Джаянанда что-то тихо прошептал своей пернатой семье, и, как один, все вороны тут же взмыли в небо. Когда король и его придворные увидели это, их сердца наполнились верой, и они приняли прибежище в Будде.

С того времени по указу короля каждый день по двадцать возов риса отдавали на корм воронам, а также распределяли между нуждавшимися жителями страны.

Еще многие годы провел Гуру в Бенгалии, трудясь на благо всех существ. Часто пел он такую песнь:

*Слушайте все, кто должен знать,
Слушайте победоносное слово Джаяны:
По милости Гуру обрел я совершенное постижение.
Моя сокровищница наполнена
Врожденным осознанием, являющимся спонтанно.
Теперь я — министр чистого блаженства
И не подчиняюсь более двору сансары.
Мой король — сияющая природа бытия,
Сокрушает она вражеские силы двойственности,
Не привязанная к мирским утехам.*

Спустя семьсот лет бескорыстной службы на благо всех Джаянанда вознесся в Чистую страну дакинью.

ДХИЛИПА

Любитель вкусно поесть

*Когда я постиг свою природу Будды —
Будда стал природой реальности.
Посвященный изначальным абсолютом,
Пронизан я нерожденным Держателем Алмаза.*

Дхилипа занимался отжимом масла из семян кунжута. Ремесло это оказалось очень доходным, и вскоре Дхилипа нажил такое огромное состояние, что уподобился Кубере — богу богатства. С головой тогда погрузился он в мир плотских удовольствий, но ничто не прельщало его более, чем отменная еда. Со всех четырех сторон света доставляли ему изысканные деликатесы и редкие травы да пряности. Дхилипа нанял лучших поваров, предпочитая тех, кто служил при дворах, и вскоре трапезы его стали поистине королевскими.

За каждым приемом пищи потреблял он восемьдесят четыре разновидности блюд, двенадцать видов сладостей, запивая все это пятью различными напитками. На счастье Дхилипы, король не ведал о том, что другой человек узурпировал царскую привилегию иметь лучший стол в государстве.

Однажды дом Дхилипы посетил пандита Бхахана. Было время ужина, и хозяин предложил гостю разделить с ним великолепный пир. После обильной трапезы пандита заговорил о боли и безысходности, присущих Колесу существования, и о методах освобождения от него. Хозяина так тронули эти поучения, что он попросил гостя остаться в его доме и стать священником для всего его семейства.

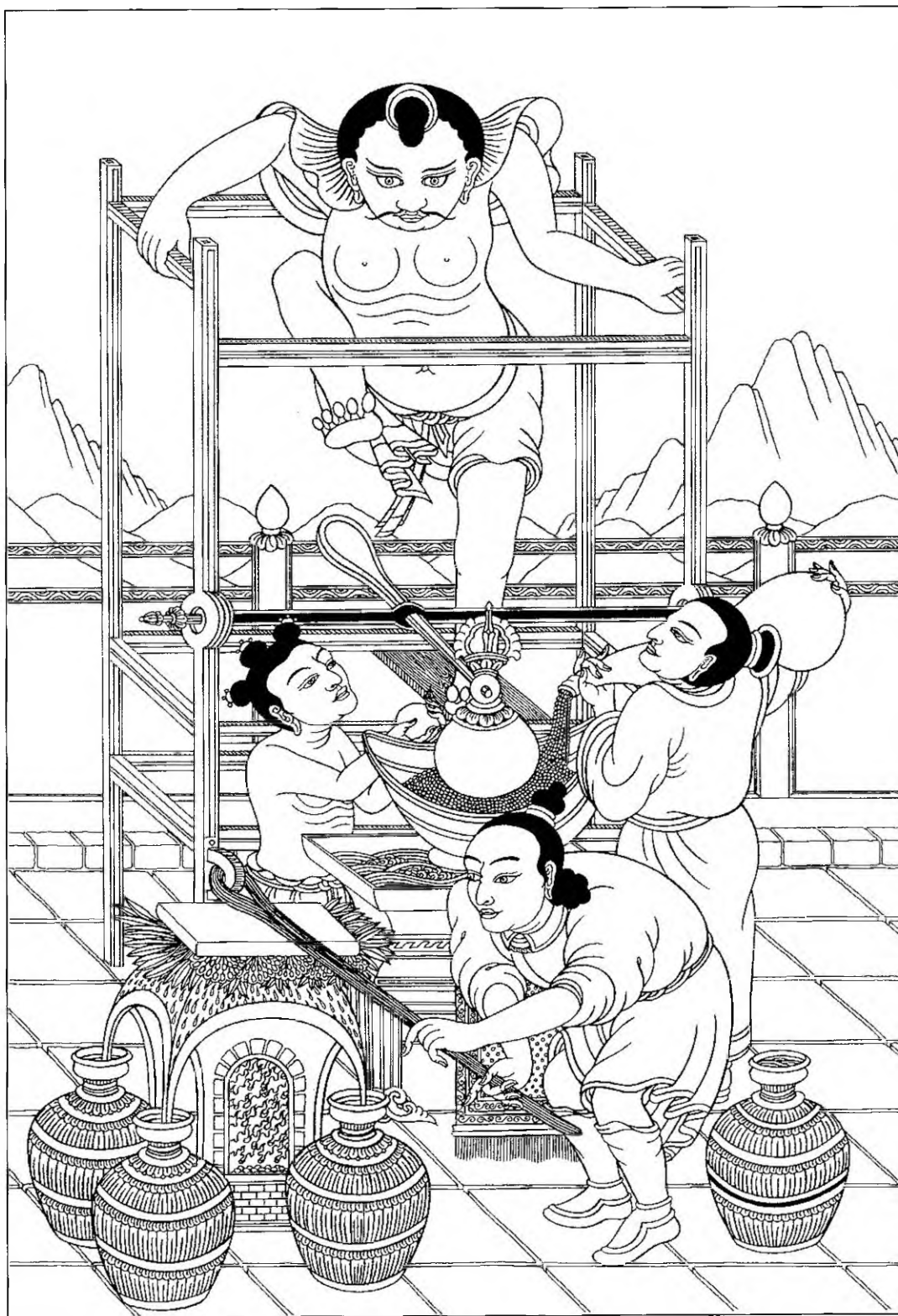
Пандита ответил согласием. Каждый день стал он давать поучения Дхилипе, в то время как тот продолжал заниматься своим ремеслом. Однажды, наблюдая за тем, как из семян кунжута образуется золотистое масло, Гуру заметил: «Благодаря этому труду ты можешь стать еще богаче, но точно не достигнешь освобождения».

Эти слова глубоко поразили Дхилипу. Он отложил свое занятие, вытер руки и присел у ног своего Гуру.

«О, святой человек, как же мне достичь освобождения?» — спросил он.

В ответ пандита дал ему посвящение и наставления о методах очищения ума от жестких представлений привычного мира. Затем Гуру добавил: когда в его уме исчезнут все мысли о явлениях, Дхилипа увидит, что останется только обнаженная сущность, сырая энергия и Ясный свет — сияние, изначально присущее твердым предметам. А затем он пропел своему ученику песнь:

*Отожми кунжутное масло своего тела,
Очисти его от концепций
И налей очищенную жидкость
В сосуд пустой природы ума.
Фитиль, свитый из двух одинаковых
Нитей явлений и пустоты,
Зажги пламенем мудрости
И чистого осознания.
И тогда рассеется мрак неведения,*

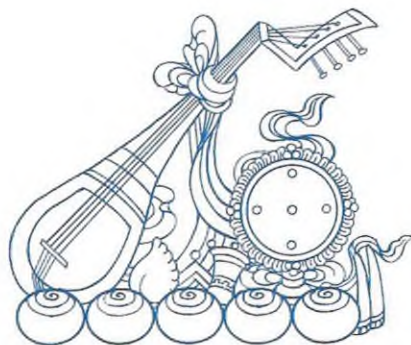
*И будешь покоиться ты вне времени
В нескончаемом, несравненном блаженстве
Освобождения.*

Девять лет практиковал Дхилипа, в точности следуя наставлениям своего Гуру, пока не сумел соединить фазы построения и завершения в медитации. И как только достиг цели, золотистое сияние стало излучаться из его тела, заполнив собой небеса.

Король, услышав об этом чуде, отправил к Дхилипе посланника, чтобы тот увидел все своими глазами и доложил ему. Дхилипа послал королю такой ответ:

*Если богатство измерять бесконечным блаженством,
То я — король, коему нет равных.*

Толпы людей собирались у Дхилипы, желая получить наставления. И подобно тому, как прежде он измерял кунжутное масло, мудрец оценивал способности каждого ученика и давал поучения, полностью им соответствующие. Спустя долгие годы самоотверженной службы на благо других он вознесся в Чистую страну дакинй.

ДАРИКАПА

Король, ставший рабом проститутки

*В каждом из нас заложено чистое наслаждение,
Но покрыто оно пеленой иллюзий.
Стремись изо всех сил, хоть сто жизней подряд,
Обрести «добродетель» и «осознание таинственное» —
Никогда не познать тебе чистого блаженства
Без наставлений Гуру.*

Как-то под вечер правитель Паталипутры король Индрапала в окружении своих загонщиков возвращался с охоты на тигра, державшего в страхе все деревни. Устав и проголодавшись, он решил проехать во дворец кратчайшим путем, который лежал через рыночную площадь. Там он увидел массу людей, бивших поклоны не ему, а совершенно другому человеку. Рассвирепев, он направил своего скакуна сквозь толпу и лицом к лицу столкнулся с сиддхой Луипой. Король сразу узнал знаменитого йогина, питавшегося только рыбьей требухой, которую рыбаки обычно выбрасывали собакам.

Гнев Индрапалы тут же улетучился, король поприветствовал йогина, чей визит был честью для всего государства. Оглядев Луипу с ног до головы, король произнес:

«Ты изящен и привлекателен. Отчего бы тебе не перестать питаться гнилыми рыбьими кишками? Пойдем со мной во дворец — я угощу тебя лучшими блюдами и предоставляю в твое распоряжение все, что тебе нужно».

Луипа обошел короля кругом, окинул его взглядом и промолвил:

«Рыбья требуха меня вполне устраивает. А все, что мне нужно, — это освобождение от Колеса рождений и смерти. Можешь ли ты мне обеспечить его?»

«Нет, это не в моих силах, — отвечал король. — Но если ты останешься у нас, я смогу исполнить любое твое желание». «Если захочешь, я даже отдам тебе королевство», — добавил Индрапала, желая испытать йогина.

«Если ты предложишь мне путь к бессмертию и вечной молодости, то я приму его», — ответил Луипа.

«Все, что я могу предложить тебе, — это королевство и руку моей дочери», — сказал король.

«Вот еще! — брезгливо поморщился Луипа. — Какой мне от этого толк?»

«А мне? — спросил король Индрапала, которого внезапно переполнило отращение к своему образу жизни. — Корона на голове — не такое уж великое дело, а власть над другими имеет много плохих последствий». Произнеся эти слова, король в глубоком раздумье направил прочь своего скакуна.

Прошло несколько дней, и король, призвав к себе министра-брахмана, признался ему, что серьезно задумался о своей жизни и пришел к выводу, что не может назвать себя счастливым человеком. Жизнь, полная роскоши, изысканные яства и лучшие одежды не приносили ощущения удовлетворенности.

«Я решил отречься от престола в пользу сына и остаток дней своих хочу посвятить практике Дхармы», — заявил король. Верный министр отвечал: «Для меня будет огромной честью сопровождать тебя на этом пути!»

Вскоре на престол был возведен молодой монарх, а бразды правления государством переданы новой администрации. Тогда бывший король и его министр, имевшие

за душой теперь не больше, чем беднейшие из нищих, отправились на кладбище, где, как им было известно, частенько появлялся Луипа. Йогин дал обоим посвящение в мандалу Самвары. У Индрапалы и его верного спутника не было равным счетом ничего, чем можно было бы отблагодарить йогина, поэтому они решили поднести Луипе в дар свои тела и стать его слугами.

Затем сиддха и двое его учеников отправились в Ориссу, где и остановились на время, добывая пропитание милостыней и практикуя садхану. После этого они продолжили путь, пока наконец не оказались в Джантипуре.

Насчитывавший триста тысяч домов, город Джантипур был известен своими храмами — приютом для семисот танцовщиц, ублажавших богов. Вместе с двумя своими слугами Луипа направился к одному из храмов в надежде повстречать там Дариму — предводительницу проституток. Однако на пути у них выросли три сотни дюжих охранников, преградив дорогу в ее покои.

«У меня есть раб, который заинтересует вашу хозяйку!» — громогласно прокричал Луипа.

В ответ откуда-то из глубины раздался скучающий голос:

«Ну что ж, если он мне понравится, возможно, я его и куплю».

Тут двери, ведущие в комнаты танцовщиц, распахнулись, и из храма вышла женщина невообразимой красоты. Лицо ее было прекрасно, фигура безупречна, единственное, что, пожалуй, портило совершенство Даримы, — это пресыщенность, читавшаяся в уголках ее губ.

Луипа представил ей в качестве раба бывшего короля Индрапалу. Опытным взглядом окинула его Дарима и, явно удовлетворенная увиденным, предложила за него неслыханную сумму в сто золотых.

Йогин согласился продать раба на двух условиях: во-первых, у него должна быть отдельная комната, где он может спать в одиночестве, когда пожелает; а во-вторых, хозяйка должна отпустить его на волю, как только раб отработает отданные за него сто золотых. Дарима согласилась.

Двенадцать лет преданно служил король Дариме — омывал ей ноги, массировал тело, заботился о том, чтобы еда ее была приготовлена со всей тщательностью, и выполнял любые ее прихоти. Но ни на минуту не забыл король наставлений своего Гуру: днем он служил своей хозяйке, а ночью медитировал, целиком посвящая себя Дхарме. Частенько он исполнял обязанности других слуг, и за его доброту те вскоре полюбили его. Со временем Дарима назначила его управляющим хозяйством.

Когда двенадцать лет были уже на исходе, в храм прибыл король по имени Кунчи, обладавший несметными сокровищами. Пятьсот унций чистого золота намеревался потратить он на плотские забавы. Король-раб стал для него посредником и заработал таким образом по семь унций золота за каждую свою услугу.

День и ночь проводил Кунчи в чувственных утехах, пока наконец не пресытился. Однажды вечером, после особенно обильной трапезы, он вышел в сад подышать свежим воздухом. В ночной прохладе он вдруг почувствовал изумительный и неизвестный ему аромат, он не принадлежал ни жасмину, ни гардении. Король захотел отыскать загадочный цветок и забрать его с собой в свое королевство. Следуя таинственному запаху, наполнявшему собой прозрачный воздух, он наткнулся на буйно заросшую растительностью тропинку и пошел по ней к саду при храме.

Вдалеке король заметил едва уловимое сияние и, предполагая, что чудный аромат исходил из этого источника, направился к нему.

По мере приближения Кунчи свет становился все более ярким, и когда он вышел на открытую лужайку, мощное сияние ослепило его. Прикрыв глаза рукой, Кунчи различил силуэт раба Даримы — он сидел на украшенном драгоценностями троне в окружении пятнадцати девушек неземной красоты. Пораженный этим зрелищем, Кунчи скрылся в тени кустарников и со всех ног помчался к Дариме.

Завязав ей глаза, он приказал Дариме крепко держать его за руку — настолько потрясающим было то, что предстояло ей увидеть. Следуя за пьянящим ароматом и волшебным сиянием, проникавшим даже через повязку на глазах Даримы, они направились в сад.

Отняв от лица не дававшие ей видеть покровы и увидев своего раба, Дарима ахнула и упала перед ним на колени. Затем она стала обходить его кругами, выражая глубокое почтение. А затем совершила простирации перед йогой, полная раскаяния.

«Прости меня! — взмолилась она. — Я — простая женщина, я совершила ужасную ошибку — не сумела разглядеть в тебе святого. Я плохо с тобой обращалась. Я грешила. Прошу тебя о твоей милости! Оставайся у нас и будь нам священником. Позволь нам оказывать тебе всяческие почести столько лет, сколько ты служил нам!»

Король-раб поднялся в воздух на высоту семи пальмовых деревьев и оттуда милосердным взглядом окинул собравшуюся толпу из танцовщиц, охранников, прислуги и рабов. «Я прощаю тебя, — сказал он. — Благодарю за предложение, но я призван служить всем страдающим людям на земле».

В ту же ночь все присутствовавшие там стали его учениками. Йогин передал им наставления о садхане, ставшей известной как «опустошение города», и пропел песнь:

*Сказочные богатства королей —
Их слоны, балдахины и троны —
Меркнут в сравнении с моим состоянием,
Ибо надо мною — балдахин Освобождения,
Сию верхом я на великой колеснице Махаяны,
И правлю на троне трех сфер —
Таково блаженство Дарикапы!*

Мастер прославился во всех королевствах всех континентов под именем Дарикапада — Раб проститутки. Долгие годы он самозабвенно служил людям, а когда пришло время, в окружении семисот учеников Дарикапада в своем теле вознесся в Чистую страну дакинью.

УДХИЛИПА

Летающий сиддха

*Извилистая тропинка мысли
Может привести к безумию;
Сопровождайся и обуздаешь карму.
Если у тебя нет дома,
Ум будет сосредоточен.
Любые другие поиски
Окажутся просто бесплодны.*

Жил когда-то в Дэвикотте один благородный и очень богатый человек. Высокое рождение и огромное состояние обрел он благодаря щедрости и добродетели, накопленной в своих прошлых жизнях. И в этой он и вся его семья не отказывали себе во всяческих удовольствиях. Однажды, засмотревшись на игру света и тени на натертом до блеска полу, он обратил свой взгляд к окну и увидел в небе череду облаков пяти цветов и всевозможных форм. Вот проплыл перед его взором слон с двумя хоботами, за ним леопард, замерший перед прыжком, а следом свернувшийся калачиком котенок. Но прекраснее всех был лебедь — изящный и грациозный в своем полете.

«Как он великолепен, — подумал Удхилипа. — Какой экстаз, должно быть, переживает в полете это дивное создание!»

Облака проплывали дальше, их формы беспрестанно менялись, а Удхилипа все стоял и мечтательно глядел куда-то вдаль, и в его воображении прекрасный лебедь бороздил небесные просторы. Удхилипой овладело непреодолимое желание научиться летать, и всем своим сердцем он глубоко пожелал испытать высшее удовольствие — восторг полета.

Однажды, спустя несколько дней, в дом Удхилипы пришел Гуру Карнарипа (Арьядэва) и попросил еды. Хозяин поприветствовал его и предложил все самое лучшее, что нашлось на кухне, а затем Удхилипа поделился с йогой своим самым сокровенным желанием.

«Да, я могу научить тебя летать, — сказал Гуру. — Но путь этот долог и тяжел. Уверен ли ты, что справишься с такой трудной садханой?»

«Мое желание взлететь в небеса настолько сильно, что я буду следовать твоим наставлениям, и ничто меня не остановит!» — воскликнул Удхилипа.

«Хорошо», — ответил Гуру и дал ему посвящение в Чатуспитгха-махайогини Тантру и такие наставления: «Отправляйся к двадцати четырем центрам великой силы. Отыщи там скрытые двадцать четыре панацей — семенные сущности каждого центра. А обнаружить их ты сможешь, если умиловишь двадцать четыре дакини, которые охраняют эти центры, повторив мантру каждой по десять тысяч раз».

В тот же день Удхилипа отправился в медитативное путешествие и со временем сумел выполнить задачу, которую поставил перед ним йогин. Тогда он отыскал своего Гуру, чтобы получить дальнейшие указания.

«Ты действительно продемонстрировал свою решимость, — сказал Карнарипа. — Однако тебя ждет задача еще более трудная».

«Все, что угодно, о святой! — воскликнул ученик. — Что я должен сделать, чтобы научиться летать?»

«Теперь тебе нужно приготовить драгоценный эликсир, с помощью которого ты сможешь парить в небесах, подобно лебедю», — сказал йогин. — Все панацеи должны быть очищены до совершенства. Для этого сначала их нужно будет обработать в медном горшке, затем в серебряном, и наконец — в горшке из чистого золота».

Двенадцать долгих лет практиковал Удхилипа свою алхимическую садхану. По истечении этого срока он достиг цели и обрел сиддхи Махамудры. Благодаря своему постижению Удхилипа без усилий взмыл в небеса и парил в вышине, преисполнившись великой радостью.

Ученики прозвали его Летающим сиддхой. Спустя многие годы бескорыстной службы во благо человечества на крыльях блаженства взлетел он в Чистую страну дакинй.

ЛАКШМИНКАРА

Безумная принцесса

*Ищущие должны вначале создать просветленный взгляд.
Затем — медитировать непоколебимо
На пустоту бытия.
Наконец, погрузившись в интуитивное постоянство
Тайного переживания,
Они совершают необходимое — с милосердием и скромностью.*

В сфере бытия дакинь — в Уддияне — правил король Индрабхути страной Шамбалой. Дабы укрепить добрососедские отношения с королем Джалендрой, правившим государством Ланкапури, Индрабхути пообещал выдать свою сестру замуж за сына Джалендры. Когда состоялась помолвка, девочке было семь лет. Единственное, что разделяло два королевства, — это религия, так как в Шамбале исповедовали буддизм, а подданные Ланкапури поклонялись Брахме. Но ни один из двух правителей не усмотрел в этом помехи для их дружбы и будущего брака, который должен был породнить королей.

Лакшминкара была необыкновенным созданием. С рождения она демонстрировала все качества избранных. Девочка получила отличное воспитание, а благодаря поучениям Гуру Камбалы и других мастеров, которые услышала еще совсем ребенком, Лакшминкара обрела истинное понимание разнообразных тантр. Принцесса была еще слишком юна, чтобы покинуть родной дом, и ее родным, настаивающим на этом, удалось отсрочить свадьбу до шестнадцатилетия Лакшминкары.

Пока Лакшминкара была маленькой, ей казалось, что день свадьбы был невообразимо далек. Но пришло назначенное время, и святой девушке пришлось выйти замуж за принца намного старше ее, которого она видела всего раз в жизни — девять лет назад. Лакшминкаре казалось, что наступил конец света, когда прибыл эскорт из Ланкапури, чтобы навсегда увезти ее от всего, что было дорого ее сердцу. Страшно было ей оставить спокойную жизнь в родном доме и выйти в обитый мир, ведь все, чего хотелось юной принцессе, — это продолжать свою практику. Однако она понимала, что в этом заключалась дипломатическая необходимость, и поэтому все же покинула Шамбалу. Лакшминкару сопровождали многочисленные друзья-буддисты, везшие ее новой семье богатое приданое и роскошные подарки.

Отъезд принцессы задержался, и в Ланкапури она прибыла на несколько дней позже, чем ожидалось. У ворот дворца Джалендры процессию встретили придворные астрологи. Они сообщили Лакшминкаре, что день ее прибытия был крайне неблагоприятен, и попросили подождать у входа во дворец до следующего дня.

Лакшминкара надеялась встретить теплый прием, поэтому задержка с ее появлением во дворце показалась ей обращением грубым и недостойным, ее это сильно расстроило. Принцесса отправилась гулять, но, когда увидела, как жил народ Ланкапури, ее печаль только углубилась — было очевидно, что местные жители никогда не слышали поучений Будды.

Внезапно вдалеке раздались звуки рожков, лай собак и стук лошадиных копыт, спустя минуту мимо нее пронеслась королевская процессия, возвращавшаяся с охоты. Во главе всей группы скакал сурового вида мужчина в роскошном одеянии,

запачканном пятнами крови, а через седло его скакуна была переброшена туша убитого оленя.

Принцесса ужаснулась такому бесчеловечному обращению с животными. Кровь отхлынула от ее лица и волосы стали дыбом, когда она поняла, что этот суровый мужчина — ее жених.

«Мой брат — принц, почитающий учение Будды, отправил меня к этим нечестивцам, погрязшим в мирской суете!» — воскликнула принцесса и лишилась чувств. Придя в себя, Лакшминкара распахнула все сундуки, коробки и узлы с приданным и стала раздавать свое имущество сбежавшимся любопытным. Сняв с себя последние драгоценности, она отдала их слугам и отправила их обратно в Шамбалу.

Когда принцессу наконец приняли во дворец, она заперлась в своей комнате и не выходила оттуда десять дней. После долгих раздумий она решила, что единственным спасением от этой мучительной жизни было притвориться сумасшедшей. Лакшминкара разодрала на себе одежды, измазала тело маслом и сажей и взломатила волосы. Теперь она выглядела совершенно безумной, хотя в глубине своего сердца ни на мгновение не теряла полной концентрации на своей садхане.

Увидя невесту в таком состоянии, принц сильно огорчился. Он собрал всех придворных врачей и приказал им осмотреть Лакшминкару. Однако не успели те ступить на порог ее комнаты, как в них полетели масляные лампы и гребни, а сама принцесса с дикими воплями набросилась на лекарей, впиваясь в них ногтями и зубами.

Известие о безумии принцессы послали королю Индрабхути в надежде, что его вмешательство поможет потерявшей рассудок женщине. Однако никакой реакции со стороны правителя Шамбалы не последовало, и это повергло королевское семейство Ланкапури в еще большее отчаяние. В отличие от Индрабхути они не могли понять, что своими дикими выходками принцесса Лакшминкара демонстрировала глубокое отвращение к сансаре. Мысль же о том, что в своем духовном развитии сестра значительно превзошла его самого, наполнила стыдом сердце короля Шамбалы.

Вскоре ни у кого не осталось сомнений, что Лакшминкара безнадежна. Никто не хотел и на шаг приблизиться к обезумевшей женщине. А принцесса только этого и добивалась.

Однажды ночью, когда стражники, караулившие ее покои, отлучились по своим делам, она тихонько вышла из комнаты и словно тень скользнула вниз по черной лестнице. Пробравшись незамеченной по лабиринтам дворца, принцесса очутилась в кухне. Там она спряталась за сваленными в кучу отходами и, когда за мусором пришли уборщики, выскочила за ворота дворца.

Лакшминкара добралась до кладбища, да так и осталась там. Она отреклась от мирской жизни и стала йогиней. Пропитание она находила в отбросах, оставленных собакам. Это был тяжелый путь для девушки с таким нежным воспитанием, однако Лакшминкара была непоколебима в своей решимости. Семь лет прожила она на кладбище, постоянно практикуя садхану и углубляя свой опыт переживания сущностной нирваны. А по истечении этого срока обрела сиддхи.

Все эти годы ей преданно помогал чистильщик королевских уборных — неприкасаемый. А когда Лакшминкара обрела постижение, она дала ему посвящение.

Мужчина быстро достиг состояния Будды, и никто не знал о его постижении, кроме его наставницы.

Тем временем король Джалендра отправился как-то раз на охоту. Незаметно для себя он отбился от сопровождавшей его группы. Несколько часов кружил он по лесу в поисках своей свиты, но безуспешно. Наконец до смерти устав, он спешился и прилег вздремнуть под кроной раскидистого дерева.

Когда же проснулся, на джунгли уже опустилась ночная мгла. С опаской пробираясь через заросли кустарников и ведя под уздцы коня, Джалендра увидел вдалеке странное свечение. Королем овладело любопытство: что бы это могло быть посреди дремучего леса? Подойдя поближе, он заметил, что таинственное сияние исходило из пещеры. Бесшумно подкравшись к входу, он заглянул внутрь и остолбенел.

На великолепном троне, украшенном драгоценными камнями, сидела Лакшминкара, а из ее тела излучался золотистый свет и заполнял собой всю пещеру. Йогини окружали богини, всячески выражавшие свое благоговение перед ней. Глубокая искренняя вера зародилась в сердце короля Джалендры, всю ночь оставался он у входа в пещеру, наблюдая за происходившим внутри.

Наступил день, и короля нашли его товарищи-охотники, потерявшие было всякую надежду отыскать своего повелителя в лесу. Джалендра вернулся к привычной жизни, но время от времени не мог удержаться и отправлялся вновь к чудесной пещере в джунглях.

Однажды, не в силах более скрывать своего присутствия, он вошел вовнутрь и простерся перед йогиней. С большим сомнением отнеслась Лакшминкара к его пылу. Но король так трогательно говорил о своей вере в нее как в Будду, так смиренно просил наставлений, что йогиня наконец уверилась в его искренности. Тогда она пропела ему эту песнь:

*В Колесе перерождений страдают все существа,
Ведь нет в сансаре ни одного мгновения блаженства —
И даже высших существ, богов и людей, терзают муки.
Низшие миры полностью созданы из боли —
Пожирают там алчно друг друга хищные звери,
А существ мучают нескончаемая жара и холод.
О, король! Ищи чистого блаженства Освобождения.*

Затем Лакшминкара промолвила: «Ты не можешь быть моим учеником. Твой Гуру — один из твоих чистильщиков уборных. Это мой ученик, который обрел сиддхи».

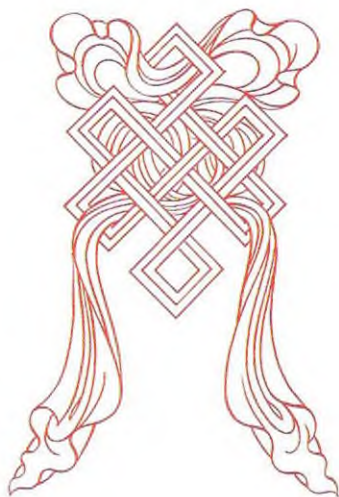
«Но как же я узнаю его? — спросил король. — У меня много уборщиков».

«Наблюдай за ними внимательно, — отвечала йогиня. — Доверься тому, кто, окончив свою работу, поделится едой с бедняками. Отправляйся к нему посреди ночи и проси наставлений».

Король поступил в точности так, как посоветовала Лакшминкара, и вскоре распознал в одном из уборщиков своего Гуру. Джалендра пригласил его во дворец. Когда чистильщик уборных вошел в тронный зал, король поднялся, взял неприкасаемого за руку и усадил на свой трон. Затем Джалендра простерся перед Гуру

и попросил поучений. Йогин дал ему посвящение и наставления о фазах построения и завершения в садхане Ваджраварахи.

Долгие годы Лакшминкара и чистильщик уборных демонстрировали жителям королевства Ланкапури всевозможные чудеса. А когда пришло время, они вознеслись в Чистую страну дакинъ.

НИРГУНАПА

Просветленный болван

*Наставления нашего истинного Гуру показывают спокойную середину
И умирляют дикие эмоции и сбивчивые мысли.
В медитации мы успокаиваем эти, подобные волнам, тревоги
И затем ведем себя обдуманно и внимательно.*

Когда в одной семье низкой касты в Пурвадэши родился мальчик, в честь этого события закатили великий пир. Ребенок стал подрастать, и радость родителей сменилась глубокой печалью — сын был неспособен справиться даже с простейшими задачами. «От этого болвана никакого толка, — жаловались его родные. — Уж лучше бы он вовсе не появлялся на свет!»

До глубины души потрясенный таким отношением, Ниргунапа отправился куда глаза глядят. Оказавшись в уединенном месте, он лег на землю. Там спустя какое-то время его и нашел один йогин. «Вставай и отправляйся в город просить милостыню», — приказал ему йогин. «Я не могу подняться», — отвечал Ниргунапа, не в силах пошевелиться. Йогин сжалился над ним и поделился своей едой. «Ты умеешь хоть что-нибудь?» — спросил он Ниргунапу. «О, почтенный господин, мое имя — Болван. Я ничего не могу», — ответил тот. «Но ты должен есть и пить, иначе умрешь», — возразил йогин. — Разве ты не боишься смерти?» «О да, конечно, боюсь», — признался Ниргунапа. — Но что я могу сделать?»

Тогда йогин сказал: «Я дам тебе садхану, если ты сможешь ее практиковать». «Если я могу практиковать ее лежа, то, прошу тебя, дай мне поучения!» — отозвался Ниргунапа. Йогин дал ему посвящение и наставления о неразделимости всех явлений и пустоты:

*И тот, кто знает, и знание само — иллюзия.
Не способные понять этого
Мучаются беспрестанной тревогой — их можно лишь пожалеть.
Но даже у этой тревоги в истинной реальности нет оснований.
Когда поток ума становится Ясным светом —
Неразделимостью явлений и пустоты, —
Свободный от запретов, ты можешь бродить повсюду,
Безумный святой.*

Ниргунапа стал следовать поучениям своего Гуру, добывая себе пропитание милостыней и практикуя садхану. Со временем он познал единство явлений и пустоты как Ясный свет и достиг цели. Ниргунапа повстречал на своем пути разных людей. Когда его спрашивали, кто он такой, Ниргунапа внимательно вглядывался в глаза человека и начинал плакать. Видя глубину сочувствия в его сердце, люди начинали плакать вместе с ним. Те же, кто были подходящим сосудом, становились его учениками, и Ниргунапа давал им поучения о том, что форма есть пустота, а пустота есть форма. Постепенно их иллюзии растворились, подобно лодке, потонувшей в безбрежном океане, и они обрели сиддхи Махамудры. Когда пришло время, Ниргунапа в своем теле вознесся в Чистую страну дакинью.

МЕКХАЛА и КАНАКХАЛА

Обезглавленные сестры

*Когда все явления и внутри, и снаружи
Воспринимаются как ум,
У всего один вкус.
В высшей медитации, свободной от усилий,
Нашла я недвойственное блаженство —
Чистое и совершенное состояние Будды.
Надев непроницаемые доспехи терпения,
Украшенные мужеством, подобным алмазу,
Взошла я на корабль ума
И достигла уверенного владения своим телом.*

У одного вдовца из Дэвикотты было две дочери. С самого детства они беспрестанно проказили и этим заслужили себе дурную славу. Отцу удалось выдать их замуж за ничего не подозревавших сыновей рыбака из соседней деревни. Однако братья вскоре поняли, что попали впросак — молодые жены донимали своих мужей, а те, в свою очередь, бранили их за возмутительное поведение. Вскоре злые языки разнесли по всей окрестности недобрые сплетни о несчастном семействе.

Хотя девушки сами были причиной своих невзгод, они день и ночь жаловались друг другу на тяжелую долю. Наконец младшая из них, Канакхала, сказала своей сестре: «Я больше не выдержу ни минуты такой жизни! Давай убежим в другую страну — может быть, там у нас все наладится?»

Тогда Мекхала в первый раз в жизни произнесла мудрые слова:

«Ты знаешь, мне кажется, что мы заслужили то, что имеем, — сказала она задумчиво. — Боюсь, нам придется остаться здесь — в другом месте все будет так же, потому что от себя мы не убежим».

И в тот же миг с улицы донесся необычайный шум. Молодые женщины выскочили из дома и увидели Гуру Кришначарью в сопровождении семисот даков и дакинй. В воздухе над головой Гуру волшебным образом парил чудесный балдахин, а все пространство заполнял бой дамару — барабанчиков из черепов.

Не задумываясь, сестры бросились к ногам Гуру. Поведая ему свою грустную историю, они попросили наставлений.

Гуру Кришначарья дал им посвящение в Ваджраварахи и поучения о методах, соединяющих взгляд и действие. А затем он отправил их практиковать садхану.

Сестры усердно практиковали в течение двенадцати лет и в конце достигли цели. Пробудившись от медитации, они решили отыскать своего Гуру и просить дальнейших наставлений. Они нашли Гуру Кришначарью в его скромном жилище. Смирненно простершись перед ним, они обошли Гуру в глубоком почтении.

Кришначарья принял их вполне благосклонно, но очевидно было, что он и понятия не имел, кто эти женщины. Сестер это очень расстроило.

«Разве ты не помнишь нас? — воскликнули они. — Мы те самые несчастные жены, которым ты дал посвящение двенадцать лет назад!»

«Раз я дал вам посвящение, то почему вы пришли ко мне без подношений?», — рассерженно отозвался Гуру.

Сестры промолвили: «Мы к твоим услугам. Скажи, чего ты желаешь!»

«Ваших голов!» — ни на мгновение не задумавшись, ответил Гуру.

Без промедления обе женщины воскликнули: «Мы отдадим Гуру все, что он просит!» С этими словами обе обнажили острые мечи чистого осознания и отрезали себе головы. Поднеся их своему Гуру, они пропели:

*Благодаря наставлениям Гуру в медитации
Соединили мы фазы построения и завершения.
Разрушили все границы между сансарой и нирваной.
В совершенной гармонии соединили взгляд и действие.
Неведомы нам теперь различия между приятием и отвержением.*

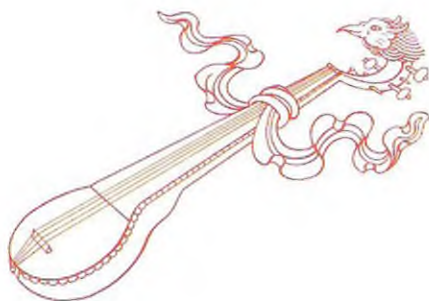
*Покаясь в блаженном союзе безбрежного пространства
и чистого осознания,
Не знаем мы разделения между собой и другими.
Как символ обретения состояния вне концепций
Подносим мы этот дар.*

С великой радостью Гуру отвечал:

*Взгляните на этих великих йогинь —
В радости они достигли цели!
А теперь забудьте о собственном покое и счастье
И начните жить ради блага всех!*

Тогда Кришначарья водрузил отрубленные головы на место, да так, что ни осталось никаких следов от только что пережитого опыта. Люди, ставшие тому свидетелями, переполнились благоговением, и двух сестер с тех пор стали называть Обезглавленными Йогинями.

Мекхала и Канакхала с благодарностью преклонили колена перед Гуру и почтительно коснулись его ног. В тот же миг они обрели сиддхи Махамудры. Еще долгие годы бескорыстно трудились они на благо всех живых существ, а когда пришло время, в своих телах вознеслись в Чистую страну дакинью.

КИРАПАЛАПА (Килапа)

Раскаявшийся завоеватель

*Подобно туче, закрывающей собой солнце,
Мои концепции о себе и других
Скрывали от меня свет реальности.
Но в момент постижения
Ум мой наполнился сиянием
Своей собственной пустоты.
И даже слово «Будда» стало лишь бессмысленным ярлыком.*

Никогда не был король Грахара доволен тем, что имел. Удовлетворение ускользало от него, подобно несбыточной мечте. Король правил огромной и богатой страной, не отказывая себе в разнообразных и изысканных удовольствиях, — такой жизни был бы достоин сам Кубера, бог богатства. Однако Грахаре было все мало. Он, не переставая, захватывал все новые земли и присваивал все больше и больше сокровищ. Его армии без конца воевали с соседними королевствами и всегда одерживали верх над противниками.

Однажды алчный до славы Грахара со своей армией лично отправился в кровавый поход, чтобы разграбить столицу одного из отдаленных королевств. Успех миссии должен был отодвинуть границы империи до самого моря, а там, кто знает, какими несметными сокровищами можно было поживиться!

Король с детства умел обращаться с оружием, но никогда своими глазами не видел ужасов войны. В этот раз ему с отвращением пришлось смотреть, как его собственные подданные рубили на куски беспомощных мужчин и женщин, которые оказались не в силах скрыться с его пути. Король увидел, как младенцев отнимали у матерей и разбивали о стены, словно глиняные горшки. Он увидел, как солдаты передавали друг другу молодых женщин, как вещи, и делали с ними все, что хотели. Увидел король жен, оставшихся без мужей, осиротевших детей и беззащитных людей, в одно мгновение потерявших кров. Ноздри Грахары наполнились запахом крови, в ушах звенели отчаянные крики, глаза видели только ужас, а сердцем он знал, что причиной этого бессмысленного кошмара стал он сам.

В тот же миг король полностью раскаялся. Сердце его наполнилось сочувствием, и Грахара вывел свои войска за пределы города. Он предпринял попытку возместить пострадавшим ущерб, который сам им причинил. Грахара провозгласил указ о мире и приказал заново отстроить город, а также оказать помощь овдовевшим и сиротам.

Вернувшись домой, король твердо решил полностью изменить свою жизнь и тут же раздал бедным все свое баснословное состояние.

В это время у ворот королевского дворца появился йогин, оборванный, весь в лохмотьях, и попросил еды. Узнав об этом, король пригласил его к себе и угостил лучшими яствами. А после рассказал йогину о тех переменах, что с ним произошли, и о своем желании практиковать садхану. Тогда йогин дал ему поучения о прибежище в Трех драгоценностях, об обете Бодхисаттвы и о Четырех неограниченных состояниях ума. Но и на этот раз король был не удовлетворен полученным. Он умолял йогина дать ему такие дхармические поучения, которые могут привести к состоянию Будды в течение одной жизни. Йогин предупредил короля, что на этом пути он встретится со многими трудностями, но тот продолжал настаивать. Тогда

Гуру дал ему посвящение в Самвару и наставления о фазах построения и завершения в медитации. Король также получил имя Кирапалапа.

С огромной решимостью он принялся за практику, однако вскоре столкнулся о сложностями, о которых предупреждал Гуру. Всю свою жизнь король был занят управлением государством и военными делами, и теперь всякий раз, когда он пытался медитировать, прежние заботы всплывали в его уме. Он решил спросить совета у Гуру, в ответ йогин предложил ему садхану, в которой мысли короля стали бы переправой, ведущей к Освобождению. Гуру пропел своему ученику такую песнь:

*Представь всех существ трех сфер
Как полчище горделивых воинов.
Соедини их в одну послушную армию —
В безбрежную пустоту ума —
И увидишь ты врагов своих побежденными.
Тогда, о великий король, купайся в блаженстве своей победы.*

Двенадцать лет медитировал король Кирапалапа, следуя наставлениям своего Гуру, и в конце достиг Просветления и обрел сиддхи. В день, когда пришло к нему постижение, тело короля стало излучать золотистое сияние, этот чудесный свет вскоре заполнил собой весь дворец. Когда, подобно лучам восходящего солнца, волшебное свечение проникло сквозь стены дворца, все жены короля и все его министры поняли, что тот достиг цели. Тогда они собрались перед королем, с благоговением склонились у его ног и попросили наставлений. И король поведал им:

*Преобразуйте жажду власти и богатства
В желание близости ко всем существам
В четырех неизмеримых состояниях ума.
Острым лезвием воинской ярости
Уничтожьте всех демонов ума.*

Еще семьсот лет самозабвенно трудился король на благо всех существ. А затем в окружении шестисот учеников вознесся в Чистую страну дакинью.

НАГАБОДХИ

Краснорогий вор

*Какая удача — жить на земле.
Какие богатства скрыты в пучине морской.
Какое блаженство — владеть мечом осознания
И быть с друзьями, когда мы встречаем Не Имеющих Цели.*

Когда-то, давным-давно, поселился в Сурвана Вихаре великий Мастер Арья Нагарджуна. Каждый вечер в его честь устраивали пиршество, а яства подавали на блюдах из чистого золота.

Как-то раз во время вечерней трапезы довелось проходить мимо одному брахману, имевшему тягу к воровству. Он заглянул в комнату, где подавали ужин Арья Нагарджуне, и, ослепленный огромным количеством золота, тут же возжелал завладеть им.

Не успел брахман придумать какую-нибудь уловку, как из дверей вылетела золотая чаша и очутилась прямо у него в руках. Потрясенный такой удачей, он недолго думая спрятал чашу под рясу и поспешил удалиться.

На следующий вечер брахман снова оказался перед дверью в комнату Нагарджуны. И только было собрался он с мыслями, как ему пробраться в дом незамеченным, как из окна, словно драгоценная птица, вылетело золотое блюдо и ударило ему прямо в голень. Ошеломленный брахман тут же засунул сокровище под одежды и скрылся в вечерней мгле.

Решив, что в третий раз должно повезти еще больше, на следующий день он снова отправился к дому, где поселился Нагарджуна, в надежде сорвать большой куш. Как только брахман приблизился к открытой двери, как из нее полетели золотые тарелки, чаши и кубки, и приземлились прямо у его ног, образовав аккуратную горку. Брахман замер от изумления — никогда в жизни не видел он ничего подобного. Кто же жил в этом доме? Неужели он читал его мысли?

И тут из комнаты донесся дружелюбный голос: «Мое богатство — твое богатство. Тебе не нужно ничего воровать. Заходи, отведай еды и напитков со мной. Имя мое — Арья Нагарджуна. Оставайся, сколько захочешь, а уходя, можешь взять с собой все, что пожелаешь».

Потрясенный до глубины души, вор вошел в дом и отужинал со святым. Никогда еще не встречал он подобных людей и поэтому захотел испытать этого странного человека. Речь Нагарджуны развеяла все сомнения в сердце вора и пробудила в нем глубокое доверие к Гуру. Все, что он теперь желал унести с собой, были золотые наставления Нагарджуны. Гуру с радостью дал ему посвящение в тантру «Гухья-самаджа». Затем он дал ученику пояснения о том, как медитировать на жадность и таким образом найти путь к освобождению:

*Сначала оставь все мысли о действиях.
Затем в отверстии на макушке головы
Представляй огромный рог, прозрачный и красный,
Лучащийся рубиновым светом.
Это рог желанных объектов —
Увидь в них всего лишь концепции, иллюзорные картинки в уме.*

Затем Нагарджуна щедро одарил вора всеми мыслимыми сокровищами — алмазами, рубинами, сапфирами, опалами, жемчугом и бирюзой. Несказанно довольный, сел тот медитировать так, как научил его Гуру.

Прошло двенадцать лет, и на голове вора вырос огромный красный рог. Он пульсировал, как живой, заставляя тело бедняги дрожать в конвульсиях. Тогда перед ним возник Нагарджуна и осведомился о состоянии своего ученика. Вор признался Гуру в своих терзаниях, а Мастер, мгновенно поняв, в чем заключаются сложности, дал ученику такие наставления:

*Каждая клетка этого рога —
Явления и жесткие взгляды.
Он разрушает твоё счастье,
Ибо привязанность к объектам, лишь кажущимся твердыми,
Всегда ведет к страданиям.*

*Однако эти желанные объекты
Не имеют реального существования.
В происходящем не больше реальности,
Чем в облаках, несущихся по небу.
Как же могут рождения, жизнь или смерть
Облагоденствовать нас или причинить вред?*

*Если и знание, и тот, кто знает,
Пусты по сути своей,
Как может страдать
Чистая природа ума?*

Благодаря поучениям Нагарджуны Нагабодхи распознал пустую природу самого себя. Он полностью погрузился в это осознание, и спустя шесть месяцев красный рог его исчез без следа. Нагабодхи постиг неразделимость сансары и нирваны и достиг цели — Освобождения.

Когда пришло время Нагарджуне покинуть землю, он призвал к себе Нагабодхи и назначил его держателем линии передачи, которую основал. Нагарджуна передал реализованному вору разрешение в подходящее время давать своим ученикам восемь великих сиддх.

Эти волшебные силы позволяют достигшим реализации проходить сквозь землю и твердые предметы, владеть мечом осознания, разрушать, создавать и приумножать, производить пилюли высшего взгляда, дарить всеведение, передвигаться на невероятной скорости и владеть алхимической тайной вечной жизни.

Затем Нагарджуна приказал Нагабодхи оставаться на горе Шри Парвата и бескорыстно служить всем живым существам до тех пор, пока не явится ему откровение о прибытии Майтрейи — Будды Грядущего, который разошлет любовь и доброту во все уголки мира.

Говорят, что Нагабодхи пробудет там двадцать тысяч лет.

САРВАБХАКША

Сиддха с пустым желудком

*В неведении все ощущения — разные.
В постижении все имеет, по сути, один вкус.
В неведении сансара отделена от нирваны.
В постижении они — союз чистого блаженства.*

По рождению Сарвабхакша принадлежал к низкой касте. Всю жизнь он испытывал неутолимый голод. Он родился голодным, дни напролет пытался наполнить желудок и засыпал, так и не насытившись, а наутро снова вставал с ощущением голода. Что бы он ни ел, сколько бы ни проглотил еды — все было мало.

Пришел день, когда съестного, чтобы утолить его аппетит, больше не осталось. В полном отчаянии Сарвабхакша уединился в пещере и горько заплакал, не в силах совладать с болью в желудке и со своей тягой к еде.

Там его нашел Гуру Сараха и поинтересовался у бедняги, что его так опечалило и стало причиной горьких слез?

«О, святой! В моем нутре бушует пожар, — ответил обжора. — Он поглощает все, что попадает внутрь, но я никогда не насыщаюсь. Сегодня я не смог раздобыть еды, и теперь меня мучают ужасные боли».

«Если ты не можешь утолить такой незначительный голод, что ты будешь делать, когда переродишься голодным духом?» — спросил Гуру.

«Голодным духом? — в ужасе воскликнул Сарвабхакша. — Что это такое?»

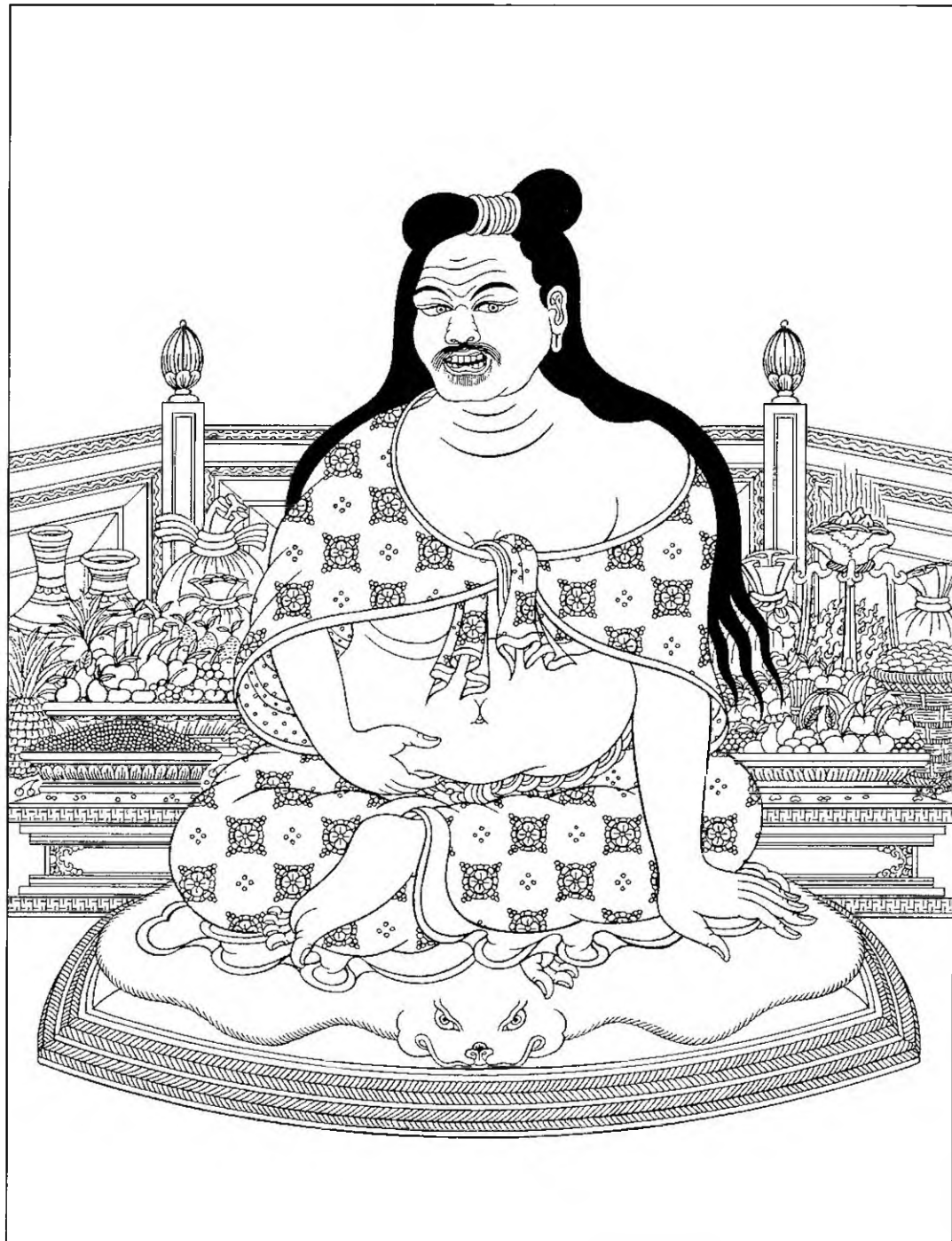
Тогда Сараха поднял завесы с глаз бедняги — ровно настолько, чтобы тот смог увидеть несчастных духов. «Из-за жадности они приговорены своей кармой на десять тысяч лет непрекращающейся агонии, — сказал Гуру. — Рты их подобны игольному ушку, глотки тонки, как волос, а пустые желудки огромны, как горы. Они страдают от бесконечного голода, но никогда не переживают и малейшего насыщения».

Обжора до глубины души был потрясен услышанным. Он пал ниц перед Сарахой и промолвил: «Как я могу спастись от такой ужасной участи? Прошу тебя, дай мне поучения!»

Сараха знал, что единственным избавлением от такой доли было сочувствие и щедрость. Поэтому он дал своему ученику посвящение в Бхусуку, известного как «воплощение лени»::

*Представь, что живот твой — пустое небо,
В еде и напитках узрей все явления,
Ощути огонь внутри как окончательное пожарище,
Ешь, поглощая всю вселенную.*

С огромной преданностью стал обжора практиковать эту медитацию. И так ненасытен был он в своей садхане, что съел гору Меру, не оставив от нее и камушка. Но и этого было недостаточно. Тогда он проглотил все вселенную вместе с солнцем и луной. Наступила крошечная мгла, и люди пришли в ужас.

Все обыскали дакини, пока наконец не нашли Гуру Сараху, и взмолились о помощи. Тогда йогин вернулся к своему медитирующему ученику и дал ему наставление: «Визуализируй все, что ешь, как абсолютную пустоту».

Благодаря этому поучению обжора смог познать единую природу всех явлений и пустоты и достиг цели. Тогда солнце вновь осветило небосклон, а когда пришла ночь — серебристый лунный свет пролился благословением. Люди снова возрадовались.

После пятнадцати лет практики Сарвабхакша обрел сиддхи Махамудры, и еще шестьсот лет служил он человечеству с сочувствием и щедростью. А когда пришло его время, в окружении тысячи своих учеников он вознесся в Чистую страну дакинй.

МАНИБХАДРА

Примерная жена

*Когда ум мой был окутан неведением,
Каждый звук вызывал критичные мысли.
Но как только открылась мне природа ума,
Я поняла: все возникающее передо мною —
Есть сама реальность.*

Когда-то, давным-давно, жил в городе Агарче очень богатый господин, и была у него дочь тринадцати лет — удивительная красавица. В согласии с традицией девочку помолвили с молодым человеком ее касты и позволили остаться в отчем доме до тех пор, пока она не вырастет и не сможет исполнять свои супружеские обязанности.

Однажды в послеобеденный час в их дом пришел Гуру Куккурипа и попросил еды. В это время Манибхадра как раз оказалась на кухне. Она поприветствовала гостя и сама поднесла ему еды, застенчиво поглядывая на него из-под длинных ресниц. Наконец, забыв о девичьей скромности, она воскликнула:

«Ты так хорош собою! Почему же, одетый в лохмотья, ты бродяжничаешь в поисках еды, когда мог бы, как мой отец, жениться и жить в комфорте?»

Невинный вопрос девочки рассмешил йогина.

«Благодарю тебя, дорогая, но именно этого я пытаюсь избежать. Меня страшит Колесо перерождений, и я живу как живу и практикую медитацию, потому что хочу освободиться от кармического круговорота жизней. Еще один такой шанс может и не представиться».

«Отчего, о святой господин?» — спросила девочка, и в широко раскрытых глазах ее читался неподдельный интерес.

«Оттого что человеческая жизнь — это драгоценная возможность для духовного роста, — ответил йогин. — Когда я это понял, то отказался от прежней жизни и от мыслей о женщинах».

Сердце Манибхадры наполнилось доверием к йогину, и она попросила показать ей путь к Освобождению.

«Я живу на кладбище. Там все меня знают, — отвечал Куккурипа. — Если хочешь узнать больше, отыщи меня там». Затем он поблагодарил девочку за гостеприимство и ушел.

Манибхадра так глубоко задумалась над словами йогина, что до конца дня забросила свои занятия. А ночью непреодолимое желание научиться тому, о чем рассказывал йогин, не давало ей уснуть. Тогда она встала с постели, оделась и, пока все спали, незаметно выскользнула из дома.

На кладбище один добрый нищий указал ей дорогу к Куккурипе. Мастер пригласил ее зайти в свою скромную хижину.

Увидев зрелость ее ума и искренность ее порыва, йогин дал своей юной ученице посвящение и наставления о фазах построения и завершения в медитации. Куккурипа позволил девочке на семь дней остаться в его лачуге, чтобы утвердиться в практике садханы.

А тем временем родные Манибхадры сбились с ног, разыскивая ее. В полном отчаянии, они не могли представить, что случилось с их дочерью и что им теперь

делать. Семейство девочки было одно из самых благородных, чистота его родословной поддерживалась из поколения в поколение, и вот теперь такое пятно на репутации! Родители Манибхадры не знали, плакать ли им от горя или от стыда.

Когда Манибхадра наконец вернулась домой, ее отругали и больно побили. Какой скандал в обществе она вызвала! Удивительно еще, что ее будущей жених не расторг помолвку.

В свое оправдание девочка с полным спокойствием и самообладанием произнесла: «В этой вселенной все существа были мне когда-то либо отцом, либо матерью. Зачем я родилась в семье с такой чистейшей родословной, если, несмотря на такую удачу, я не могу освободиться от оков сансары? Я провела эти дни с моим Гуру. Он научил меня практике садханы, которая ведет к Освобождению, и я уже начала ее выполнять».

Родителей Манибхадры так поразила ее выдержка и твердость, что они не нашлись, что ответить. Они не стали возражать и на просьбу дочери освободить ее от домашних обязанностей, чтобы иметь возможность непрерывно практиковать садхану.

Так прошел год. Приближалось время свадьбы, и родные Манибхадры с тревогой ожидали ее отказа исполнить свой долг. Но удивлению их не было предела, когда девушка послушно отправилась со своим женихом в его дом — без жалоб и сопротивления. Еще больше они изумились, когда услышали, что Манибхадра стала примерной женой. Она исполняла все, чего от нее ожидали, с легкостью и любовью. Ни разу не потеряла молодая женщина самообладания, речь ее всегда была приятной, а поведение — скромным. Когда пришло время, Манибхадра родила сына, а потом дочь, и дала обоим детям образцовое воспитание. Дом ее был самым счастливым в округе.

Так, в совершенной гармонии, прошло еще двенадцать лет. Ранним утром того дня, когда исполнилось ровно тринадцать лет после встречи Манибхадры со своим Гуру, она возвращалась от ручья с кувшином, полным воды. Находясь в глубокой медитации, женщина не заметила оголившийся корень дерева, споткнулась о него и упала. Кувшин выскользнул у нее из рук и разбился оземь.

В тот день ее больше никто не видел. Повсюду искали Манибхадру ее домашние, но все поиски оказались тщетными. Кто-то неожиданно вспомнил, что утром она отправилась за водой. С большой тревогой пошел муж к источнику и обнаружил жену молчаливо сидящей на тропинке. Взгляд ее был устремлен на осколки разбитого кувшина.

Муж заговорил с ней, но женщина, казалось, не замечала его присутствия. Он громко крикнул, но реакции не последовало. Муж пробовал поднять Манибхадру с земли, однако она слово корнями вросла в землю. Тогда он позвал на помощь соседей. Но что бы те ни предпринимали, Манибхадра не проронила ни слова и оставалась недвижимой до самой ночи. А затем, внезапно очнувшись, она вскинула голову и с удивлением оглядела собравшихся вокруг нее людей. Взор ее прояснился и засиял, в нем отразилась нежность, и Манибхадра пропела песнь постижения:

*С безначальных времен разбивают
Существа свои сосуды, и кончается жизнь.*

*Но зачем же тогда возвращаются они домой?
Сегодня разбила и я свой сосуд,
Но я оставляю свой дом в сансаре
Ради страны чистого блаженства.
Как восхитителен Гуру —
Если хотите обрести счастье, доверьтесь ему.*

С этими словами Манибхадра поднялась в воздух и парила в нем двадцать один день, давая жителям Агарче поучения. Затем она попрощалась со своей семьей и всеми соседями и в собственном теле вознеслась в Чистую страну дакинй.

САРОРУХА

Лотосовое дитя

*В месте великой силы Татхата
Всевластный Басука, Нага-Король Мудрости
Осыпал подарками страдающих людей.
Если умилоствит его, он одарит
Постижением тайн тантрических
Всех посвященных.*

Король Индрабхути, правитель Канчи, владел одним миллионом четырьмя сотнями тысяч домов, но не было у него сына и наследника. Безмерно печалило это королевскую чету, да и жителям Канчи не давала покоя мысль о том, что эпоха мирного правления может закончиться в жестокой борьбе за трон.

День и ночь молил Индрабхути о сыне всех мирских богов и тех, что обитают на небесах. И настолько огромной была его заслуга, что вскоре жена его забеременела. Легко и радостно протекала беременность, и с каждым месяцем королева становилась все более умиротворенной.

По истечении шестого месяца три сновидения явились королеве. В первом женщине снилось, что она проглотила гору Меру. Во втором — выпила до последней капли океан, а в третьем подошвой ступни подавила королева три сферы. Она рассказала о необычных сновидениях мужу, но тот не смог их истолковать. Тогда королевская чета созвала всех своих священников и астрологов, но и те терялись в догадках и не пришли к общему мнению о значении этих снов.

Наконец король издал указ с обещанием щедрой награды тому, кто сможет разгадать смысл сновидений королевы. Было созвано великое собрание, и мудрецы решили — сны эти являются знаком, что у монаршей четы родится Бодхисаттва и станет правителем Королевства Истины. Но подданные королевства останутся недовольны, поскольку вопрос о следующем правителе страны так и не будет решен. Однако в час рождения ребенка проявятся знаки, которые успокоят народные умы.

Ребенок появился на свет в полночь десятого дня девятого месяца от зачатия, и рождение его было волшебным. Благодаря своей заслуге и карме младенец возник на ложе из пыльцы в сердце восхитительного лотоса, покоившегося посередине озера. В момент его рождения на всех жителей королевства дождем пролились невиданные богатства. Осчастливленные, люди терялись в догадках о причинах такой удачи.

В полдень следующего дня один рыбак обнаружил младенца в лотосовой колыбели, мерно качавшейся на озерной глади. С переполненным радостью сердцем отнес он малыша во дворец.

Прошел год, и у королевы родился еще один сын. Когда мальчики выросли, старший — рожденный в лотосе — отказался от своего законного права на престол, и на трон был возведен его младший брат. А сам лотосорожденный стал монахом и отправился к великой ступе в Шри-Дханьякатаке, где сам Будда давал поучения о Тантре Калачакры.

По дороге ему встретился еще один монах, направлявшийся к той же ступе, и решено было продолжить путь вместе. В действительности второй монах был не кем иным, как Бодхисаттвой Сочувствия — Авалокитешварой, Гуру рожденного

в лотосе принца. Убедившись в честности своего юного компаньона и его решимости следовать духовным путем, Гуру предложил ему поучения о состоянии высшей радости Будды — Самбхогакайе.

Юный монах жаждал получить наставления, но Авалокитешвара настоял, чтобы ученик для начала продемонстрировал свою преданность Гуру и признал, что без помощи Учителя не сможет проявить Самбхогакайю. Сароруха совершил простирания перед Бодхисаттвой, а тот явил ему сущность Хеваджры и его мандалы и дал сопутствующие наставления. Когда Гуру растворился в воздухе и исчез, молодой монах догадался, кем на самом деле был его Учитель.

Сароруха продолжил свой путь в Шри-Дханьякатаку, намереваясь начать там практику садханы и постичь то, что ему открылось в посвящении. Вскоре после прибытия к Сарорухе обратился один йогин с предложением стать его личным слугой и заботиться о нем, пока тот медитирует. Взамен йогин попросил Сароруху дать ему посвящение, когда он сам обретет сиддхи. На том и порешили, ученик занял пещеру поблизости от своего Мастера и в течение последующих двенадцати лет заботился обо всех его нуждах.

В то время, когда благородный монах удалился в ритрит, страну покинули и благословенные муссоны. Медитировавший Сароруха не ведал, что все королевство поразила жестокая засуха. С каждым годом урожаи становились все более скудными, пока наконец последние всходы не зачахли под безжалостно палящими лучами солнца. Страну охватил голод, унесший жизни молодых и старых. А те, кому удалось выжить, были истощены от недоедания.

Слуга монаха все это время ни словом не обмолвился о великом бедствии, опасаясь, что Мастер выйдет из медитации и, таким образом, его посвящение будет отложено. Йогин отдавал Мастеру всю еду, какую только мог раздобыть, а сам довольствовался объедками, оставленными Сарорухой. Однако по истечении двенадцати лет в городе не осталось более ничего съестного. Положение стало настолько ужасающим, что правителям пришлось открыть королевские амбары и раздать каждому страждущему мизерное количество риса. Наш йогин также отправился ко дворцу просить еды и получил миску сырого риса.

С невероятной осторожностью нес слуга своему Мастеру добытое сокровище, оберегая как зеницу ока каждое зернышко. Но когда переступил порог убежища Сарорухи, силы совсем покинули слугу, он рухнул, рассыпав драгоценный рис по полу пещеры.

«Ты пьян?» — с неудовольствием спросил Мастер.

«Нет, Мастер, — отвечал его слуга. — Где в наше время я смог бы раздобыть спиртное?» И не в силах больше скрывать правду, он признался Мастеру: «Я обессил от голода».

«Так что же ты не поел?» — с удивлением воскликнул Сароруха.

Тогда йогину пришлось рассказать о постигшем страну бедствии.

«Почему ты мне раньше не сказал?! — в бешенстве прокричал монах. — Я обладаю силой вызывать дожди и могу заставить зерно расти! Оставь меня!»

С этими словами Сароруха собрал все зернышки риса и отправился к ближайшей реке. Там он поднес стражникам Восьми Великих Нагов священные куличи. При помощи мудры, мантры и самадхи Сароруха терзал Королей Нагов до тех пор,

пока те больше не в силах были выдержать эту пытку. Тогда поднялись они из воды и признали превосходство Мастера.

«Охвативший всю страну голод — ваша вина, — с упреком произнес Мастер. — На вашей совести смерти ни в чем не повинных людей. И теперь вы оплатите за те страдания, что причинили!»

Голосом, подобным грому, он продолжал:

«Сегодня вы пошлете дождь риса, чтобы утолить голод всех жителей пострадавшего от засухи королевства! Завтра вы пошлете дождь зерна. На следующий день вы пошлете дождь разнообразной провизии. В течение следующих трех дней вы будете посылать дождь из золота и драгоценностей. А на седьмой день — пошлите настоящий ливень!»

Восемь Великих Королей Нагов повиновались Мастеру. Шесть дней подряд лился на жителей страны дождь изобилия, а на седьмой день начался спасительный ливень, и вскоре жизнь вернулась в обездоленную страну. Истерзанная засухой земля напиталась живительной влагой, и на следующий день поля покрылись долгожданной растительностью. На зачахших деревьях появилась молодая листва, а свежая трава роскошным ковром укрыла землю, даруя пропитание выжившему скоту. Вскоре заколосился новый урожай, родились дети, и радость пришла в каждый дом.

В поисках причины всех этих чудес, люди вскоре слышали о силе Мастера. И чем больше они узнавали о нем, тем сильнее становилось в их сердцах доверие к нему.

Сароруха же простил своему слуге по имени Рама его ошибку и дал ему посвящение в Хеваджру и наставления о фазах построения и завершения в медитации. После этого Мастер добавил: «Если ты не сможешь действовать самоотверженно на благо других, тебе никогда не войти в Чистую страну дакинй. Отправляйся к горе Шри Парвата и практикуй там свою садхану».

С этими словами Мастер поднялся в небо и исчез. Рама же добрался до Шри Парвата и там взял себе в партнерши прекрасную принцессу. Вместе они уединились в джунглях, где построили храм в честь бога Рамы и усердно практиковали садхану. А когда пришло время, оба в своем теле вознеслись в Чистую страну дакинй.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ

Мы выражаем искреннюю благодарность тем, кто терпеливо и усердно работал над этой книгой. Вот их имена: Кендра Кроссен, Брюс Бендерсон, Барбара Шор, Норман Кантер, Брайан Боланд, Памела Блум, Винс Бек.

Благодарим также компанию *Irving Perkins Associates* и сотрудников издательского дома *Inner Traditions* — Сьюзан Дэвидсон и Лесли Колкет.

Мы хотим поблагодарить и сиддхов за то, что в течение десяти лет работы над этим изданием они испытывали нас на стойкость.

Эхуд Шперлинг

ВНИМАНИЕ!

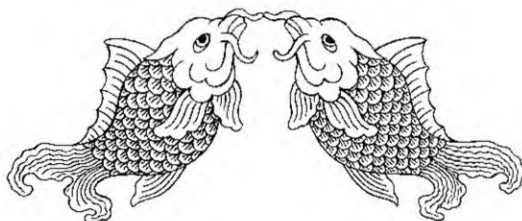
Все книги издательства

ОРИЕНТАЛИЯ

теперь можно приобрести в розничном интернет-магазине

www.dharma-shop.ru

- Также в продаже буддийские видеофильмы и аудиокниги, журналы, статуэтки, четки, благовония и различные полезные аксессуары по самым доступным ценам.
- Доставка — почтой России или службами экспресс-доставки в любую страну.

Адрес: Москва, ул. Добролюбова, 6, стр. 5

(495) 616 52 95, (910) 476 88 06

shop@orientbook.ru

В период между IX и XII веком Восточной Индией управляла династия Пала — королей, которые поддерживали развитие тантрического буддизма. Под их покровительством Тантра стала доминирующей духовной системой Индии. Ее практиковали и передавали йогины-махасиддхи, «великие совершенные» — буддийские отшельники, верные идеалам свободы, мятежники, восставшие против лицемерия и шарлатанства, лживого философствования, кастовой системы и ритуальной чистоты брахманов.

В книге «Буддийские мастера-маги» собраны 54 жизнеописания наиболее известных махасиддхов Индии. Авторство легенд приписывается индийскому йогину Абхаядатте (XII в.), великолепные иллюстрации выполнил современный британский художник Роберт Бир, автор «Энциклопедии тибетских символов и орнаментов», вышедшей ранее в нашем издательстве.

Вот что пишет сам художник о работе над иллюстрациями книги:

«В создании рисунков использовалась гуашь; обводка и декоративные детали нарисованы чистым золотом. Для обводки и золотых деталей я использовал кисточку 000 из собожьего волоса, стертую до толщины иглы. В этой технике тханкописи не допускается рисовать поверх уже созданного изображения, поэтому ошибки нелегко исправлять...»

«Над каждым рисунком я работал в среднем по 24 часа, а над цветными — от 80 до 120 часов. Таким образом, для выполнения всей графики для этой книги мне понадобилось более 4000 часов...»

Роберт Бир — признанный авторитет в области тибетского и непальского буддийского искусства, замечательный художник, исследователь и энтузиаст, посвятивший всю свою энергию и творчество сакральной буддийской живописи. Роберт изучал и практиковал тибетскую тханка-живопись на протяжении тридцати лет, включая пять лет обучения с мастерами-художниками Джампой (личный художник Его Святейшества Далай-ламы XIV) из Дхарамсалы и Кхамтрулом Ринпоче из Ташидзонга. Он — один из первых европейцев, посвятивших свою жизнь глубокому изучению и освоению данной формы искусства.

